Цена отдельного номера в Москве, в провинции и на ст. жел. дор. 5 копеек.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центральн. Ком. и Московск. Ком. В. К. П. (б.).

РЕДАКЦИЯ: Москва, 9, Тверская, 48. Тел. адрес „ПРАВДА".

ТЕЛЕФОНЫ: Телефонограммы . 4-08-00; Секретариат . . 2-84-14; Иностранн. отд. . 2-71-84; По Союзн. Респ. . 3-91-01; Отд. хроники . . 5-80-31; Парт. жизнь; Рабочая жизнь; Деревня; Военный отдел; Ночн. ред.

Рукописи не возвращаются.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва-центр, М. Черкасский пер., д. 3/4. Телеграфный адрес - ИЗДАТПРАВДА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

ЦЕНА НА ОБ'ЯВЛЕНИЯ

ОБ'ЯВЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ Главной Конторой Издательства „ПРАВДА" - Мал. Черкасский пер., 3/4

С жалобами на недост. газет в Москве звонить 2-90-22 и 2-89-24.

ТЕЛЕФОНЫ: Городск. отдела 2-90 22, 2-89-24. Отдела подписки . . 2-87-89. Отдела об'явлений . . 2-53-77. Бухгалтерии . . . . . 2-89-28. Отдела распространения 2-27-12.

№ 99 (3631). Четверг, 5 мая 1927 г. ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА № 99 (3631).

22 апреля (5 мая) 1912 г.—5 мая 1927 г.

Ленинская „Правда"—правда всемирной революции.

Пятнадцать лет назад, 22 апреля 1912 года старого стиля, вышел первый номер большевистской рабочей газеты «Правда». Рождение «Правды» было историческим подвигом питерских рабочих, которые создали ее на копеечные сборы, на пролетарские гроши. Яркий луч света прорезал окутавший огромную страну мрак николаевщины. Поднявшиеся вслед за драмой на Лене валы разбушевавшегося рабочего движения вынесли на своем гребне «Правду»—сделали историческое чудо, создали самую революционную газету в мире, руководимую величайшим мировым революционером Лениным в стране самой свирепой и варварской реакции, в России хищного царя.

Рождение «Правды» было вызовом царизму. Недаром душили ее палачи николаевской цензуры, недаром они преследовали работников «Правды», арестовывали ее редакторов. Прокаженная реакция чуяла, что «Правда», сплачивая вокруг большевистской партии самых лучших и самых мужественных рабочих, готовит штурмовые колонны грядущей революции.

Когда взвились первые ракеты мировой бойни, когда миллионы людей были отправлены на поля сражений, когда фабрики и заводы России были превращены в беспросветные тюрьмы, когда погнали большевистских депутатов в Сибирь, царские жандармы придушили на время «Правду». Но это было лишь предсмертной оргией палаческой власти. Весной 1917 г. рухнула царская Бастилия, вышли из подземелья могучие силы революции, и раздались вновь трубные звуки «Правды».

«Правда» вышла на небывало широкую дорогу. Она быстро нашла путь к тысячам и миллионам рабочих, солдат и крестьян и она понесла великие и простые истины большевизма в широчайшие народные низы. Травля врагов только придавала «Правде» новые силы. «Правда» с честью, с высоко поднятой головой отражала ураганный огонь буржуазной лжи, клеветы и подлости. Она гневно и беспощадно разоблачала лицемерие, трусость, измену оборонцев, героев мелкобуржуазной фразы. И если в июле «Правду» громили юнкера, то уже через три месяца она вела рабочий класс к вершинам Октября.

«Правда» стала центральным органом правящей партии. Спасение революции, укрепление пролетарской власти было главным делом «Правды», как и делом всей нашей партии. В 1918—21 гг. «Правда» была органом гражданской войны. Дух бодрости, беззаветного революционного энтузиазма, непреклонную волю к победе «Правда» несла в ряды красных бойцов. Она звала рабочих и крестьян к нечеловеческому напряжению, она звала их давить белогвардейских гадов, громить разруху, голод, тиф, блокаду. И никогда, даже в самые трудные мгновения революционной борьбы, не дрожал голос «Правды», ибо он был голосом лучших героических рабочих нашей страны, ибо «Правда» была гигантским рупором всей нашей партии, железной, уверенной, непобедимой.

«Правда»—подлинное детище всей нашей эпохи, эпохи бурной и славной. Боевой дух этой эпохи «Правда» впитала в себя целиком. 5 лет назад Владимир Ильич [illegible] писал в передовой статье «Правды»:

«Десятилетний юбилей ежедневной в России издаваемой большевистской газеты... Только десять лет прошло с тех пор: а прожито по содержанию борьбы и движения лет сто. Быстрота общественного развития за последнее пятилетие прямо-таки сверх'естественная, если мерить на старые мерки....

«Основная причина этого громадного ускорения мирового развития есть вовлечение в него новых сотен и сотен миллионов людей».

С тех пор, как Ленин написал эти строки, мы имеем еще большее ускорение мирового развития. Еще больше миллионов людей вовлечено за истекшие пять лет в процесс мирового развития. За этот период мы имели 1923 год в Германии, 1926 г. в Англии, мы имеем вовлечение в активную революционную борьбу «новых сотен и сотен миллионов» людей на Востоке. Слова, высказанные Лениным о громадном ускорении мирового развития, оказываются пророческими словами. Уже сбылись его предсказания о революции в Китае. Сбудутся еще его предсказания и о революции в других колониальных и полуколониальных странах.

Обстановка ускоряющегося мирового развития—родная стихия бурнопламенной большевистской «Правды». «Правда» непреклонно останется, как стояла до сих пор, на занятом ею историческом посту.

Большевистская «Правда»—орган Центрального Комитета ВКП—есть правда рабочих всех стран и угнетенных народов. Все силы свои она и впредь будет отдавать всесветной армии труда, ее борьбе против эксплоатации, гнета, порабощения. В стране победившей диктатуры пролетариата она будет звать сотни тысяч и миллионы людей к победоносному строительству социализма, ломать все преграды и сокрушать все трудности на этом пути. Она будет бичевать без пощады дезертиров социалистического строительства. Она будет бить по лени, некультурности, распущенности, бесхозяйственности, бюрократизму. Она будет и впредь вытаскивать наружу всю нечисть нашей жизни, каленым железом выжигать негодяев. До полной победы социализма, до полного торжества коммунистического труда, до полного избавления от бедности, нищеты, неравенства, страданий,—она пойдет вместе со всем рабочим классом СССР, со всеми тружениками городов и деревень.

«Правда»—газета пролетариата СССР и газета мировой революции. Она будет и впредь бороться с капиталом, бороться против мировой империалистической кабалы, против черносотенной сволочи всего света. Она будет изо дня в день разоблачать обман международной социал-демократии, всех филистеров оппортунизма, всех лазутчиков империализма в пролетарских рядах, всех растлителей воли рабочего класса. Она, как и вся наша партия и весь Коммунистический Интернационал, будет бороться против новой империалистической войны, не допускать, чтобы тираны мировой банкократии повели вновь человечество на воздвигаемый уже жуткий эшафот.

Знамя «Правды» есть знамя коммунизма и мировой революции. Железный язык «Правды» не замолкнет до тех пор, пока восставшая армия мстителей и могильщиков старого строя не добьется полной победы, пока несметные пролетарские батальоны не опрокинут навеки власть капитала.

«Правда»—плоть от плоти и кость от кости стального организма большевистской партии. Она и впредь будет бороться за полное единство рядов партии. С пути, указанного Лениным, «Правда» не свернет никогда.

В день своего пятнадцатилетнего юбилея «Правда» шлет горячий привет рабочим всех стран и угнетенным народам. «Правда» с вами, «Правда» за вас, революционные братья!

Неопубликованные документы В. И. Ленина.

1. Выдержка из доклада В. И. Ленина от имени ЦК РСДРП Брюссельскому Совещанию.

В распоряжении Института Ленина имеется рукопись составленного В. И. Лениным от имени ЦК РСДРП доклада Брюссельскому Об'единительному Совещанию с.-д. организаций и групп России. Это совещание было созвано Международным Социалистическим Бюро и состоялось 16—17 июля 1914 года. Совещание приняло (при воздержании большевиков и латышских с.-д.) резолюцию об условиях об'единения различных с.-д. организаций в России.

Доклад написан Вл. Ильичем в первой половине июля 1914 года и занимает 118 страниц. Полностью доклад будет напечатан в одном из «Ленинских Сборников». Ниже приводится лишь небольшой отрывок из этого доклада—та его часть, где т. Ленин говорит о роли, которую сыграла «Правда» в деле об'единения рабочих масс, будучи первым печатным легальным органом, издававшимся на средства самих рабочих.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА.

С 22-го апреля 1912 года старого стиля в России начала выходить ежедневная рабочая газета «Правда», созданная БЛАГОДАРЯ восстановлению партии на январской конференции 1912 года и проводящая (часто намеками, всегда—урезанно) решения этой конференции. Понятно, что о нелегальной связи между нелегальной конференцией партии в январе 1912 г. и созданным ею ЦК и легальной газетой «Правдой» мы никогда не говорим НИ В КАКОЙ ПЕЧАТИ. С сентября 1912 года начала выходить конкурирующая газета ликвидаторов «Луч»—теперь «Наша Рабочая Газета». Затем, осенью 1912 года были выборы в IV Государственную Думу. С 1913 года стал вводиться в России новый закон о страховании, создающий рабочие больничные кассы. Наконец, легальные профессиональные союзы, как ни сурово преследует их правительство, все же, постоянно будучи закрываемы, постоянно возникают вновь.

Нетрудно понять, что все перечисленные проявления МАССОВОГО рабочего движения—особенно ежедневные газеты ОБОИХ направлений—дают громаднейшее количество открытых, допускающих проверку, ОБ'ЕКТИВНЫХ данных. Мы считаем своим долгом, перед лицом Исполнительного Комитета Международного Социалистического Бюро, решительно протестовать против обычного приема ликвидаторов и их заграничных защитников выступать с голословными утверждениями, уверениями и декламациями, ИГНОРИРУЯ об'ективные факты массового рабочего движения в России.

Именно эти факты и укрепили нас безусловно в убеждении о правильности нашей линии.

В январе 1912 года состоялась восстановившая нелегальную партию конференция Р. С.-Д. Р. П. Ликвидаторы и заграничные группки (Плеханов в том числе) встретили ее бранью. А рабочие России?

На это ответили выборы в IV Государственную Думу.

Эти выборы состоялись осенью 1912 г. Если в III Думе депутатов от рабочей курии было 50 ПРОЦ. нашего направления (4 из 8), то в IV Думе депутатов от рабочей курии на стороне партии было 6 из 9, т.-е. 67 ПРОЦ. Это доказывает, что рабочая масса встала на сторону партии и отвергла ликвидаторство. Если теперь шестеро склоняющихся к ликвидаторству членов Думы действительно желают единства с ПАРТИЙНОЙ фракцией Думы, Российской С.-Д. Рабочей фракцией, то мы обязаны указать: условие единства есть признание того, что депутаты проводят волю большинства рабочих.

Далее. Ежедневные газеты служат очень важным орудием ОРГАНИЗАЦИИ рабочего класса. В газетах есть масса материала, указывающего на это. Например, данные о ЧИСЛЕ ВЗНОСОВ ОТ РАБОЧИХ ГРУПП. Обе газеты, и правдистская (т.-е. партийная), и ликвидаторская, печатают отчеты о денежных взносах от рабочих групп. Эти отчеты представляют из себя самый лучший, какой только мыслим в России, указатель—открытый и легальный—на действительное состояние ОРГАНИЗОВАННОСТИ рабочих масс.

В Западной Европе, где социалистические партии легальны, число членов партии всем известно и берется всегда за основу при всяком рассуждении об организованном рабочем движении.

В России открытой, легальной партии нет. Организации партии нелегальны, тайны, «подпольны», как у нас говорят. Но КОСВЕННЫМ—и притом безошибочным—указанием на состояние этих организаций служит ЧИСЛО ДЕНЕЖНЫХ ВЗНОСОВ ОТ РАБОЧИХ ГРУПП.

Так как эти данные в течение более 2-х лет у нас и более 1½ года у ликвидаторов открыто и регулярно печатаются в обеих газетах, при чем всякая неправда или ошибка вызвала бы тотчас протест самих рабочих, то эти данные являются БЕЗУСЛОВНО НАДЕЖНЫМ и самым лучшим из открытых и легальных указаний на организованность рабочих масс.

Если наши ликвидаторы и защищающие их заграничные группки упорно игнорируют эти данные, молчат о них в своей печати, то наши рабочие видят в этом только проявление желания СОРВАТЬ ВОЛЮ БОЛЬШИНСТВА РАБОЧИХ, видят в этом недостаток добросовестности.

Вот данные за ВЕСЬ 1913 год. У правдистов число взносов рабочих групп было 2.181, у ликвидаторов—661. В 1914 году (по 13 мая) у правдистов 2.873 рабочих группы, у ликвидаторов — 671. Это значит, что процент организованных правдистами рабочих был 77 в 1913 году и 81 в 1914 году.

Правдисты систематически, начиная с 1912 года, печатают эти данные, приглашая проверять их, указывая на об'ективность их, призывая ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ (а не лицемерных) друзей «единства» прямо и честно признать волю большинства рабочих. БЕЗ этого все разговоры о единстве одно лицемерие.

Сознательные рабочие России большинством в ⅘ после полуторагодовой борьбы ликвидаторов против партии ОДОБРИЛИ «правдистскую» линию, верность «подполью» и революционной тактике. И мы ждем от ликвидаторов и их друзей не фраз о «единстве» ПРОТИВ воли партии, а прямого заявления: желают ли они, наконец, признать эту волю громадного большинства сознательных рабочих России или нет?

Говорить пустые уверения легко. Но организовать настоящую рабочую газету, действительно содержимую рабочими, очень не легко. Это знают все более опытные, чем мы, заграничные товарищи. Действительно рабочая, т.-е. действительно содержимая на деньги рабочих, газета, ведущая партийную линию, есть громадный организационный аппарат.

И что же говорят нам данные? Об'ективные данные говорят нам, что «Правда» есть действительно рабочая газета, а ликвидаторская газета, отрицающая «подполье», т.-е. партию, НА ДЕЛЕ и по своим идеям и по источнику своих средств есть БУРЖУАЗНАЯ газета.

С 1 января по 13 мая 1914 г. обе газеты, как и всегда, печатали денежные отчеты о сборах, и в нашей газете были подытожены эти отчеты. Вот результаты. «Правда» собрала 21.584 р. 53 коп., из них 18.934 р. 10 коп. от рабочих групп. То-есть 87 проц. дают сборы от организованных рабочих, и только 13 проц.—от буржуазии.

А у ликвидаторов собрано 12.055 р. 89 коп., из них—5.296 р. 12 коп. от групп рабочих, т.-е. МЕНЬШЕ ПОЛОВИНЫ, всего 44 проц. БОЛЬШЕ ПОЛОВИНЫ денег дает ликвидаторам буржуазия.

К тому же вся либеральная буржуазная печать изо дня в день хвалит ликвидаторов, ПОМОГАЯ им срывать волю большинства рабочих, ПООЩРЯЯ реформизм ликвидаторов и отрицание ими подполья.

«Правда» печатается 40.000 экземпляров, по данным, которые собрал в СПБ и опубликовал товарищ Вандервельд, а ликвидаторы—16.000. «Правда» окупается, содержится рабочими, а ликвидаторов содержат те, кого наша газета называет БОГАТЫМИ ДРУЗЬЯМИ ИЗ БУРЖУАЗИИ.

Мы представляем в Исполнительный Комитет Международного Социалистического Бюро напечатанные в обеих газетах финансовые отчеты; для заграничных товарищей, знающих, какое серьезное дело есть рабочая газета, это будет получше, чем уверения, обещания, заявления и ругатня «ленинцев».

Мы спрашиваем ликвидаторов: угодно ли им и дальше не считаться с тем ОБ'ЕКТИВНЫМ ФАКТОМ, что газета их групп является НА ДЕЛЕ буржуазным предприятием для проповеди отречения от подполья и для СРЫВА воли большинства сознательных рабочих России?

Если да, то разговоры об «единстве» с их стороны будут неправильно вызывать злые насмешки наших рабочих.

Кто серьезно хочет единства, пусть лойяльно признает полнейшую ошибочность всей ликвидаторской линии, ошибочность, доказанную и партийными решениями, начиная с 1908 года, и ОПЫТОМ 2½-летней борьбы РАБОЧИХ МАСС.

2. Письмо в редакцию „Правды".

Приводимое ниже письмо В. И. Ленина адресовано в редакцию газ. «За Правду», выходившей вместо закрытой «Правды» с 14 (1) окт. по 18 (5) дек. 1913 г.

Отчет, которого требует от редакции Вл. Ильич,—отчет о денежных поступлениях в фонд газеты. Такие отчеты время от времени печатались в газете, чему Вл. Ильич придавал большое значение, видя в этих денежных поступлениях от рабочих очевиднейшее доказательство того, что «Правда» действительно является рабочей газетой, содержимой на средства самих рабочих.

Указания Вл. Ильича на возможность увеличения легальности относятся к содержанию газеты и повидимому являются ответом на жалобы секретаря редакции на все увеличивающиеся трудности дальнейшего существования газеты (из 52 номеров газеты «За Правду»—конфисковано 21 номер и оштрафовано 2).

ИНСТ. им. ЛЕНИНА
ОТДЕЛ ГРУППА
РУКОПИСЬ № 8328
КОЛИЧ. ЛИСТОВ 1
ЛИСТ № 1

Уваж[аемые] коллеги!

Очень благодарю Вас за ДВУКРАТНУЮ присылку газеты ВО-ВРЕМЯ, т.-е. ОДНОВРЕМЕННО со всеми буржуазными газетами. Но, кроме этих двух раз, газета «За Пр[авду]» приходит всегда НА ½ ДНЯ позже бурж[уазных] газет. Нельзя ли это переделать и посылать ВСЕГДА во-время, ч[то]бы она приходила ОДНОВРЕМЕННО с бурж[уазными] газ[етами].

Лучшие приветы! Ваш Лен[ин].

P. S. Как теперь тираж газеты? Будет ли когда-н[и]б[у]д[ь] (Наконец!!) денежный отчет? Насчет легальности секретарь Ваш неправ в своем последнем письме: можно и должно МНОГОЕ еще сделать в смысле увеличения легальности.

Сколько ТЕПЕРЬ подписчиков?

„Правда“ как организатор революционной борьбы и социалистического строительства.

«Правда»—первая рабочая газета. Но считать «Правду» только газетой—это будет не совсем точно. «Правда» всегда была прежде всего боевым органом партии большевиков, даже так: боевым органом центрального партийного аппарата. Поэтому хотя она множество раз меняла свое имя, то сходила к маленькому агитационному листку, то развертывалась в руководящий газетный орган, меняла непосредственно стоявшие перед ней задачи, меняла тактику, приемы воздействия на массы, меняла состав людей и т. д.,—тем не менее в этом многообразии она всегда оставалась единой от начала до конца, так как единой оставалась партия, менявшая тактику, выдвигавшая все новые задачи, менявшая методы работы. Все эти изменения в «Правде» точно соответствовали этим маневрам в партии.

Надо еще помнить, что вся работа партии, а значит «Правды», протекала в революционной ситуации. Это надо иметь в виду, когда приходится взвешивать и определять работу «Правды» на всем ее пути, при всем разнообразии ее видов, ее состава, размера, содержания и ее роли.

Соответственно этапам партии (с 1912 года до наших дней) и путь «Правды» распадается по характеру ее работы и по целеустановкам на четыре периода: 1) пропагандистско-организационный период подготовки революции (1912—1914 гг.), 2) период революционной борьбы (1917 г. до Октября), 3) период гражданской войны (1917—21 гг.) и 4) период социалистического строительства (с 1921 г.)

В соответствии с этими этапами рассмотрим ее роль в общем ходе революции.

ПЕРИОД ПРОПАГАНДЫ И ПОДГОТОВКИ (1912—1914 ГГ.).

В 1912 году партия большевиков, наконец, получила возможность основать легальную газету. Это означало, что партия получила возможность (хотя и в искалеченном виде), помимо подпольной большевистской пропаганды, вести через «Правду» практическую работу по организации масс в широком масштабе. Ею пользовались прежде всего через партийные организации. Вот что пишет один из киевских подпольных партийных работников того времени.

«В «Правде» мы находили живой руководящий и достаточный фактический материал по всем текущим политическим и экономическим кампаниям. Например, не имея опыта и подготовки по страховому делу сравнительно со специализировавшимися на этом меньшевиками, мы тем не менее проводили страховую кампанию хорошо... Большинство крупных предприятий и профсоюзов в страховой кампании проводили линию «Правды», т.-е линию партии».

Это руководство партийными организациями, дававшее им возможность проводить единую организованную массовую работу, составляло лишь часть общей работы «Правды».

Не менее, быть может, важную роль здесь играло непосредственное воздействие «Правды» на массы.

Самые широкие массы читали руководящие статьи Ленина и др. Читали и директивные, и популярные статьи. Читали и те речи депутатов Государственной Думы, которые составлялись и произносились и выправлялись соответственно партийным директивам, под контролем ответственных работников партии. Между прочим, многие из читателей старой «Правды» говорят, что эти думские речи читались особенно охотно и пользовались широкой популярностью среди рабочих масс. Тут шла огромная пропагандистская работа, являвшаяся по существу организационной работой среди широких масс.

Была и еще одна, очень важная сторона этой массовой работы. Рабочие корреспонденции и информация рабочего и стачечного движения сыграли большую роль в общем рабочем движении. Один из рабочих питерского завода Парвиайнен рассказывает о том, как рабочие, прочитав в «Правде» о расстреле путиловской стачки, сейчас же остановили завод. Когда в «Правде» появлялась информация, скажем, о забастовке на питерских военных предприятиях, сейчас же настораживалась вся военная промышленность страны. Читали своими и горячо обсуждали требования забастовщиков, сравнивали их положение со своим, обсуждали возможность пред'явить требования и пр. Начиналось общее движение, и это чувствовала фабричная администрация, которая на это сейчас же реагировала, а с нею и полиция.

Точно так же те корреспонденции, то множество рабочих корреспонденций, которые направлялись с предприятий в «Правду», напечатанные здесь, возвращались на фабрики и заводы, и здесь создавали движение, значение которого сейчас трудно учитать.

Тесный союз российской буржуазии с самодержавием создал такую обстановку, что всякое экономическое выступление являлось в то же время и политическим. Это создавало крайне тяжелые условия для забастовочной и всякой иной формы экономической борьбы рабочего класса. Но в то же время здесь с величайшей ясностью выявлялось на деле, на живой практике, в глазах самых широких масс наше основное марксистское положение—органической связи экономики с политикой. Эти широчайшие массы проходили великолепную школу, бесценную подготовку к грядущей социалистической революции. Несомненно, что эта подготовительная работа дореволюционной «Правды» в деле воспитания масс сыграла огромную роль в событиях между Февралем и Октябрем, как и в дальнейшем развертывании революции.

ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ.

Нараставшее революционное движение 1912—1914 гг., несшее на своем хребте старую «Правду», было как бы обрублено империалистической войной. «Правда» была закрыта, были раздавлены всякие политические, экономические и общественные шевеления. Годы войны мертвой полосой отделили начавшийся революционный под'ем от его высшей точки. И когда задержанная революционная энергия, во много раз усиленная чудовищными встрясками войны и начавшимся развалом, хлынула через барьер самодержавия и снесла его, за этим рубежом в огне революционной борьбы тотчас же родилась и «Правда».

Она была не похожа на старую «Правду», вернее, была похожа на нее, как агитация, сопровождающая баррикадную борьбу, похожа на пропаганду.

В этот период массовых движений, распадающегося фронта, гигантских вооруженных демонстраций «Правда» являлась могучим орудием по руководству борьбой, которую вела большевистская партия за овладение массами, за их дисциплинирование и втягивание в организованные формы борьбы за власть.

В своем стремительном движении революция выдвинула с полной обнаженностью, в упор, как жизненно важные для масс, три вопроса: кончить войну, взять землю, а рабочим дать 8-часовой рабочий день, хлеб и права и обеспечить им контроль над производством. Эти вопросы были также вопросами жизни и смерти и для буржуазии. Она не хотела и не могла окончить войну, не могла отдать крестьянам землю безвозмездно, аннулировав тем класс помещиков. Точно так же капиталисты по своей неизменной природе хотели *переложить на государство и рабочих все* потери, которые несла им бушевавшая стихия революции, и в то же время считали, что костлявая рука голода есть лучшее лекарство против грозившей им беды. Отсюда—фабрично-заводской саботаж владельцев, которые закрывали предприятия или сокращали производство. Отсюда же—стремление рабочих установить на предприятиях рабочий контроль, запрещение им вывозить готовый товар с фабричных складов, пока не будет уплачена зарплата, а местами насильственный захват остановленных хозяевами предприятий и «самовольная» работа на них.

Вот эти боевые жизненные лозунги революции и давала партийная команда через «Правду»: кончать войну, брать землю и установить рабочий контроль на предприятиях.

Революционная ситуация быстро менялась. Низвергались министерства, и вместо них возникали новые. Развертывалась пропаганда на фронтах, развивалось так наз. разложение фронта. Гигантские массовые движения, в роде апрельского и июльского в Петрограде, поднимали революцию на следующие ступени. Контрреволюция подтягивала войска с фронтов и делала судорожные усилия обезглавить революцию, разбив ее большевистскую верхушку. Но оттуда, из большевистского центра, давалась массам отчетливая команда, как использовать происходящие события, как ускорить общее движение и направить его дальше. Эта команда давалась в «Правде», подхватывалась десятками маленьких «Правд»—большевистскими газетами всей революционной страны—и повторялась на десятках тысяч митингов.

Когда контрреволюция в июле сочла момент удобным, чтобы ударить по большевикам, она прежде всего разгромила редакцию «Правды» и ее типографию. И когда «Правда» на несколько дней замолчала, то было такое впечатление, что замолчали, лишились голоса большевики.

Рабочие и солдатские массы не давали контрреволюции окончательно задушить «Правду». Но все *же после июльских* дней «Правда» вела полулегальное существование под разными названиями, вплоть до Октябрьского переворота. Тогда «Правда» вернула себе старое имя и стала органом партии, захватившей власть, руководящим органом пролетарской диктатуры.

ПЕРИОД ВОЕННОГО КОММУНИЗМА.

Годы военного коммунизма принесли с собой прежде всего фронты гражданской войны и продовольственный вопрос. Довершался период захвата и раздела между крестьянами помещичьей земли. Во всей остроте развертывался вопрос о сохранении остатков промышленности в условиях разрухи транспорта и захвата врагами сырьевых и топливных районов. И в то же время наша революция перехлестывала концы за рубежи, в Западную Европу, где нарастала революционная ситуация и где мы искали опоры и помощи.

Вот по этим линиям неустанно работала «Правда». Возьмите три—четыре номера «Правды» *того времени*, и вы увидите все это в статьях и информации.

Военная сводка. Корреспонденция с фронта. Передовая—о мировой ситуации, о продовольственном деле, о топливе или по рабочему или крестьянскому вопросу. Движение хлеба. Продразверстка. Работа на фабриках. Распределение пайков. Заготовка дров. Ремонт вагонов и паровозов. Воскресники. Совхозы. Вести из-за фронта (в нашей собственной стране)—из Сибири, Украины, Грузии. Хроника центральных органов. Телеграммы (заграничных очень мало). Таково было содержание «Правды» изо дня в день. Но она крепко налегала на эти жизненные узлы тогдашнего нашего существования и неустанно вела свою организующую работу—организующую гражданскую войну, распределение хлеба и топлива и остатки производства.

Она приказывала, ободряла, крепко держала уверенность, что мы победим. Через нее мы слышали голос Ленина. Ее бессменным редактором, дававшим ей общий тон, был Н. И. Бухарин. Нашим вождям, писавшим в «Правде», тогда некогда было быть журналистами; они были организаторами борьбы на всех внутренних фронтах и на фронте внешнем. И «Правда» тогда несла их отрывистые директивы, как команду на фронтах.

Сама редакция «Правды» была как бы символом тогдашнего общего положения и обстановки, как бы сгустком живой революционной энергии в обстановке разрухи и борьбы. Из 16 комнат всего этажа зимой 14 стояли холодные и пустые. Вся редакция ютилась в одной комнате, отапливаемой «буржуйкой»; соседняя комнатушка была под «делопроизводством» и нагревалась *от соседки*.

Типография, не ремонтировавшаяся 10 лет, работала очень плохо. Краска была плохая, бумага скверная. От этого печать получалась слепая, а последние три строчки по всем полосам нельзя было читать,—все сказано. Но и скверной бумаги стало нехватать: вышли старые запасы, а фабрики не поспевали давать, сколько нужно. «Правда» пересела с четырех страниц на две. *Поднялся вопрос*: надо усилить производство бумаги, а то весь можно остаться совсем на бобах. Оказалось, что наши две или три работающие бумажные фабрики сидят без топлива—перебиваются со дня на день, но что меры к подвозу топлива приняты. Наверно, топливо подвезли, потому что редакция услышала, что дело стоит за сетками, необходимыми для производства бумаги. Сетки наносились вдрызг, новых нет, а получали мы их раньше из-за границы; значит, теперь надо делать их самим. И тут же редакция получила заверение, что производство сеток уже поставлено на одной фабрике. Потом редакция услышала, что производство наладилось, что уже сделано несколько штук сеток, но они никуда не годятся. Теперь, десять, поставлено дело об усовершенствовании их производства. Не помню, дождалась ли редакция этого усовершенствования, но хорошо знаю, что мы дождались мира с Эстонией и стали оттуда получать бумагу.

Первые годы после Октября оставили жуткое впечатление стихийного развала нашей промышленности. Заводы и фабрики шли в «консервацию», а то просто останавливались без всякой консервации и наглухо замирали. Рабочие тысячами уходили на фронты и в продовольственные отряды или просто в деревню за хлебом. И в наших хозяйственных органах шла горячая неблагодарная, трудная и великая работа, чтобы сохранить тот минимум работающих предприятий, какой оставляла возможным жестокая обстановка борьбы и разрухи: дать дров и сырья и дать рабочим пайки. И шла упорная работа по организации нового, еще невиданного мировой историей хозяйственного аппарата, который позволил бы сохранить остатки промышленности, а когда придет мир, мог бы начать работу по ее восстановлению и развертыванию на невиданных — социалистических — началах. И «Правда» на своих серых, сливавшихся от плохой краски столбцах развертывала эту дискуссию о строительстве промышленности, выправляла крен, выясняла суть поставленных практических вопросов—статьями самих работников-хозяйственников; журналистов для этого не было.

Иногда с ошибками, быстро, стремительно делала «Правда» свое дело на ряду с другими революционными органами—с армиями, главками, парторганизациями и пр. И когда просматриваешь ее старые номера за тот период, то они кажутся еще горячими от той раскаленной и напряженной атмосферы, в какой она тогда ковала дело революции на своем участке.

«ПРАВДА» СОВРЕМЕННАЯ.

«Большая» «Правда», та солидная, чересчур большая, по мнению многих, газета, какую мы видим сейчас, стала развертываться из маленькой двухполосной газетки в 1921 году. Тогда она уже имела 4 полосы, заводила отделы, завязывала связи с заграницей, заводила сеть внутренних корреспонденций. Промышленность росла, крестьянское дело росло, и «Правда» росла. Помаленьку ремонтировалась типография, привалило бумаги — хорошей бумаги,—и «Правда» влезла в 6, а потом и 8 полос, наполнялась квалифицированным материалом и, наконец, стала большой газетой мирового масштаба.

«Правда» последних трех лет бесспорно мировая газета, и не только по ее значению—орган правящей партии СССР,—но и по своей газетной технике. И в то же время она резко отличается от буржуазных мировых газет. Отличается она, не говоря об общей целеустановке, и методами газетной работы, и подбором материала, и качеством газетных сотрудников, и качеством своего массового читателя — главным образом рабочего.

Общая целеустановка определяется практическим строительством социализма. Этим определяются и методы работы: охватить все отрасли строительства, обслужить каждую в меру возможности, проводить ударные кампании, проводить длительные кампании по вопросам, которые выпирает сама жизнь на своем быстром ходу как вопросы первостепенной важности в настоящее время: режим экономии, снижение цен, борьба с бюрократизмом, улучшение аппарата. Отсюда — огромный приток в «Правду» материала, который иной раз, что называется, распирает ее. И это—по всем отраслям и рубрикам работы.

Недавно в «Правде» был английский гость—Брейльсфорд. Просматривая номера «Правды», он удивлялся, как наш советский читатель, особенно рабочий, может читать такую трудную газету, где помещаются такие длинные статьи, такие длинные речи, такие длинные информационные материалы. Английский и вообще западно-европейский читатель такую газету читать не может и не будет. По глубокому убеждению Брейльсфорда, всякий материал должен быть подан легко; он должен быть разбит подзаголовками, оставляя под каждым не более трех вершков текста.

Однако мы знаем, что «Правду» наш читатель читает. Читает он и длинные статьи и колоссальные речи. Дело в том, что у нас ведь иной читатель, чем в Европе, по-иному уже воспитанный, заинтересованный в том, чего не знает европейский—в общем строительстве жизни.

Конечно, здесь мы имеем то, чем не нельзя похвалиться, но этих трудностей нам избежать нельзя.

В «Правде» борются эти «две души» газетного дела. С одной стороны, газетная, выверенная столетием техника, требующая ударной, легчайшей подачи материала, запихивания его в рот читателю, беспрерывного взбадривания этого читателя и пр. С другой,—не изящные, длинные, а то и косолапые или тягучие, как резина, статьи, длинные, трудные речи, длинные материалы. Изящная европейская техника не может одолеть этого тяжеловесного собрата и не одолеет по самой сути постановки дела.

Всякая буржуазная газета делается от начала до конца квалифицированными журналистами по общим директивам верхов. У нас «Правда» не может так строиться. За все время ее существования она питалась в огромной массе материалами и статьями, исходившими от практических работников—сначала подпольных, потом боевых революционных, потом ответработников самых разнообразных видов—от председателя Совнаркома, членов ЦК, хозяйственников и т. д. вплоть до рабочих и крестьян. То же и теперь.

Взять, например, экономические статьи. Их не может писать спец-журналист, потому что «Правда» по хозяйственным вопросам является и директивным органом, и информационным, и трибуной. Здесь экономические вопросы подготовляются к практическому разрешению в высших партийных, советских и хозяйственных органах. Никакой спец-журналист не может дать точной картины данного момента, скажем, резиновой или машиностроительной промышленности, показать ее недостатки, нехватки и достижения и выдвинуть неотложные нужды, которые надо удовлетворить. И в «Правде» проходят постепенно различные отрасли нашего хозяйства, как бы на общем смотру, вопия о своих требованиях. И эти голоса, эта демонстрация нужд и их обсуждение, тесно увязанные с работой центральных органов советского государства, делают свое огромное дело постепенной продвижки вперед. Будущий историк нашей революции, изучая «Правду» по ее тяжелым статьям, сможет восстановить постепенный ход *развертывания нашей экономики*. То же и по другим секторам нашей советской жизни. И если в нашей «Правде», как и вообще в большевистской печати, нет блеска, изящества и игры, какими могут похвастаться богатые европейские и американские газеты, то в ней есть неизмеримо большие ценности для мировой жизни и мировой культуры: трудная, неустанная работа по живому, горячему материалу практической работы—организация социалистического строительства.

В. ПОПОВ-ДУБОВСКОЙ.

РЕДАКЦИЯ «ПРАВДЫ» ШЛЕТ БРАТСКИЙ ПРИВЕТ ОСНОВАТЕЛЯМ «ПРАВДЫ», ПЕРВОМУ НЕУТОМИМОМУ РЕДАКТОРУ И СОТРУДНИКУ ТОВ. М. С. ОЛЬМИНСКОМУ, ВСЕМ ТОВАРИЩАМ, ПРИНИМАВШИМ АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ В КАЧЕСТВЕ СОТРУДНИКОВ «ПРАВДЫ», РАБОЧИМ, РАСПРОСТРАНЯВШИМ ЕЕ ПОД УДАРАМИ ЦАРСКИХ ЖАНДАРМОВ, РАБОТНИКАМ ЕЕ, НЕСШИМ ГОДЫ ТЮРЬМЫ, ССЫЛКИ, КАТОРГИ, ПРОЛЕТАРИЯМ, ПИСАВШИМ В «ПРАВДУ» И СВЯЗЫВАВШИМ ЕЕ С РАБОЧИМИ МАССАМИ, И ВСЕМ ТОВАРИЩАМ, ПОМОГАВШИМ ЕЕ УСПЕХАМ ВО ВСЕ ГОДЫ ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ.

Горячий привет „Правде“, носителю заветов Ленина и знаменосцу революционной борьбы пролетариата за коммунизм!

И. Сталин.

Привет „Правде“

15 лет назад, когда стала выходить «Правда», мы сидели в бакинской центральной тюрьме,—Степан Шаумян, Владислав Каспаров, Мирон Черноморов и я.

Несмотря на строгий тюремный режим, мы, как старые подпольщики, ухитрялись не порывать связи с товарищами, находящимися вне тюрьмы и даже за границей.

Мы бесконечно радовались появлению сначала «Звезды», а затем «Правды».

Мы ясно видели в этих большевистских «легальных возможностях» наступление нового периода под'ема рабочего движения.

Еще с самого начала 1912 года ясно наметились признаки оживления революционной работы в крупных центрах. Ленский расстрел был лишь толчком, чтобы привести в движение все то, что накоплялось в рабочих массах за время жестокой реакции 1907—1909 годов.

Мы из тюрьмы не теряли связи даже с В. И. Лениным. У меня сохранилась открытка, которую он прислал нам в тюрьму в ответ на наше письмо. Ильич умел всем во-время ответить и умел укреплять надежду и веру в торжество нашего дела.

Когда мы прочитали в его открытке:... «чувствую себя хорошо и очень доволен»,—этого было нам достаточно, чтобы понять, что наши дела идут хорошо.

Роль «Правды» в нашей революции не исчислима. Мне, на ряду с сотнями тысяч наших товарищей и читателей «Правды», хочется только сказать, что мы ее любили с первых дней, любим и гордимся ею еще больше теперь, зная, чем она была для нас, что она перенесла с 4 июля 1914 г., как она возродилась в 1917 году, какую роль она сыграла в подготовке Октября и как она руководила после нашей революции, руководит теперь и будет руководить и дальше, становясь любимейшей и авторитетнейшей газетой для пролетарских коммунистических партий всех стран.

Дорогой друг Авель!

Очень и очень рад был получить от вас весточку.

Горячо жму вам руку и надеюсь, что вы не... что пробудете в теперешнем вашем местожительстве. Я живу по-прежнему, устал немного за последнее время, но в общем чувствую себя хорошо и очень доволен. Если есть еще общие знакомые,—горячий привет от меня и от моей жены. Желаю вам и всем друзьям бодрости и здоровья.

Ваш Вл. Ильин.

Привет всем руководителям, работникам и читателям «Правды»!

А. Енукидзе.

С сегодняшним номером подписчикам бесплатно рассылается иллюстрированное приложение, посвященное 15-летию „Правды“.

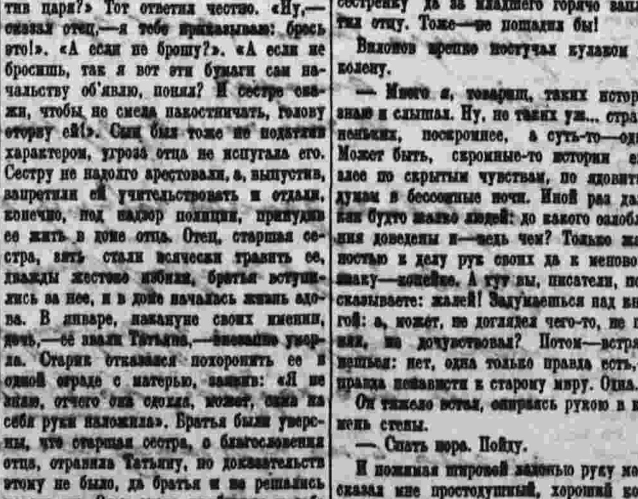
Завтрашний номер газеты будет также посвящен 15-летию „Правды“ и дню печати.

Михаил Вилонов.

Один из хороших советских поэтов, Дмитрий Семеновский, в стихотворении своем «Слава злобе», напечатанном, если я не ошибаюсь, в одном из №№ «Прожектора» за прошлый год, сказал:

«Мне тяжело, когда, подобя
Людей зверям, слепая кровь
Ужалит их. Но—слава злобе,
Вспыхнувшей за любовь!»

Если бы это четверостишие говорило не о злобе, а о более глубоком и творческом чувстве, чем она—о ненависти,—я мог бы взять его эпиграфом к моему воспоминанию о Михаиле Вилонове. Был такой человек; думаю, что те из товарищей, которые встречались с ним, чётко помнят его.

Он был создан природой крепко, надолго, для великой работы. Монументальная, стройная фигура его была почти классически красива.

— Какой красивый человек!—восхищались каприйские рыбаки, когда Вилонов, голый, грелся на солнце, на берегу моря.

Правильно круглый череп покрыт темным бархатом густых, коротко остриженных волос, смуглое лицо хорошо освещено большими глазами, белки—синеваты, зрачки—цвета спелой вишни; взгляд этих глаз сначала показался мне угрюм и недоверчив. Лицо его нельзя было назвать красивым; черты слишком крупны и резки, но, увидав такое лицо однажды, не забываешь никогда. На бритых щеках зловеще горел матовый румянец туберкулеза.

Вилонов был рабочий, большевик; несколько раз сидел в тюрьме; после 1906 года тюремщики, где-то на Урале, избили его и, бросив в карцер, облили нагого, израненного круто посоленной водой. Восемь дней он купался в рассоле, валяясь на грязном, холодном асфальте; этим и было разрушено его могучее здоровье.

В первые дни знакомства он вызвал у меня впечатление человека, настроенного мрачно, угнетенного болезнью, очень самолюбивого, [illegible] не по [illegible] нетерпимостью. Мне рассказывали о его партийной работе [illegible], о его бесстрашии, нечеловеческой выносливости, и я подумал, что человеку этому естественно было устать, и что живет он по инерции, автоматически, как многие жили в ту пору.

Ошибиться было легко; я так много видел людей нервно истерзанных, озлобленных до бешенства, до отчаяния, почти до безумия—побежденных и смертельно уставших людей. Были и такие побежденные, которые, казалось, завидуют «торжеству победителей» гораздо сильнее, чем ненавидят их. Люди этого типа, помня поговорку «победителей не судят», с явным и злым пристрастием несчастливых игроков судили своих товарищей, тоже побежденных, но оказавшихся неспособными сложить оружие.

Вилонов из первых же выступлений своих по организации преподавания в Каприйской школе обнаружил удивительную страстность, прямоту мысли и непоколебимую уверенность в правильности отрицательного отношения Владимира Ильича к школе. Говорил он глуховатым голосом человека с больными легкими, иногда вскрикивая несколько истерически, но я заметил, что он кричит книжные слова лишь тогда, когда у него нехватает своих.

Меня, привыкшего слышать личные выпады и едкие колкости нервозных людей, Вилонов очень радостно удивил сочетанием в нем пламенной страстности с совершенным беззлобием.

— Ну, а чего же злиться?—спросил он меня в ответ на мое замечание.—Это уж пусть либералы злятся, меньшевики, журналисты и вообще разные торговцы старой рухлядью.

Помолчал и довольно сурово прибавил:

— Революционный пролетариат должен жить не злостью, а ненавистью.

Затем, хлопая ладонью по колену своему, сказал с явным недоумением:

— Тут, у вас, какая-то чертова путаница: идея воспитания профессиональных революционеров—идея Ленина, а его—нет здесь! Против этой идеи могут спорить только шляпы и сапоги, а ведь тут...

Не договорив, он ушел.

Разговориться с ним трудно мне было, первые дни он не очень ладил со мной, смотрел на меня недоверчиво, как на некое пятно неопределенных очертаний. Но как-то само собою случилось, что однажды, кончив занятия в школе, он остался обедать у меня, а после обеда, сидя на террасе, заговорил с добродушной суровостью:

— Пишете вы не плохо, читать вас я люблю, а не совсем понимаю. Зачем это возитесь вы с каким-то человеком, пишете его с большой буквы даже? Я эту штуку «Человек» в тюрьме читал, досадно было. Человек с большой буквы, а тут—тюрьма, жандармы, партийная склока. Человека-то нет еще. Да и быть не может—разве вы не видите?

Когда я сказал ему, что для меня вот он, Вилонов, уже Человек с большой буквы, он, нахмурясь, отмахнулся рукой и протянул:

— Ну-у, что там? Таких, как я—сотни, мы—чернорабочий народ в революции, у нас еще не все... в порядке. А отдельные фигуры, в роде Ленина, Бебеля,—не опора для вашего оптимизма. Нет, не опора.

Он отрицательно покачал бархатной головой, зажмурил глаза и потише, отрывисто произнес:

— Мастеров, практиков, художников революции, как Ленин, Бебель, да еще двое, трое... и—все тут! А человека—нет еще. Нельзя быть человеком. И жить ему негде, не на чем. Почвы нет. Он явится тогда, когда Ленин и вообще—мы—расчистим ему место. Да.

Встал и начал шагать по террасе, возбужденно жестикулируя; как у всех физически мощных людей, жесты и движения у него были тяжеловаты, осторожны.

Оказалось, что он весьма склонен философствовать о будущем, и я бы сказал, что у него было развито чувство осязания будущего. Он видел, нащупывал,—хотя как бы сквозь туман, сквозь темноту,—какие-то своеобразные формы общественности, каких-то особенно оригинальных людей. Помню, я не очень понимал его, да, кажется, и не очень внимательно слушал, меня в нем интересовало не это. Но я понимал, что его представления независимы от социалистов-утопистов, и что он видит в будущем человечество сильных, человечество героев, развившееся до степени космической силы. Впоследствии я не один раз наблюдал романтизм революционеров-рабочих, романтизм, который как будто конфузит их, и о котором они разрешают себе говорить лишь в минуты исключительные.

Меня особенно заинтересовали его слова о злости и ненависти, он часто, в разных формах, повторял эти слова, и чувствовалось, что за ними скрыта основная его тема, вокруг которой вьются все мысли этого большого человека, молодого, сильного, но уже осужденного на смерть идиотами и скотами.

Я чувствовал, что Вилонов—человек как-то своеобразно ненавидящий. Ненависть была как бы его органическим свойством, он насквозь пропитан ею, с нею родился, это чувство дышало в каждом его слове. Совершенно лишенная признаков «словесности», театральности, фанатизма, она была удивительно дальнозоркой, острой и тоже совершенно лишена мотивов личной обиды, личной мести. Меня удивила именно чистота этого чувства, его спокойствие, завершенность, полное отсутствие в нем мотивов личных и посторонних общей идее, вдохновлявшей ненависть. А удивило это меня потому, что после 5—6 годов я увидел очень много революционеров, которые были таковыми Христа ради, из авантюризма, по «увлечениям молодости», по мести за карьеру, испорченную случайным арестом революционеров, из романтизма и карьеризма, даже из страха пред революцией и еще по многим мотивам весьма личным, очень далеким от идеи революционного социализма, видел, наконец, и революционеров, бывших таковыми «скуки ради».

Вилонов, человек безукоризненно правдивый в своем отношении к людям, прямодушный до резкости, говорил:

— Вы, может, думаете, что побои имели какое-то значение для меня? Никакого. Здоровья, конечно, жаль. Но не могу же я винить палку за то, что меня ударили ею. Меня били не один раз. И ведь все равно, кто бьет: отец, мать или чужие. Бить человека,—это в порядке жизни. Да и что мне побои? Вот я какой!

Забыв о своем туберкулезе, он медленно поднял руку на уровень головы и опустил ее до колена, указывая на свое стройное тело.

— Когда тюремщики топтали меня ногами, я, конечно, чувствовал и боль и обиду, но, право же, гораздо больше—страх: что, если-б на моем месте оказался другой товарищ, не такой крепкий, как я?

И, покашливая, задыхаясь, он продолжал потише, нахмурив густые брови:

— Ведь они всякого могут растоптать; попади им в злую минуту Ленин, они и его... Вот где ужас! Главное-то и препротивное преступление классового общества в том, вот, это оно воспитало в страсть к мучительству, какое-то бешенство. С наслаждением мучают, сукины дети, это я очень знаю! Вот наслаждение-то и есть преступность, которую уж никак, никто не оправдает. В природе такой гадости нет. Кошка мышью играет, так она, кошка,—зверь и никаких подлостей лицемерных, в роде гуманизма, не выдумала.

Он долго говорил на эту тему, рассказывал об истязаниях в Орловском централе, о страшных драмах на Амурской колесной дороге и заставил меня почувствовать, что ему знаком лишь один страх: страх за жизнь товарища.

А к себе он относился так, как будто не понимал, насколько опасно болен, хотя однажды сказал очень спокойно:

— Ну, меня не надолго хватит.

В праздничный день школа поехала осматривать Неаполитанский музей. Вилонов остался, пришел ко мне и сердито попросил:

— Дайте почитать что-нибудь легкое. Плохо чувствую себя, душит, и голова чугунная.

Взял «Простое сердце» Флобера и ушел читать в сад.

Дул горячий, раздражающий нервы ветер из Африки,—сирокко. Над морем оловое небо, как бы припыленное мельчайшей пылью; море цвета снятого молока и кипит, рычит, бухая в камень острова высокой волной. Яростно трещали цикады, сухо шумел жесткий лист олив,—в такие дни юг Италии особенно богат различными драмами.

Вечером я сидел на берегу, в серых, горячих камнях; за островом Искией опускалось солнце, окрасив море в неестественный, лиловатый цвет. Волна била о камни, брызги ее сверкали радужно. Медленно, тяжелыми шагами подошел Вилонов, сел рядом со мной, положил на колени мне книгу.

— Прочитал?

— Ну, да.

— Понравилось?

Он снял шляпу с бархатной своей головы, тщательно укрепил ее в трещине камня,—чтобы ветром не сдуло. Покашлял, вытер пот с лица и спросил:

— Ведь, если я скажу: хорошо, а—не нравится, так вы мне не поверите?

Я ответил, что не очень тороплюсь верить, *но хотел бы понять*, а он согнулся, зачерпнул ковшом широкой ладони горсть мелкой гальки и долго молчал, бросая отшлифованные камешки в брызги воды. Потом ворчливо заговорил:

— Не люблю жалостной литературы. В каких людях она рассчитывает пробудить жалость и прочие добрые чувства? Он «чувства добрые лирой пробуждал», а его застрелили. Командующие классы властвуют посредством насилия,—на кой чорт нужны им добрые чувства? Что же: это мы, что ли, должны заразиться жалостью к бессчастным и всяким униженным? Слезой грязи не смоешь. Тем более не смоешь крови. А задача—смыть с людей кровь и грязь.

Взяв книгу из моих рук, он поднял ее, как бы показывая ее кому-то вдали, в пустоте.

— Это—хорошо! Как он мог написать глупую кухарку столь... убедительно? Даже странно, как будто видишь ее. Интересный фокус.

Пересыпая гальку с ладони на ладонь, он продолжал задумчиво и тихо:

— Как-то... обидно видеть, что книги лучше людей, а ведь, это верно: лучше! Как можно, будучи явным буржуем, написать «Углекопов», «Разгром» или «93-й год»? Непонятно.

Бросил камешком в книгу на колене моем и спросил:

— Знаете, что тут хорошо? Ненависть автора, правда ненависти. Вот так и надо: спокойно, решительно, без оглядки. Когда говорят или пишут о святой, великой и еще какой-то там правде, я понимаю это только, как правду ненависти. Никакой другой правды не может быть. Всякая другая—ложь. Вот Ленин это понимает.

Помолчав, он прибавил:

— Пожалуй, *он один* и понимает.

Вилонов бросил гальку, встал, встряхнулся:

— Уйдемте, отсюда, тут—отсыреешь, да и сыро.

Дорогой, медленно шагая в гору, спросил:

— А что, есть какая-нибудь формула ненависти?

— Не знаю.

— Я где-то прочитал, что чувство ненависти стремится в корне уничтожить не только все, что ее возбуждает, но даже и самую мысль о возможности существования таких возбудителей. Там как-то мудрено было сказано...

Он задыхался, но когда я сказал, что вредно ему говорить поднимаясь в гору, он не обратил внимания на мои слова, продолжая:

— Классовая ненависть —самая могучая творческая сила. Читали вы «Государство будущего»? По-моему, Бебель в этой книжке недалеко смотрит. Это—ремонт, а не новая постройка.

И остановясь, сказал с усмешкой:

— Надо отдохнуть. Этакий идиотский ветер.

В другой раз он засиделся со мною до поздней ночи; весь день ожесточенно спорил, возбуждение его разрешилось кровохарканием, и он был несколько угнетен этим. Сидели мы на маленьком дворике, залитом цементом, на каменных ступенях лестницы в сад, разбитый по горе, среди скал.

Вилонов снова говорил на свою тему о единой правде,—правде ненависти, но говорил как будто не для меня, а для того, чтобы еще раз послушать свои мысли. Потом надолго задумался, замолчал, отмахиваясь от комаров веткой акации, и, наконец, предложил:

— Вот я расскажу вам одну историю, может быть, пригодится, напишете когда-нибудь.

Пересел ступенью на две ниже меня, прислонился плечом к стене и рассказал:

Где-то на Урале, помнится—на Сергинско-Уфалейских заводах,—была семья рабочих: отец-старовер, два сына и две дочери; одна—замужем за конторщиком,—жила с отцом, другая отбилась от семьи и работала в заводской школе помощницей учительницы. Она ввела старшего брата в кружок рабочих, а старший скоро потянул за собой и младшего. Через некоторое время среди рабочих появились листки, затем последовал обыск в школе: отец догляделся, что старший сын прячет что-то в бане, на чердаке; нашел спрятанное, прочитал, позвал сына. «Ты—что? Против царя?» Тот ответил честно. «Ну,—сказал отец,—я тебе приказываю: брось это!». «А если не брошу?». «А если не бросишь, так я вот эти бумаги сам начальству об'явлю, понял? И сестре скажи, чтобы не смела пакостничать, голову оторву ей!». Сын был тоже не податлив характером, угроза отца не испугала его. Сестру не надолго арестовали, а, выпустив, запретили ей учительствовать и отдали, конечно, под надзор полиции, принудив ее жить в доме отца. Отец, старшая сестра, зять стали всячески травить ее, дважды жестоко избили, братья вступились за нее, и в доме началась жизнь адова. В январе, накануне своих именин, дочь,—ее звали Татьяна,—внезапно умерла. Старик отказался похоронить ее в одной ограде с матерью, заявив: «Я не знаю, отчего она сдохла, может, сама на себя руки наложила». Братья были уверены, что старшая сестра, с благословения отца, отравила Татьяну, но доказательств этому не было, да братья и не решались искать их. Отец очень приблизил к себе старшую сестру и зятя, братьев всячески стесняли, следили за каждым их шагом. Старший, не стерпев, ушел из дому, а младший был еще несовершеннолетен и хотя вспыльчив, но характером не тверд. Отец и зять в несколько месяцев забили его до идиотизма и немоты,—во время побоев парень перекусил себе язык, рана заросла плохо, и парень стал говорить так, что его уже трудно было понимать. А старший брат начал пьянствовать, буянить, с завода его рассчитали, он ушел куда-то и пропал без вести.

Как сейчас пред собою вижу, маленький *дворик виллы Спинола, с пальмой посредине его;* беспощадно ярко светит луна, придавая цементу двора блеск оксидированного серебра; шумят, качаются деревья в саду над головами нашими. Темно-серая стена поросла мхами, покрыта вьющимися розами, к ней прижался большой, круглоголовый человек с суровым, спокойным лицом. Он—в синей сатиновой рубахе, сатин светится, как шелк.

Рассказывая Вилонов бесстрастно, задумчиво, без лишних слов, покашливая и отирая рот платком, оставляя на нем темные пятна крови.

— Вот как отстаивают они себя, свое,—[illegible] он, [illegible] за [illegible], обрывая с веток акации ее мелкий лист, подбрасывая его на ветер.—Я, конечно, старика понимаю, что-ж? Дед, отец его всю жизнь работали, сам он лет сорок работал, дом хороший, в два этажа, садишко, огород, две коровы, свиньи и вообще хозяйство, будь оно проклято! По бревнышку, по кирпичику, по копейке создавалось, да! И кроме его, никакой иной правды человек не знает, да и узнал бы, так не принял ее. А дети, трое сразу, пошли против этой правды, грозят разрушить ее, говорят о какой-то отдаленной, неведомой, непонятной. Ну, конечно, злые враги, и щадить их—нечего. Да, я старичка понимаю. Но, будь я на месте старшего брата, я бы за сестренку да за младшего горячо заплатил отцу. Тоже—не пощадил бы!

Вилонов крепко постучал кулаком по колену.

— Много я, товарищ, таких историй знаю и слышал. Ну, не таких уж... страшненьких, поскромнее, а суть-то—одна. Может быть, скромные-то истории еще злее по скрытым чувствам, по ядовитым думам в бессонные ночи. Иной раз даже как будто жалко людей: до какого озлобления доведены и—ведь чем? Только жадностью к делу рук своих да к медному знаку—копейке. А тут вы, писатели, подсказываете: жалей! Задумаешься над книгой: а, может, не доглядел чего-то, не понял, не дочувствовал? Потом—встряхнешься: нет, одна только правда есть,—правда ненависти к старому миру. Одна.

Он тяжело встал, опираясь рукою в камень стены.

— Спать пора. Пойду.

И пожимая широкой ладонью руку мою, сказал мне простодушный, хороший комплимент:

— Слушаете вы хорошо. И спрашиваете тоже хорошо.

Ушел, сопровождаемый своей тенью, очень темной и густой в эту светлую ночь.

Его разногласия с организаторами школы все обострялись, и через несколько дней он и еще, кажется, двое товарищей,—из которых один был агент полиции,—уехали в Париж к Владимиру Ильичу.

Из этой поездки Вилонов возвратился на Капри уже почти совсем без сил, но еще более твердым ленинцем. Не ясно помню,—кажется, его пришлось отправить в Давос, где он скоро и умер.

Долго, как видите, берег я память о нем, все хотелось написать как-то особенно хорошо. Но очень трудно писать о людях такого типа, да и не привыкло перо русского литератора изображать настоящих героев. Вероятно, уже скоро научится.

Но вот к пятнадцатилетию работы «Правды» я счел за лучшее всяких поздравлений,—для поздравления у меня нет достаточно мощных слов,—рассказать ее неутомимым работникам *о* Человеке, который, на мой взгляд, так хорошо понимал и чувствовал правду ненависти.

М. Горький.

Корреспондентский билет В. И. Ленина.

ПРИВЕТСТВИЯ „ПРАВДЕ".

Исполком Коминтерна—„Правде".

Боевому рупору Коммунистического Интернационала, ленинской «Правде», справляющей свой 15-летний юбилей, шлет братский привет Исполком Коминтерна.

В первое пятилетие своего возникновения «Правда», находившаяся в полулегальном положении, беспрерывно конфискуемая царским правительством, была образцовой газетой русских рабочих. В последнее десятилетие «Правда» поистине стала газетой международного коммунизма. «Правда» с ее четкой ленинской линией в принципиальных вопросах, с ее всесторонней постановкой международной информации и систематической оценкой международных событий является одним из мощных орудий большевизации секций Коминтерна, главным советником для газет всех секций Коминтерна. «Правда» с ее умением сочетать высокий теоретический уровень с подлинной популярностью, с участием в газете широких масс рабочих корреспондентов является образцом для всех газет Коминтерна.

В день 15-летия «Правды» Исполком Коминтерна выражает пожелание, чтобы в новое пятилетие связь «Правды» с секциями Коминтерна стала еще более тесной.

Да здравствует ленинская «Правда»!

Да здравствует ВКП!

Исполком Коминтерна.

В пятнадцатую годовщину «Правды» привет «правдистам» всех стран!

В. Молотов.

К пятнадцатилетию „Правды".

Пятнадцатилетний юбилей «Правды», продолжательницы славных традиций нелегальной большевистской печати, есть юбилей ленинской партии, закаленной в огне трех революций, партии победившего пролетариата, строящего социализм. В полосу тяжкой царистской реакции, последовавшей за поражением революции 1905—06 гг., «Правда» сделалась тем центром, вокруг которого для новой борьбы стали собираться рассеянные революционные кадры пролетариата. История «Правды»—это история победоносной революционной борьбы за свержение царизма, история Октября, суровой гражданской войны, невиданного героизма рабочего класса, его упорных усилий и его победы над контрреволюцией и ее империалистическими союзниками. Во все эти моменты исключительных испытаний для рабочих и крестьянских масс «Правда», беспощадно разоблачая всякие политические шатания и отступления от идейных марксистских позиций, была ярким факелом ленинизма, освещавшим путь пролетариата, путь трудящихся масс города и деревни в их трудной и напряженной революционной борьбе. Со времени перехода пролетарской республики к развертыванию работы социалистического строительства и особенно теперь, когда Советский Союз, на основе достигнутых успехов, твердо стал на путь индустриализации, на путь вовлечения в социалистическое строительство широких масс крестьянства при помощи массового кооперирования, на путь культурной революции,—роль нашей печати во главе с «Правдой» исключительно велика во всем деле строительства социализма. Вместе с тем, «Правда» с честью выполняла, выполняет и будет выполнять роль боевого органа мобилизации пролетарских масс нашей и других стран на защиту первой страны Советов от всех и всяких внешних нападений, на поддержку революционного движения трудящихся масс во всех странах, на борьбу за победу коммунизма во всем мире.

Да здравствует «Правда»—коллективный организатор рабочего класса, организатор его славной борьбы и великих побед!

Да здравствует «Правда», да здравствует рабочий класс, да здравствует коммунизм!

ЦК ВКП(б).

«Правда» служит рабочему классу пятнадцать лет. Что же ей пожелать? Оставаться и впредь живой, неразрывной частью революционных рабочих, стоять во главе их мыслей и стремлений,—оставаться верной самой себе.

С коммунистическим приветом

М. Калинин

4/V 27.

От Московского Комитета ВКП(б).

Московский Комитет ВКП(б) шлет свой пламенный большевистский привет передовому борцу за коммунизм—центральному органу партии «Правде»—в день 15-й годовщины ее существования.

Прошедшие 15 лет были годами величайшей борьбы, побед и поражений рабочего класса. Московский комитет считает необходимым отметить огромную роль «Правды» в руководстве классовыми битвами пролетариата во все эти годы. В самые трудные минуты революционной борьбы «Правда» непоколебимо стояла на передовом посту революции и маяком в борьбе пролетариата.

Во внутрипартийной борьбе и неоднократных попытках ревизии ленинского учения «Правда» стойко защищала чистоту ленинизма, помогая партии воспитывать новые кадры большевиков в духе подлинного революционного марксизма-ленинизма.

Пусть «Правда» впредь будет стойким руководителем и организатором рабочего класса в борьбе за полное построение коммунистического общества.

Московский Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков).

От ВЦСПС.

Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов шлет горячий пролетарский привет боевому органу партии коммунистов-большевиков, неустанному проводнику идей ленинизма, славному агитатору-пропагандисту и организатору масс—«Правде»—в день ее 15-летнего юбилея.

Под твоим знаменем 15 лет назад, после жестокой реакции, начали вновь сплачиваться стальные колонны передовых отрядов пролетариата, чтобы итти на решительную схватку с царизмом. Твой голос будил, сплачивал, организовывал, вел в бой десятки тысяч пролетариев и выковывал из них кадры ленинцев-большевиков, ставших во главе победоносного движения миллионных масс рабочих и крестьян, за свержение власти помещиков и капиталистов и установление диктатуры пролетариата. Под твоим большевистским руководством крепли ростки профессиональных организаций и выковывались основы массового и подлинно-классового профессионального движения. В годы империалистической войны знамя «Правды» было сорвано и затоптано царизмом, чтобы вновь в феврале 1917 года развернуться мощным красным полотнищем над пролетарским СССР.

И с тех пор изо дня в день, из года в год «Правда» вела под руководством ленинского штаба—ЦК партии коммунистов-большевиков—миллионные организованные армии пролетариата и крестьянства неизменно и твердо по ленинскому пути.

В Октябре, в годы упорной и ожесточенной гражданской войны, во время тяжелых лет разрухи и голода, в период восстановления хозяйства—медленной, упорной, кропотливой борьбы за каждый восстановленный завод, вновь пущенную домну, и теперь, в не менее трудный и ответственный момент реконструкции хозяйства на социалистических началах—«Правда» вела за собой, вела неустанно рабочие массы на новую борьбу и новые достижения по пути к коммунизму.

В день 15-летнего юбилея 9 миллионов организованных в профсоюзы рабочих и служащих выражают твердую уверенность, что дело, во имя которого родилась «Правда», дело коммунизма, будет доведено до победного конца.

Президиум Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов.

Нашей «Правде»—организатору революционных трудящихся масс, пропагандисту ленинизма, верному бойцу за идеалы пролетариата, в пятнадцатую годовщину братский привет!

К. Ворошилов.

Передовому бойцу.

Уже 15 лет, как «Правда» стоит на славном боевом посту ежедневного печатного органа коммунистической партии.

Под непосредственным руководством тов. Ленина «Правда» со всем авангардом рабочего класса прошла огромный и трудный путь всего революционного движения нашей страны.

На различных этапах развития—в годы борьбы с царизмом, в период подготовки рабочего класса к захвату власти, в первые труднейшие месяцы рабочей диктатуры, в годы гражданской войны и мирного строительства—Ц. О. ленинской партии «Правда» вел пролетариат ко все новым и новым победам.

Мое пожелание «Правде» — и впредь быть [illegible] бойцам и руководителем пролетариата [illegible] в нашей стране [illegible] и в борьбе за победу [illegible] во всем мире.

3/V 27 г. А. Рыков.

К 15-й годовщине „Правды".

15 лет назад, после годов отчаянной реакции, раздался боевой голос «Правды»,—голос нашей партии. Наша партия через «Правду» призывала рабочий класс России к политической организации своих сил для последовательной классовой борьбы за неурезанные лозунги революции и к непримиримой борьбе против ликвидаторов. Собравшийся с силами рабочий класс ответил могучим политическим ударом на зверство самодержавия и буржуазии—на ленский расстрел. Появившаяся после этого через две—три недели «Правда» встала во главе начавшегося нового революционного под'ема российского пролетариата и подняла его в 1914 году на необычайную революционную и классовую высоту, несмотря на град репрессий самодержавия и отчаянную борьбу ликвидаторов против правдистов. «Правда» периода 1912—14 годов подготовила «Правде» 1917 г. мощный фундамент, а нашей партии—крепкие кадры, сыгравшие крупнейшую роль во всей борьбе за победу пролетарской революции и упрочение диктатуры пролетариата.

Привет тебе, «Правда»! Мобилизуй и обучай миллионы для борьбы за победу мировой пролетарской революции, за победу социализма!

М. Ульянова.

Желаю «Правде» три миллиона читателей!

А. Енукидзе.

Учитель и защитник пролетариата.

Английская компартия шлет «Правде» сердечный привет по случаю ее 15-летней годовщины. За все эти годы рабочие не только Советского Союза, но и всех других стран привыкли видеть в ней свою газету. Еще до революции слух о ее бесстрашной работе, направляемой передовой партией трудящихся, дошел до революционных масс других стран. Уже тогда «Правда» считалась образцовым органом революции, в котором рабочие играли руководящую роль, как корреспонденты и сотрудники. Когда революция пробила себе путь, и мы, жители других стран, с нетерпением ждали последних достоверных известий об ее успехах в борьбе с врагами и в преодолении препятствий, находившихся на ее пути, то первый вопрос, который мы задавали всякому, кто приходил с сообщениями, был: «Можете ли вы раздобыть газету «Правда»?»

По прошествии нескольких месяцев, когда слух о торжестве революции разнесся по всему миру и «Правда» получила более широкую возможность для вступления в связь со всемирным рабочим движением, она стала все более и более необходимой для работы каждой компартии. Только в «Правде» мы могли найти достоверную информацию. Только в ней мы находили и находим правду о всех спорных, злободневных вопросах. Читая газету «Правда», мы учимся тому, как нужно создавать кадры рабкоров на фабриках и в рудниках и как использовать их корреспонденции.

Таким образом, как в дни, когда ее тираж был мал и число бойцов под ленинским руководством было незначительно, так и теперь с сотнями тысяч подписчиков и с большим штабом сотрудников и корреспондентов «Правда» является глашатаем великой руководящей компартии Советского Союза и бесстрашным выразителем нужд и стремлений масс. Находясь в авангарде мирового революционного движения, «Правда» является образцом и вдохновителем для каждой компартии и руководителем рабочих в их повседневных боях.

Да здравствует «Правда», защитник пролетариата!

ДЖ. МЕРФИ.

В день 15-й годовщины «Правды», органа большевистской партии, французская компартия выражает чувство своего восхищения перед достижениями революции, которым так много содействовала «Правда».

Французская компартия прилагает все усилия к тому, чтобы ее орган «Юманите», следовал славному примеру «Правды», тесно связался бы с жизнью фабрик и заводов и повел бы французский пролетариат в надвигающиеся великие революционные бои.

«Правда» является не только органом большевистской партии. Она ведет за собой в настоящий момент всю международную коммунистическую прессу в борьбе за рабоче-крестьянскую китайскую революцию. «Правда» все больше становится крупной международной газетой, вождем в революционной борьбе пролетариата угнетенных всего мира.

От имени французской компартии

А. ТРЕН.

Эпоха «Звезды» и «Правды».

[illegible]

«Звезды» и «Правды» (1911—1914 гг.) [illegible] 1917 года.

М. Ольминский.

ПРИВЕТСТВИЯ, НЕ НАПЕЧАТАННЫЕ СЕГОДНЯ, БУДУТ ПОМЕЩЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ.

„Правда" и маленькая „Народная Правда".

Рать старых правдистов вспоминает сегодня отдельные наиболее яркие моменты из жизни нашей дорогой «Правды». Само собой понятно, что прожектор воспоминаний направляется в настоящее время прежде всего на те эпизоды, которые еще не были освещены, которые оказались случайно наиболее позабытыми. Эта цель воспоминаний в день 15-летнего юбилея «Правды» будет подхвачена сознанием сотен тысяч читателей «Правды» —рабочих Путилова, Лесснера, Невского судостроительного и многих других заводов, как они сейчас там называются... Старики будут ворошить в своей памяти былое и пережитое, молодежь станет жадно впитывать героические дела прошлого.

К этим многим воспоминаниям и новым публикуемым материалам о «Правде» мне хотелось бы приложить один документ, насколько известно, до сих пор нигде еще не опубликованный (если не считать № 5 журн. «Пролетарской Революции», где он идет одновременно с «Правдой»),—я говорю о письме Владимира Ильича Ленина, относящемся к концу мая (ст. ст.) 1917 г., написанном им по поводу проекта тогдашнего ЦК нашей партии издавать две газеты: большую и маленькую «Правду».

Проект этот возник в связи с решением Петербургского Комитета издавать свой орган, против чего решительно выступил Владимир Ильич, выдвинув контрпроект. Событие это является основательно забытым, проект ЦК издавать свой орган был скоро ликвидирован, не осуществилось и решение ЦК издавать маленькую «Народную Правду». Условия работы при керенщине оказались слишком для этого не благоприятными. Социал-соглашатели так же, как и представители крупной буржуазии, приняли все меры к тому, чтобы не народился еще один новый большевистский орган. Монополия буржуазии на типографские и бумажные средства полностью сказалась и в «самой свободной стране» мира. Вот почему проект издания массовой народной газеты не удался тогда.

Все же письмо имеет большой интерес. Оно дает ряд четких мыслей Владимира Ильича на задачу нашей печати, намечает некоторый прогноз развития событий в первый период развития Февральской революции. А это уже одно представляет громадный интерес. Мы не касаемся, наконец, того, что вообще всякая строчка Владимира Ильича о «Правде» и по поводу «Правды» является бесконечно ценной, поскольку прежде всего «Правду» в прошлом немыслимо представить себе без Ильича, его писаний в ней и по поводу ее, так же, как впрочем немыслимо отделить современную «Правду» от тех идей ленинизма, которые ярким потоком проходят через ее столбцы в настоящее время... Вот это письмо:

«Письмо к районным комитетам петроградской организации РСДРП (большевиков).

Уважаемые товарищи. Прилагая при сем резолюции ЦК о создании своей газеты и две резолюции, предложенные мной от имени ЦК РСДРП в заседании ЦК во вторник, 30 мая, я прошу вас обсудить все эти резолюции и высказать возможно более подробно и мотивированно, ваше заключение.

Из-за вопроса о том, нужна ли особая газета ПК в Питере, назревает конфликт между ПК и ЦК. Крайне важно и в высшей степени желательно, чтобы возможно большее число членов нашей партии в Питере приняло активное участие в обсуждении этого назревающего конфликта и помогло бы своим решением его улажению.

Исполн. комиссия ПК единогласно высказалась за особый орган ПК в Питере, вопреки решению ЦК создать вместо «Правды», размер которой явно не достаточен, две газеты: большую «Правду», ЦО партии, и маленькую «Народную Правду» (названия обеих газет еще не установлены окончательно) как популярный орган для самых широких масс. Редакция обеих газет должна быть, по решению ЦК, одна, и в обе газеты должен войти в редакцию представитель ПК (в ЦО—с совещательным, в популярный орган—с решающим голосом). Должна быть создана «комиссия прессы» (из рабочих, ближе связанных с массой, от районов), а затем должно быть отведено в обеих газетах определенное число столбцов на обслуживание чисто местных нужд местного рабочего движения.

Таков план ЦК.

Исполн. комиссия ПК вместо этого хочет своей газеты, особой газеты ПК. Исполнит. комиссия единогласно решила это.

На заседании ПК 30 мая, после доклада и заключительного слова тов. М. Томского, моей речи и участия в прениях большого числа товарищей голоса разделились пополам: 14—за исп. ком. и 14—против. Моя же резолюция была отклонена 16 голосами против 12.

По моему убеждению, особая газета ПК принципиально не нужна, ибо в столице, в силу ее руководящего значения для всей страны, нужен один орган партии, именно ЦО, и популярная газета, составляемая особенно популярно, должна быть под той же редакцией.

Особый орган ПК неизбежно затруднит полное согласие в работе, может быть, даже породит различие линий (или оттенков линий), а вред от этого, особенно в революционное время, будет очень велик.

Из-за чего нам создавать дробление сил.

Мы все страшно перегружены работой, сил у нас мало; литераторы все больше отходят от нас к оборонцам. Допустимо ли при таких условиях дробить силы?

Надо сплачивать силы, а не дробить их.

Можно ли не доверять ЦК, что он неправильно составит редакцию или не даст достаточно места в обеих газетах для обслуживания местной работы, или «обидит» находящихся в меньшинстве редакторов из ПК и т. п.?

Во втором проекте своей резолюции я нарочно перечислил ряд подобных доводов (кои я слышал на заседании ПК 30 мая), чтобы открыто поставить вопрос перед всеми членами партии, чтобы побудить их взвесить тщательно каждый из двух доводов и принять ответственное решение.

Если у вас есть, товарищи, веские и серьезные основания не доверять ЦК,—скажите это прямо, это долг всякого члена нашей, демократически организованной, партии, и тогда обязанностью ЦК нашей партии будет особо обсудить ваше недоверие, доложить о нем с'езду партии, вступить в особые переговоры для устранения этого печального недоверия местной организации к ЦК.

Если же нет такого недоверия, тогда несправедливо и неправильно претендовать на то, чтобы ЦК не имел предоставленного ему на с'езде партии права руководить работой партии вообще и в столице особенно.

Требует ли наш ЦК лишнего, чрезмерного, желая руководить питерскими газетами? Нет. В германской с.-д. партии в лучшее ее время, когда Вильгельм Либкнехт стоял во главе партии, много десятков лет он был редактором ЦО партии. ЦО издавался в Берлине. Берлинская организация никогда не имела особой берлинской газеты. Была «комиссия прессы» из рабочих, был местный отдел в ЦО партии.

Почему мы должны отступить от этого хорошего примера наших товарищей в других странах?

Если вы, товарищи, хотите особых гарантий от ЦК, если вы хотите изменения тех или иных пунктов (в плане ЦК о постановке двух газет),—я от имени ЦК прошу вас точно обсудить и изложить это.

Решение исполнительной комиссии ПК о создании особой газеты в Питере я нахожу чрезвычайно не правильным, нежелательным, дробящим силы, вносящим ряд поводов к конфликтам в нашу партию. Было бы желательно, по моему мнению (и в этом пункте я лишь представляю мнение ЦК), чтобы питерская организация поддержала решение ЦК, выждала известное время результатов опыта работы двух газет по плану ЦК и затем вынесла, если понадобится, особое решение о результатах этого опыта.

С товарищеским с.-д. приветом

Н. ЛЕНИН.

13 июня (31 мая) 1917 г.».

Необходимо «полное согласие в работе». Особый орган может «породить различие линий (или оттенков линий), а вред от этого, особенно в революционное время, будет очень велик».—Бойтесь «оттенков линий»,—предостерегает Владимир Ильич питерскую организацию в те дни. Он, великий боец, несравненный полемист, часто выковывающий окончательное свое мнение в процессе борьбы и дискуссии,—он со всей прозорливостью видит опасность в ненужном муссировании даже оттенков линий в момент, когда нужно действовать.

Все ли достаточно сумеют оценить эти прекрасные его слова и сейчас?

Не дает ли письмо также пример образцового подхода к правильному пониманию «долга всякого члена нашей демократически организованной партии» в отношении отстаивания и проведения своих мнений. Думаем, что да. Думаем, что настойчивое проведение собственной линии, связанное, однако, с глубоким пониманием единства партии, является наглядным примером для членов нашей партии и в настоящее время—через десять лет после написания письма Ильичом,—как нужно подходить к решению этих вопросов.

«Экономьте силы»,—говорит Ленин. И, выступая в защиту выдвинутого тезиса, специально подчеркивает (согласно стенограмм заседания ПК) необходимость готовиться к надвигающимся июльским событиям.

Попытки контрреволюции, как известно, в общем прошли мимо партии, все же основательно задев ее рядом погромных выступлений в июльские дни со стороны временного правительства и героев контрразведки. Они заставили перейти Ильича на нелегальное положение, а нашу партию всемерно ощетиниться штыками петроградского гарнизона. Российские неудачливые кавеньяки не застали ее врасплох.

Еще бы—с ней вместе был ее вождь В. И. Ленин.

Да, Ленин и партия, партия и ее центральный орган—«Правда»—были и оставались на протяжении ответственнейших моментов революции «едино суть».

Перечитывая письма Ильича о «Правде» и маленькой «Народной Правде» в 1917 году, будем стремиться еще теснее подойти к нашей теперешней «Правде» 1927 года, еще сильнее укреплять с нею ненарушимые связи.

М. САВЕЛЬЕВ.

„Правда" в годы царизма.

В своих воспоминаниях я хочу коснуться первых лет существования «Правды», с начала ее возникновения до разгрома летом 1914 г., накануне об'явления войны.

Эти годы были полны непрерывной борьбой за каждый день существования газеты, за каждую страничку, вышедшую из-под печатного станка. Аресты, штрафы, конфискации,—весь набор полицейско-жандармских скорпионов градом сыпались на «Правду», не давая газете ни отдыха, ни срока.

После жесточайшей реакции 1907—10 годов, загнавшей рабочее движение вглубь, среди рабочих Петербурга и других промышленных центров с 1911 г. вновь начали нарастать революционные настроения. Ленский расстрел 4 апреля 1912 г., на пару недель предшествовавший выходу первого номера «Правды», еще более усилил революционную волну. В этот момент роль «Правды» была особенно велика. Не только редакция и группа работников, участвовавших в руководстве газетой, но и каждый распространяющий «Правду», каждый ее читатель, фактически становился организатором рабочих масс. Революционный рабочий считал своим обязательным долгом ежедневно читать свою большевистскую газету, во что бы то ни стало доставая ее, каких бы трудностей это ему ни стоило. Каждый номер «Правды», переходя из рук в руки, обслуживал десятки читателей, формировал их классовое сознание, воспитывал, организовывал, словом, делал свое большое революционное дело.

Успех «Правды» среди рабочих масс об'яснялся ее твердой большевистской линией, тем, что она в противовес оппортунистической ликвидаторской печати («Луч» и другие газеты), ставила вопросы не вкось, а впрямь. «Правда» своей борьбой с ликвидаторскими настроениями сыграла огромную роль в отходе революционных рабочих от пользовавшихся еще недавно влиянием меньшевиков. Она вокруг себя формировала и стягивала ряды большевистской партии.

Предвыборная кампания, которую вела «Правда», помогла выборам в IV Государственную Думу группы депутатов-большевиков. При содействии же газеты, вбиравшей и концентрировавшей вокруг себя настроения революционной части пролетариата, впоследствии произошел раскол думской социал-демократической фракции на фракции большевиков и меньшевиков.

Партия создавала свою газету с огромным трудом, при чудовищно-трудных условиях. «Правда» должна была стать и стала основным большевистским рычагом в организации широчайших революционных масс. Находившийся за границей Центральный Комитет партии придавал исключительное значение газете и считал ее одной из главных частей революционной работы. На группу товарищей, которые непосредственно работали в «Правде», Центральным Комитетом возлагались тяжелые и значительные по своей важности задачи. Большая роль в заботах об укреплении и поддержке «Правды» падала и на думскую фракцию большевиков.

Наша фракция в Государственной Думе и «Правда» были тесно переплетены между собой, составляли вместе единое целое. Только при помощи газеты мы, члены думской фракции, могли выполнять те задачи, которые ставили перед нами партия и революционное движение. Думой мы пользовались как трибуной, откуда можно было говорить через головы всяких парламентариев с широкими массами рабочих. С этой трибуны мы раскрывали занавес, за которым скрывалась вся ложь царского правительства и буржуазных партий. Отсюда мы призывали рабочий класс сплачиваться и усиливать свое революционное наступление. Но думская трибуна могла быть использована только при наличии своей рабочей печати. Так называемые либеральные газеты уделяли нашим речам всего две—три строчки, а то и совсем их замалчивали. Если бы не существовало рабочей большевистской газеты, наши речи так бы и застревали в четырех стенах Таврического дворца.

Этим не ограничивалась помощь, которую оказывала «Правда» нашей думской деятельности. Редакция была местом встреч с массой рабочих, приходивших в газету по самым разнообразным делам. Здесь мы общались с представителями петербургских фабрик и заводов, обсуждали с ними различные вопросы, совещались, получали от них информацию, словом, «Правда», вокруг которой собирался актив революционных рабочих, служила постоянным источником, питающим работу нашей фракции.

С самого же начала существования фракция она заботу о газете поставила своей первоочередной задачей. Эту же обязанность возлагал на фракцию и Центральный Комитет нашей партии. На одном из очередных партийных совещаний осенью 1912 г., за границей был поставлен вопрос так, что большевистская фракция в Государственной Думе должна стать в Петербурге главной опорой газеты. Владимир Ильич, относившийся все время с особой заботливостью к «Правде», говорил, что издание газеты должно стать рядом с партийной, профессиональной и думской деятельностью основной работой нашей фракции. В частности, было решено издательство «Правды» возложить персонально на меня, как на депутата в Думе от петербургских рабочих. Владимир Ильич, указывая на огромную роль газеты, говорил мне, что нужно за это дело взяться с максимальной силой и энергией. Эти слова имели не только воспитательное значение. Ильич считал, что в то время, когда революционное движение с каждым днем становилось все шире, газета явится основной связью думской фракции с рабочими массами. Это,—говорил он,—сыграет роль в более тесном сближении депутата от питерских рабочих с пославшими его в Думу избирателями. Только таким путем, только при наличии организующей массы газеты, члены Государственной Думы—большевики получат необходимую поддержку от революционных рабочих.

Согласно решению партии, сразу же после сформирования фракции на меня были возложены обязанности по изданию «Правды». Обязанности эти выражались, главным образом, в непрерывной борьбе против бесконечно сыпавшихся на газету репрессий. Но, конечно, основным борцом за «Правду» был петербургский пролетариат. Только благодаря непрерывно нараставшим революционным настроениям среди питерских рабочих, царское правительство более двух лет не решалось окончательно расправиться с рабочей газетой. Зато оно самыми разнообразными полицейскими приемами ежедневно кололо газету, стараясь, так сказать, измором взять эту завоеванную рабочими крепость.

Чуть ли не каждый день приходилось хлопотать и бороться против очередной конфискации «Правды», прибегать к самым различным приемам и уловкам, чтобы сегодняшний номер газеты дошел до своих читателей.

Формальный порядок выпуска газеты был таков: экземпляр напечатанной газеты посылался для просмотра из типографии в «Комитет по делам печати» и одновременно же выпускался в продажу. Обычно комитет немедленно накладывал на газету арест и сейчас же отдавал распоряжение заранее готовой полиции о конфискации сегодняшнего номера. Пока газета пересылалась с Ивановской, где была типография, на Моховую—в Комитет, проходил некоторый, очень короткий срок: вот этим-то сроком и приходилось пользоваться, чтобы выпустить напечатанную газету со двора типографии.

В ожидании «Правды», обыкновенно еще затемно, собирались на дворе типографии представители фабрик и заводов и, занимая наиболее выгодные стратегические пункты, готовились со свежей пачкой газет немедленно юркнуть на улицу.

Несколько позже полиция разгадала нашу уловку и уже с вечера весь прилегающий к редакции район ежедневно кишел армией шпиков, а двор типографии и соседние переулки нередко набивались отрядами конных и пеших полицейских. Чиновники из Комитета печати, нарушая существовавший закон, приходили накладывать арест на газету тут же, у печатной машины. Тогда в свою очередь правдисты начали прятать пачки отпечатанных газет во всех углах, на лестнице, чердаке, словом, где придется, чтобы уже после ухода полиции, вынести хоть несколько экземпляров газеты на улицу.

Спорить с полицией, с нарушителями закона из Комитета печати, требовать соблюдения, хотя бы внешних формальных приличий—к этому сводились постоянные хлопоты о «Правде». Пресловутая депутатская неприкосновенность, которой я был наделен, как член Государственной Думы, несколько облегчала эти трудности для газеты. Но, разумеется, она нисколько не страховала ни меня, ни моих товарищей по фракции от полицейских и судебных преследований. Одно дело за другим накапливали против нас судебные следователи и, когда соотношение сил в борьбе рабочих с царским правительством казалось им выгодным, они пред'являли свой счет ко взысканию. За газету я привлекался несколько раз по 1034, 129 и другим статьям. Сразу арестовать депутата, хотя и рабочего, правительство пока еще не решалось, но зато оно пользовалось возбуждением дела, чтобы попытаться запутать в него других, более досягаемых людей.

— Кто редактирует «Правду»? Кто сотрудники газеты?—допрашивал меня «особо важный» следователь.

— Фамилия редактора напечатана в каждом номере газеты, а сотрудничают в ней тысячи петербургских рабочих,—получал от меня стереотипный ответ каждый ретивый представитель суда.

В мае 1913 г. «Правда» была закрыта, а через несколько дней вышла под новым названием «Правда Труда». К этой всем ясной маскировке приходилось прибегать и дальше. У редакции был запас заранее приготовленных разрешений на новые газеты, в названиях которых неизменно сохранялось слово «Правда»: «За Правду», «Пролетарская Правда», «Северная Правда», «Путь Правды»,—все эти названия следовали одно за другим. Еще быстрее сменялись фамилии редакторов и издателей газеты, каждый из которых после пары недель подписывания газеты на несколько месяцев садился в тюрьму. Охранка долго не задумывалась перед закрытием газеты, но и наш правдистский аппарат настолько наладился, что петербургские рабочие почти ни одного дня не оставались без своей большевистской газеты.

Живучесть «Правды» ожесточила полицию, которая мало-помалу окончательно распоясалась и бросила считаться даже с малейшими законными формальностями. Без всяких постановлений о конфискации городовые и околоточные набрасывались на газетчиков, арестовывали их и отнимали пачки «Правды». Наглость полиции была настолько откровенна, что за этими налетами даже потом не следовало постановлений комитета печати.

В конце февраля 1914 года, ночью, без всякого ордера и предписания, нужно полагать по распоряжению охранки, в редакцию ворвался отряд полиции, во главе с одним из высших полицейских чинов. Полиция сорвала замок с двери и произвела обыск, перевернув и разбросав все дела и рукописи. Часа в четыре ночи мне сообщили по телефону о набеге на газету. Я помчался в редакцию и вступил в споры с полицией, указывая ей на незаконность взлома и обыска. В это время я официально уже не числился издателем газеты. Полицейские офицеры набросились на меня.

— Чего вы вмешиваетесь? Вы посторонний человек газете, вас это не касается.

— Как это не касается? Я—рабочий депутат, и газета рабочая. Мы делаем одно дело.

Обыск полиция все же продолжала, и те материалы, какие ей понравились, забрала. На другой день я отправился в министерство протестовать против полицейских беззаконий. К практическим результатам эти протесты, однако, не приводили. Министр и городовой были заодно.

Как раз в это время правительство внесло в Государственную Думу новый закон о печати, отнимающий последние остатки завоеванных в 1905 году «свобод». Налетами на «Правду» нам, таким образом, на практике показывали сущность будущего закона.

В связи с усилившимися репрессиями наша фракция внесла в Государственную Думу запрос о беззаконных конфискациях «Правды». Поддерживая от имени фракции спешность запроса, я на заседании 4 марта произнес речь, посвященную общему положению рабочей печати в России. Мое выступление было в сущности призывом к рабочим массам теснее сплотиться вокруг «Правды», укреплять ее еще больше своей поддержкой.

Такие речи, понятно, говорились не для

АНГЛИЯ ПРОЕКТИРУЕТ РАЗДЕЛ КИТАЯ НА „СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ“.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ АМЕРИКИ.

НЬЮ-ЙОРК, 3 мая. (ТАСС). Шанхайский корреспондент «Геральд» Миллард (бывш. корреспондент «Нью-Йорк Таймс») пишет: «Мак Меррей (посланник С.-А. С. Ш. в Пекине) и консулы Соед. Штатов в Китае требовали, чтобы Соед. Штаты приняли участие в карательной экспедиции, которая должна выразиться в оккупации долины реки Янцзы. Нежелание Вашингтона прибегать к дальнейшим военным действиям затрудняет положение других держав и срывает план установления иностранного контроля в Китае. Решающее значение будет иметь позиция Японии. Державы добиваются сотрудничества Японии, дабы изолировать таким образом Соединенные Штаты. В иностранных кругах усиливается тенденция за поддержку Чан Кай-ши».

Вашингтонский корреспондент той же газеты подтверждает разногласия между Мак Меррэем и государственным департаментом (министерством иностранных дел). Корреспондент пишет: «Английский план включает блокаду долины Янцзыцзяна и разделение Китая на север и юг, а также захват или разрушение китайских арсеналов. Соединенные Штаты занимают сдержанную позицию, потому что они не хотят в течение продолжительного времени держать свои войска в Китае, рассчитывая на торговые преимущества в будущем».

Шанхайский корреспондент «Нью-Йорк Геральд энд Трибюн» пишет: «Несмотря на [illegible] Соед. Штаты не предполагают никаких агрессивных действий по отношению к Китаю. Повидимому, государственный департамент еще не взял на себя никаких обязательств перед державами в вопросе о политике в Китае и стремится примириться с правым крылом гоминдана, дабы предупредить предполагаемое Англией разделение Китая на сферы влияния и одновременно обойти японцев. Тем не менее, государственный департамент пытается соблюсти хотя бы видимость единства с державами, опасаясь изоляции. В общем политика государственного департамента носит колеблющийся и неопределенный характер.

ХАНЬКОУСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ГОМИНДАНА ПРОТИВ ЧАН КАЙ-ШИ.

ЛОНДОН, 3 мая. (ТАСС). Шанхайские корреспонденты лондонских газет сообщают, что в Ханькоу состоялась конференция более 300 ответственных работников партии гоминдан и правительственных учреждений. **Конференция приняла резолюцию о поддержке уханского правительства.** На конференции присутствовали все руководящие деятели уханского правительства, в том числе сын Сун Ят-сена Сунь-Фо, вдова Сун Ят-сена, Евгений Чен, Тан Ен-кай, Тан Ен-тай, Сю-Чен и другие. Ораторы отметили значение конференции в связи с попытками Чан Кай-ши привлечь на свою сторону так называемых ханькоуских консерваторов (как известно, Чан Кай-ши предложил ряду учреждений и сотрудникам их переехать в Нанкин).

ТЩЕТНЫ УСИЛИЯ ЧАН КАЙ-ШИ.

ШАНХАЙ, 4 мая. (ТАСС). Выходящая в Шанхае газета «Меркурий» пишет по поводу преследования коммунистов: «Несмотря на преследования и казни, **коммунистический союз молодежи в Кантоне не разгромлен и разрабатывает план возмездия.** Хотя Кантон в руках Чан-Кай-ши, **но западные округа остаются красными. Крестьяне преследуют и убивают сторонников Чан Кай-ши**».

ПАЛАЧИ СНЮХИВАЮТСЯ.

ПАРИЖ, 3 мая. (ТАСС). Пекинский корреспондент «Тан» сообщает, что Чан Кай-ши ведет переговоры с Чжан-Цзунчаном, которому предлагает пост шанхайского губернатора.

ЧЕМБЕРЛЕН ОБ АРЕСТЕ СОТРУДНИКОВ СОВЕТСКОГО ПОЛПРЕДСТВА.

ВЫВОДЫ ЧЕМБЕРЛЕНА.

ОСОБЫЕ ПРАВА ИНОСТРАНЦЕВ СЛЕДУЕТ СОХРАНИТЬ.

ЛОНДОН, 3 мая. (ТАСС). Член рабочей партии Кенворти спросил Чемберлена, читал ли он сообщение пекинского корреспондента «Таймс» о варварской казни китайских коммунистов? Чемберлен ответил утвердительно, но добавил, что он не имеет официальной информации и что если казнь происходила действительно так, как сообщает «Таймс», то это «быть может, служит доводом в пользу медленного темпа урегулирования всех вопросов, связанных с экстерриториальностью». На вопрос,—считает ли он, что суд над китайцами был справедливым,—Чемберлен ответил: «Этот случай не принадлежит к числу тех, в которых сильнее всего затронуты наши интересы или на нас непосредственно падает ответственность».

НАКАНУНЕ ФАШИСТСКОЙ ПРОВОКАЦИИ В БЕРЛИНЕ.

С.-Д. ПОЛИЦЕЙПРЕЗИДЕНТ ПОТВОРСТВУЕТ ФАШИСТАМ.

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ДЕМОНСТРАЦИИ 7 И 8 МАЯ ЗАПРЕЩЕНЫ.

БЕРЛИН, 4 мая. (ТАСС). Полицейпрезидент Берлина обратился к берлин-бранденбургскому окружному комитету компартии с письмом, в котором он сообщает, что предположенные на 7 и 8 мая демонстрации компартии и красного союза фронтовиков против парада «Стального Шлема», а также собрания и шествия под открытым небом запрещаются, так как они представляют угрозу для общественной безопасности. К сведению членов компартии и красного союза фронтовиков, которые могут прибыть в Берлин из провинции, в письме указывается, что шествие с вокзалов в колоннах также запрещается, и против нарушающих этот запрет будут приняты меры.

ПРОТИВ ЗАКОНА О ПРОФСОЮЗАХ.

ГОРНЯКИ СТОЯТ ЗА ВСЕОБЩУЮ ЗАБАСТОВКУ.

ЛОНДОН, 3 мая. (ТАСС). Выступавший в Южном Уэльсе против законопроекта о профсоюзах представитель горняков в палате общин Марди Джонс заявил: «Противостоять наступлению предпринимателей можно только посредством всеобщей забастовки. В крайнем случае необходимо свалить капиталистическое правительство и заменить его социалистическим». Другой представитель горняков в палате общин, Чарльз Эдвардс, сказал: «Если билль станет законом, то я надеюсь, что мы сумеем противопоставить ему всеобщую забастовку».

ШВЕЙЦАРСКИЕ РЕАКЦИОНЕРЫ НЕ УНИМАЮТСЯ.

БЕРЛИН, 3 мая. (ТАСС). Правительство кантона Фрейбурга в Швейцарии обратилось к союзному швейцарскому правительству с письмом, в котором высказывает сожаление по поводу заключенного соглашения с СССР. Ссылаясь на опыт 1918 года, в письме высказывается надежда, что союзное швейцарское правительство не признает СССР.

ЦЕЛИ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЖЕНЕВЕ.

ЗАЯВЛЕНИЕ ТОВ. ОСИНСКОГО.

НАША ПОЗИЦИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЛИГЕ НАЦИЙ НИСКОЛЬКО НЕ ИЗМЕНИЛАСЬ.

БЕРЛИН, 3 мая. (ТАСС). Председатель советской делегации на международной экономической конференции т. Осинский в беседе с представителями германской печати указал, что [illegible] советской делегации в Женеву объясняется, во-первых, сравнительно поздней ликвидацией советско-швейцарского конфликта, а, во-вторых, задержкой в назначении делегации в связи с происходящим в Москве С'ездом Советов. «Отправка советской делегации в Женеву,—сказал далее т. Осинский,—вызвала множество самых различных слухов, как, например, слух об изменении позиции Советского Союза по отношению к так называемой Лиге Наций. В связи с этим необходимо отметить, что советское правительство никогда не отказывалось от участия в каком-либо международном совещании, которое имело бы целью рассмотрение вопросов, важных для международной жизни, независимо от того, созывались ли эти совещания Лигой Наций или другой инстанцией. Решающее значение в таких случаях имеют состав совещания, его работа и его решения. **Участием в конференциях мы никаким образом не связываем себя по отношению к Лиге Наций и не имеем в виду изменения нашей позиции по отношению к ней.** Точно так же ошибочно утверждение, что советское правительство ликвидировало конфликт с Швейцарией, дабы иметь возможность участвовать в конференции. Наоборот, ликвидация сделала лишь логичным и автоматически возможным участие СССР в конференции, при чем ликвидация конфликта ни в какой мере не связана с каким-либо существенным изменением советской позиции в этом конфликте».

Коснувшись далее задач, стоящих перед экономической конференцией и перед советской делегацией, т. Осинский заявил:

«Важнейшими задачами советская делегация считает следующие: 1) изложение точки зрения общественного мнения Советского Союза по поводу международного экономического положения и так называемых затруднений, с ним связанных; 2) изложение советских предложений как принципиального, так и конкретного характера, имеющих целью ликвидацию хронического кризиса, который переживает экономика буржуазного мира; 3) изложение результатов экономического строительства Советского Союза на социалистической основе; 4) изложение основ, на которых возможно экономическое сосуществование двух противоположных экономических социальных систем, т.-е., с одной стороны, капиталистических, Западной Европы и Америки, а, с другой— социалистического СССР; 5) конкретные предложения и раз'яснения по вопросам, связанных с [illegible]».

«В делегацию входят лица, которые [illegible] Они представляют общественное мнение первого социалистического государства, первой рабочей республики. [illegible] стремления к политическому и экономическому равноправию тех народов, права которых в этом отношении урезаны. Кроме того, различие между двумя рядом существующими экономическими и социальными системами вовсе не исключает возможности соглашения между государствами каждой системы, а, наоборот делает его возможным».

На вопрос журналистов об отношении советских представителей к германской делегации тов. Осинский заявил: «Что касается германской делегации, то в виду того, что интересы СССР и Германии сходятся в ряде пунктов, советская делегация предполагает сотрудничать с германской в ряде вопросов. Вообще же советская делегация, естественно, будет поддерживать хорошие отношения с германской делегацией».

ДОГАДКИ БУРЖУАЗНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ О ЦЕЛЯХ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ.

БЕРЛИН, 4 мая. (ТАСС). Сегодня в 11 час. утра Тенис (Бельгия) открыл в Женеве международную экономическую конференцию. На конференцию с'ехалось 47 делегаций, в составе 200 делегатов и 500 экспертов. Из государств, не входящих в Лигу Наций, на конференции представлены: СССР, САСШ, Турция и Египет.

Агентство Вольфа сообщает, что в виду опоздания советской делегации предполагается изменение первоначальной программы. А именно, после того, как шведский экономист Кассель откроет в утреннем заседании общие прения, сначала выступят делегаты различных малых промышленных государств (Чехо-Славакия, Польша и др.), а не делегаты великих держав, как предполагалось первоначально.

Участие СССР в конференции попрежнему является предметом главного внимания и различных комбинаций. По общему мнению, советская делегация прибывает «не с целью пропаганды, а для того, чтобы получить иностранные кредиты».

ПУАНКАРЕ ОБ'ЯВЛЯЕТ „СВЯЩЕННУЮ“ ВОЙНУ КОММУНИЗМУ.

ПРОГРАММНАЯ РЕЧЬ ПУАНКАРЕ. БОРЬБА С КОММУНИСТАМИ И ОТКАЗ ОТ РАЗОРУЖЕНИЯ.

ПАРИЖ, 2 мая. (ТАСС). Агентство Гаваса сообщает: «На открытии совета департамента Мааз выступал Пуанкаре. Напомнив, каким образом политика национального единения восстановила положение и доверие, и перечислив способы и различные этапы восстановления франка, Пуанкаре заявил, что он твердо решил категорически противодействовать при составлении бюджета на 1928 год всякому ассигнованию, которое способно нарушить бюджетное равновесие, достигнутое с таким трудом. Пуанкаре считает недопустимыми намерения некоторых профессиональных ассоциаций, которые при решении политических и финансовых вопросов пытаются иногда заменить собой представителей национального суверенитета. «Республиканская конституция, общественный порядок и воля страны,—сказал Пуанкаре,—прекратят свое существование в тот день, когда правительство, поставленное суверенным народом, окажется в критических условиях лицом к лицу с анонимными правительствами или профессиональными олигархиями, которые при случае смогут распоряжаться всеми органами нации, от которых зависит ее существование. Конечно, мы еще не дошли до этого, но коммунизм подверг бы нас более серьезной опасности и более непосредственной, если бы он при поддержке иностранных организаций мог проводить во Франции разрушительную работу, которую он ведет во всем мире. Франция—не опытное поле для империализма и большевизма. Франция не считает, что прогресс цивилизации состоит в возвращении к примитивному режиму. Правительство твердо решило не допускать никакого посягательства на законы республики, а, наоборот, применять таковые немедленно для энергичного подавления всех преступных попыток, таящих в себе угрозу дисциплине в армии, безопасности государства и неделимости нации. Правительство твердо рассчитывает на поддержку общественного мнения и на сотрудничество парламента».

Далее Пуанкаре перечислил все вопросы особой важности, стоящие на повестке парламента. «Правительство,—продолжал он,—возьмет на себя ответственность по всем жизненным проблемам, будь то по вопросу о голосовании необходимых мероприятий, являющихся предпосылкой сокращения срока военной службы до одного года, будь то по вопросу об обороне страны. Франция, отлично понимая роль победившей нации, не намерена увековечить ненависть между народами, а, наоборот, стоит за смягчение ее. Именно поэтому Франция по окончании войны пошла в целях упрочения мира на многочисленные жертвы. Франция является державой как сухопутной, так и морской и не хочет пожертвовать ни независимостью, ни правами и гарантиями, которыми она располагает в результате договора. И на суше, и на море она должна сохранить за собой средства оградить себя от нападения». Перейдя к вопросу о колониях, Пуанкаре заявил, что правительство не допустит, чтобы пропаганда извне или изнутри пыталась разрушить материальное и моральное наследие предков, которое принадлежит Франции».

ПО СОЮЗНЫМ РЕСПУБЛИКАМ

СТРОИТЕЛЬСТВО ТУРКЕСТАНО-СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.

ПОДГОТОВКА К ВОЗДУШНОЙ ФОТО-С'ЕМКЕ.

ФРУНЗЕ, 4 мая. (Наш корр.). 29 апреля лабораторное оборудование для воздушной экспедиции отправлено на быках и верблюдах по трудной дороге за 240 верст в Алма-Ату, где городской совет проявил больше готовности обеспечить экспедицию помещениями, нежели фрунзенский. Вообще в связи с пребыванием высших представителей киргизского правительства, возглавляющих также местный комитет содействия постройке, на с'ездах в Москве, здесь наблюдается отсутствие должного внимания к нуждам экспедиции. Неприспособленность аэродрома заставила летчиков три дня потратить на поиски подходящего полигона, каковым оказалось, наконец, киргизское конское игрище. Благодаря этой задержке, начальник экспедиции Степанов был лишен возможности осуществить намечавшиеся на 1 мая агитационные взлеты.

28 апреля в Фрунзе прибыл руководитель фотографических организаций профессор Цвет-Калядинский.

НОВЫЕ ВОЗДУШНЫЕ ПУТИ.

БЕРЛИН — МОСКВА — ХАРЬКОВ — БАКУ — ТЕГЕРАН — ХАРЬКОВ — КИЕВ.

ХАРЬКОВ, 4 мая. (Наш корр.). Общество Укрвоздухпуть договорилось с фирмой Юнкерс о соединении своей основной магистрали Москва — Харьков — Батум с персидской воздушной линией Юнкерса Пехлеви — Тегеран. Председатель правления Укрвоздухпути тов. Юнгмейстер, который вел переговоры об этом в Баку с техническим директором фирмы Юнкерс, сообщил нашему корреспонденту, что движение между Батумом и Тегераном откроется 15 мая. Таким образом открывается большой воздушный путь из Европы через СССР на Ближний Восток. Перелет Берлин — Москва —Харьков — Баку — Тегеран займет около 3½ дней, в то время как проезд по обычному пути требует не менее 12 суток.

Помимо этого, Укрвоздухпуть предполагает возобновить временно закрытую линию Харьков — Киев, продолжив ее до польской границы. Таким образом, будет установлен кратчайший путь Киев—Берлин через Варшаву. С будущего года Укрвоздухпуть предполагает открыть сообщение Одесса — Константинополь через Черное море.

В недалеком будущем Укрвоздухпуть предполагает перейти исключительно на самолеты советской конструкции, которые уже в настоящее время по своим летным качествам и надежности не уступают первоклассным европейским машинам. На заводе о-ва теперь строится целая серия гражданских самолетов для аэро-фотос'емок, в частности заканчивается постройка санитарного самолета системы известного советского конструктора инж. Калинина.

АРХИВНЫЙ ДОКУМЕНТ О ПОБЕГЕ тов. РЫКОВА.

МИНСК, 4 мая. (ТАСС). При разборе архивных материалов жандармского управления Оршанского уезда обнаружен документ о побеге из ссылки т. Рыкова. В документе перечисляются приметы т. Рыкова и указывается, что он 20 сентября 1914 г. скрылся из Нарымского края, куда он постановлением министерства внутренних дел выслан на четыре года, с 20 октября 1913 года. В конце документа говорится: «арестовать и препроводить в распоряжение томского уездного исправника, ссыльный № Рыкова—9881».

НОВЫЙ ТЕПЛОВОЗ проф. ГАККЕЛЯ.

ЛЕНИНГРАД, 4 мая. (Наш корр.). Известный конструктор тепловоза проф. Гаккель сконструировал новый тепловоз, по легкости и простоте значительно превосходящий все выпущенные ранее. Вместо прежних 10 моторов, на новом тепловозе будет установлен один мощностью 900 лошадиных сил с генератором в 800 клвт.

По полученным в Ленинграде сведениям, в настоящее время продолжается испытание трех тепловозов Э-М-Х и одного тепловоза с магнито-зубчатой передачей. Несмотря на тяжелые условия дороги, тепловозы легко везут большой состав весом свыше 1.000 тонн. Тепловозные бригады приобрели такой опыт, что возможность разрыва теперь уже совершенно исключена. В ближайшее время предполагается специальная поездка в Ср. Азию и на Кавказ для испытания тепловозных холодильников.

ПОДНЯТИЕ ЗАТОПЛЕННОГО МИНОНОСЦА.

СЕВАСТОПОЛЬ, 3 мая. (Роста). Экспедицией подводных работ поднят затопленный в 1918 году у Новороссийска эскадренный миноносец «Капитан-лейтенант Баранов».

Приступлено к разборке корпуса миноносца на лом и к консервации механизмов, годных для использования в промышленности.

ОТОВСЮДУ.

✦ Сообщение из Тулы отмечает, что в день 1 мая по всем отделениям милиции не было зарегистрировано ни одной хулиганской выходки и не задержано ни одного пьяного. Это является полной противоположностью пасхальным дням, которые в этом году были рекордными по массовому пьянству и дебошам.

✦ Южноуральским трестом отпущено 40 тысяч руб. на кредитование индивидуального жилищного строительства рабочим Златоустовского механического и металлургического завода. (Наш корр.).

✦ В Успенском (Тюменский округ) открыт бездействовавший пять лет древесно-массовый завод для изготовления бумаги.

✦ В Сталине открылся окружный с'езд пролетарских писателей Донбасса, об'единенных в литературной организации «Забой», насчитывающей около 90 членов.

✦ В Свердловске начаты работы по сооружению канализации по проекту строителя свердловского водопровода, инженера Гавриленко. Сооружение канализации обойдется в 4.716.000 руб. (Наш корр.).

ДЕНЬ ПЕЧАТИ В МОСКВЕ.

СОБРАНИЕ АКТИВА МОСКОВСКОГО КОМСОМОЛА.

Вчера в Колонном зале Дома Союзов состоялось торжественное заседание актива московского комсомола, посвященное дню печати. На собрании присутствовало около 3.000 чел. С приветствиями выступили зав. отделом печати ЦК ВКП тов. Гусев, секретарь ЦК ВЛКСМ тов. Косарев, представители китайской и чехословацкой комсомольских газет. Тов. Данилов поделился своими воспоминаниями о работе газеты «Правда» в годы реакции. Затем тов. Раскольников сделал обширный доклад, посвященный дню печати.

Собрание послало следующее приветствие газете «Правда»:

«Старому бойцу за большевистские позиции «Правде» в день ее пятнадцатилетия собрание московского актива комсомола, совместно с работниками печати, шлет свой пламенный привет.

«Правда», под руководством тов. Ленина, организовала, воспитывала и сплачивала нашу большевистскую партию. Вопреки самодержавному владычеству и его бесшабашной цензуре, вопреки трудностям гражданской войны, «Правда» вела и привела нашу партию к победе. Плоды оказались поистине богатыми: на пятнадцатом году существования «Правды» мы можем праздновать десятилетие существования первого в мире рабочего государства. Сейчас «Правда» является верным помощником партии в деле организации масс и строительства социализма. Мы желаем «Правде» и дальше продолжать свою славную работу. Мы призываем всю молодежь следовать по славному ленинскому пути, по которому ее ведет «Правда». Да здравствует организатор и воспитатель нашей партии, пятнадцатилетний юбиляр—газета «Правда»!

Сегодня на предприятиях и в учреждениях состоятся собрания рабочих и служащих, посвященные дню печати и пятнадцатилетию «Правды».

На Тверском бульваре открывается книжный базар, на котором все издательства будут продавать свои книги для широких масс по удешевленным ценам.

В Доме Печати открывается выставка печати, состоящая из следующих пяти отделов: большевистская печать и «Правда», газетно-журнальный, рабсельковровский, книжный и фотоотдел. По всем отделам выставки организуется консультация. Выставка будет работать бесплатно ежедневно от 6 до 10 час. вечера (по воскресеньям—от 12 час. дня).

Общемосковское собрание, посвященное дню печати, состоится 9 мая в Большом театре.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ.

ОТКРЫТИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

БЕРЛИН, 4 мая. (ТАСС). Международная экономическая конференция в Женеве открылась сегодня, в 11 час. 30 мин., большой речью представителя Бельгии Тениса, приветствовавшего исключительный международный с'езд экономических представителей 47 стран и отметившего участие в конференции Соединенных Штатов, СССР и Турции.

Тенис изложил пред'историю созыва конференции и подготовительные работы к ней, отметил, что наиболее важными являются проблемы торговой и таможенной политики, а также международных промышленных соглашений, и подчеркнул, что большинство из этих проблем имеет особое значение для Европы. Затем Тенис перечислил важнейшие вопросы предстоящих совещаний, в частности вопросы о несоответствии производства и сбыта, о препятствиях к развитию международных экономических сношений и об изменениях прежних путей развития народного хозяйства. «Нужно ясно отдавать себе отчет в том,—сказал Тенис,—что конференция начинает дело, осуществление которого потребует долгого времени. Однако, наступит день, когда будут достигнуты определенные, конкретные результаты в этой области. Политическая деятельность Лиги Наций не имела бы никакого значения, если бы не основывалась на целесообразном экономическом фундаменте».

Затем Тенис сделал ряд предложений по поводу технической стороны порядка работ конференции. При этом Тенис сообщил о предположении классифицировать по вопросам назначенные на ближайшие дни речи, которые явятся не основными прениями, а общим изложением экономических проблем отдельных стран, и соответственно составить список ораторов. В виду недостатка времени у ряда делегатов, конференция, возможно, закроется 21 мая; однако, все делегаты должны быть готовы к тому, что им придется задержаться в Женеве во всяком случае до 28 мая.

В заключение Тенис предложил избрать первым вице-президентом конференции представителя Франции Лушера, ссылаясь на его заслуги в деле созыва конференции. Предложение Тениса принято.

Остальные вице-президенты конференции и председатели трех главных комиссий (составляющие вместе бюро конференции) должны быть избраны до пятницы 6 мая. Следующее заседание конференции состоится сегодня во второй половине дня.

НА МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ЖЕНЕВЕ.

БЕРЛИН, 4 мая. (ТАСС). В противоположность установившемуся на прежних международных конференциях в Женеве обычаю вывешивать на помещениях конференции флаги принимающих в них участие держав, на этот раз никаких флагов на помещении, где заседает международная экономическая конференция, не вывешено. В некоторых кругах это обстоятельство об'ясняют желанием избежать необходимости вывесить флаг СССР вместе с флагами других держав.

ПРЕНИЯ В ПАЛАТЕ ОБЩИН ПО ПОВОДУ ЗАКОНОПРОЕКТА О ПРОФСОЮЗАХ.

ЛОНДОН, 4 мая. (ТАСС). Агентство Рейтера сообщает: «Прения в палате общин по законопроекту о профсоюзах возобновил сегодня либерал Саймон (известный адвокат, который во время всеобщей забастовки в прошлом году первый заявил о незаконности всеобщих забастовок). Саймон высказал сожаление по поводу того, что рабочая партия решила не пытаться вносить поправки в законопроект и что оппозиция (рабочая партия) коллективно не отмежевалась от событий, происшедших год назад, в недопускающих сомнения выражениях.

Выступивший затем Болдуин заявил, что за последние двадцать лет центр тяжести определенно передвинулся от выступлений промышленного характера к выступлениям политического характера. «Мы видели,—сказал Болдуин,—тенденцию заменять конституционные выступления методами прямого действия; система индивидуальных пикетов уступила место системе массовых пикетов; власть переходит в руки так называемого движения меньшинства». Это заявление Болдуина вызвало негодование оппозиции, потребовавшей, чтобы Болдуин подтвердил свои слова фактами. Когда Болдуин сказал, что не намерен называть союзов, которыми руководит движение меньшинства, то в зале раздался возглас: «Тем хуже для вашей чести». После новых инцидентов депутат рабочей партии Беккет был исключен из палаты на одну неделю.

«Мандат правительству на внесение в палату общин законопроекта о профессиональных союзах,—продолжал Болдуин,—дали события прошлого года. Мы не вносили законопроект раньше, не желая, чтобы он имел резко мстительный характер». Болдуин далее заявил, что, по его мнению, экстремисты проводили свою собственную политику во время всеобщей забастовки, в которой не желали принимать участие многие рабочие лидеры. «Клайнс сказал,—продолжал Болдуин,—что правительство пытается расколоть рабочее движение. Я думаю, что рабочее движение само себя раскалывает. Я уверен, что по мере того, как законопроект будет становиться известным стране, он будет иметь все больше и больше сторонников. Если рабочая партия пожелает сделать законопроект о профсоюзах основным пунктом борьбы на парламентских выборах, то правительство примет этот вызов с верой в успех».

Депутат рабочей партии Бромлей заявил, что законопроект рассчитан на то, чтобы уничтожить политических противников правительства и лишить тред-юнионизм возможности действовать. «Многие члены рабочей партии вместе со мной кое-чему научились в результате прошлогодних событий,—сказал Бромлей,—но законопроект убил в нас всякую надежду на возможность создать лучшую атмосферу в промышленности, и мы должны встать на борьбу с ним плечо к плечу».

БОРОДИНА ПРИВЕЗЕНА В ПЕКИН.

ПЕКИН, 4 мая. (ТАСС). Вчера в Пекин доставлены под усиленным конвоем Бородина и трое дипкурьеров.

КОНТРОЛЬНЫЕ ЦИФРЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РСФСР НА 1927—28 Г.

Президиум ВСНХ РСФСР по докладу тов. Ротштейна обсуждал первую наметку контрольных цифр промышленности РСФСР на 1927—28 г.

Общая сумма товарной продукции промышленности РСФСР для текущего 1926—27 г. исчислена в 2.130 миллионов рублей, а для будущего 1927—28 г.—с увеличением на 15 проц. Предполагаемое финансирование из госбюджета намечено в сумме около 10 млн. рублей. На капитальное строительство проектом контрольных цифр предусматривается ассигнование в размере около 240 млн. руб. Из этой суммы на строительство новых заводов предположено отпустить 73 млн. руб. (из них 35 млн. руб. на окончание уже начатых постройкой заводов, 43 млн. руб.—на ремонты и 21 млн. руб.—на жилстроительство).

1 МЛН. РУБ. БЕДНЯЦКИМ ХОЗЯЙСТВАМ МОСКОВСК. ГУБ.

Президиум Московского Совета распределил ссудный фонд в 1 миллион на покупку скота и с.-х. инвентаря для маломощных крестьянских хозяйств Московской губ.

Коллективным хозяйствам отпущено 375 тыс. руб., из которых 100 тыс. руб.—на приобретение с.-х. инвентаря, 90 тыс. руб.—на приобретение лошадей, 100 тыс. руб.—на покупку коров и 85 тыс. руб.—на постройки, обслуживающие производственные нужды сельского хозяйства.

На содействие беднейшим машинным товариществам отпущено 100 тыс. руб. и на прокатные пункты—150 тыс. руб.

На кредитование единоличных бедняцких хозяйств отпущено 300 тыс. руб. и на внесение паев в кооперативные об'единения за маломощные хозяйства—75 тыс. р.

ХРОНИКА.

✦ Президиум научно-технического управления ВСНХ постановил открыть в Азербайджане и Грозном филиалы Государственного исследовательского нефтяного института.

✦ В связи с 35-летием научной деятельности академика В. Н. Ипатьева, чествование которого будет происходить 15 мая, президиум ВСНХ СССР обратился в Совнарком с ходатайством о присвоении академику В. Н. Ипатьеву звания заслуженного деятеля науки.

✦ **Выставка кооперативной прессы.** В середине августа в Стокгольме одновременно с XII международным кооперативным конгрессом устраивается выставка кооперативной прессы и пропаганды. Для кооперации СССР на выставке отводится специальный зал.

✦ Заслуженный летчик СССР тов. Межераук, совершивший в прошлом году перелет Москва—Ангора, приказом РВС СССР назначен начальником военных воздушных сил Ленинградского военного округа.

✦ **Судьба аэростата «Осоавиахим СССР».** В течение вчерашнего дня сведений об аэростате «Осоавиахим СССР» не было получено. В Осоавиахиме предполагают, что аэростат, повидимому, уже опустился в северной части СССР, где-нибудь вдалеке от телеграфного пункта.

✦ **Жалобные книги в торговых предприятиях.** Все торговые и торгово-промышленные предприятия, а также товарные биржи и комитеты рыночных торговцев, по постановлению президиума Московского Совета, обязаны ввести жалобные книги для записи жалоб и всякого рода пожеланий обслуживаемой ими клиентуры.

✦ **Детская консультация** открыта 1 мая в гор. Ленинске, Моск. губ.

помещичье-дворянской Государственной Думы, провалившей, как и следовало ожидать, наш запрос. Это была агитация через головы думского реакционного большинства, агитация, которой неплохо помогал звонок в руках председателя Думы Родзянко, неизменно обрывавшего на половине речи рабочих депутатов. Ответом на мою речь был рост сборов на «Правду», рост подписки и усиление тяги рабочих к своей газете.

Непрерывно нараставшее революционное движение достигло своего наиболее высокого уровня к лету 1914 г., перед самым об'явлением войны. Рабочий класс начал наступать на своих врагов. Волна забастовок прокатилась по всей России. Всеобщая забастовка в Баку вызвала движение поддержки в других промышленных районах, в первую очередь в Москве и Петербурге. Рабочее движение вылилось на улицы. На Литейном лежали опрокинутые трамвайные вагоны, на Выборгской стороне появились баррикады. Число бастующих в Петербурге в начале июля достигало почти 200 тыс. человек.

Для «Правды» это было время самой кипучей работы. Каждый день в газете помещались боевые сводки борьбы. Редакция была в постоянной связи с забастовочными комитетами, помогала им, организовывала сборы, получала от них сведения и т. д. Эта лихорадочная деятельность немедленно вызвала реакцию со стороны полиции. Преследования газеты усилились. Штрафы, конфискации, аресты сыпались еще чаще, чем раньше. Типография и редакция во всякое время дня и ночи были осаждены армией шпиков, конной и пешей полицией, жандармами, словом, всеми родами полицейского оружия.

Каждый номер приходилось неизменно отбивать от полиции, спорить и доказывать ей, что, мол, по такому-то пункту закона газету в данную минуту конфисковать нельзя. Для защиты газеты от нападений мне часто приходилось дежурить по ночам в редакции, помогая ей в очередной борьбе с полицией. С собой я всегда имел сборник законов о печати, чтобы в любой момент ткнуть зарвавшегося полицейского чина в соответствующий параграф правил.

События быстро развивались. К одному забастовавшему заводу присоединился другой. По всему городу происходили беспрерывные стычки рабочих с полицией. Движение нарастало, ширилось, захватывая новые массы рабочих.

Масло в огонь подлили события на Путиловском заводе. 3 июля 12.000 путиловцев собрались на митинг на заводском дворе. Обсуждался вопрос об об'явлении забастовки для поддержки бакинских рабочих. В разгар митинга во двор ворвался эскадрон конной полиции. Полицейские с традиционным «разойдись», начали теснить толпу к наглухо закрытым воротам. Раздались выстрелы. Полиция дала два залпа по безоружной толпе. В ответ рабочие начали бросать камни в полицейских.

Одной стрельбой полиция не удовлетворилась. Полицейские жестоко избили сотню арестованных рабочих. В участке Петергофского района, куда я приехал после посещения завода, я застал ужасающую картину. Избитых отливали водой, вероятно, чтобы продолжать избиение. Помещение участка было полно целым штабом приставов и полицейских офицеров. Получив соответствующее распоряжение от градоначальника или министра, полицейские категорически отказались дать мне какие-либо сведения об арестованных.

Отправившись на обычное ночное дежурство в редакцию «Правды», я по телеграфу обратился к министру внутренних дел Н. А. Маклакову с требованием назначить мне прием для переговоров о путиловских событиях. Маклакова не было в городе, и вместо него управлял министерством товарищ министра, шеф жандармов ген. Джунковский. Вечером Джунковский прислал ко мне на квартиру своего чиновника с сообщением, что примет меня утром (в 7 или 8 ч.) у себя на дому.

На несколько минут позже назначенного срока я на другой день явился на Сергиевскую, к Джунковскому.

— Я опоздал,—начал я разговор,— потому, что всю ночь отбивал «Трудовую Правду» от ваших налетчиков.

Такое извинение сразу привело генерала в нервное состояние.

— Конечно, вам некогда, вы ездите по заводам, подстрекаете рабочих к забастовке. Удивляюсь, как вас допустили на завод. Вы—депутат Государственной Думы, ваше дело заседать, для этого вы и выбраны. А вы, вместо этого, ходите по заводам, разводите смуту, выпускаете прокламации, издаете газету, которая с раннего утра занимается подстрекательством,—он указал на свежевышедший номер «Трудовой Правды», уже лежащий на его столе.—Я распорядился,—продолжал Джунковский, — образовать специальную комиссию для привлечения в срочном порядке к суду вас и вашей газеты.

— Меня уже не в первый раз привлекают по разным статьям, вы на эти дела способны. Я пришел не за тем. Скажите, какое право имела полиция расстреливать путиловцев? Ваш ответ я передам рабочим петербургских фабрик и заводов.

— Никаких выстрелов там не было. Полиция дала только два холостых залпа.

Джунковский встал, я тоже. Мы стояли друг против друга, как будто готовые к немедленной схватке.

— Мы не допустим, чтобы рабочие избивали булыжниками полицейских, которые имеют винтовки и шашки. Полиция будет стрелять и впредь в таких случаях. Для этого она и вооружена.

— Другого ответа от наших министров никто и не ждал. Я его знал заранее и передам на фабрики и заводы. Запретить мне ездить туда вы не можете. Депутат от рабочих в то время, когда в участках отливают избитых водой, никогда не ограничится одними разговорами в Думе.

Я резко оборвал разговор и вышел от шефа царских расстрельщиков.

Мой разговор с Джунковским был опубликован в «Правде». Газету конфисковали. В следующем номере «Правда» его опять напечатала. Рабочие должны были знать, что выстрелы на Путиловском были не случайные, что это—система, от которой царское правительство не отступит ни на шаг.

Рабочий Петербург бурлил и кипел. Обе стороны готовились к решительному сражению. Черносотенцы всех мастей, почуяв опасность, требовали жестокой расправы. Они призывали полицейский сапог выполнить до конца свой долг перед царем и отечеством и немедленно растоптать разгоревшееся революционное движение.

Газета «союза русского народа» «Русское Знамя» истерически требовала крови. У меня сохранился один из июльских номеров (№ 161) этой газеты, в котором дубровинские молодцы с остервенением набрасывались на «Правду».

...А щеда,—писали дубровинцы,—вышел № 32 бунтарской газеты «Трудовая Правда», издание некоей Герб. Там в статье «Расстрел»... заведомо ложно сообщается, что полиция стреляла в путиловцев и убила 4 человек. Этот листок пошел по рукам путиловцев, и, конечно, ложное сообщение, что убито 4 человека, было доверчивыми путиловцами принято на веру как истинная правда, и они, простаки, были уловлены на эту удочку, как глупые караси. Добродушно поверив, что убито 4 человека, путиловцы совершенно потеряли голову, послушались голоса изменников царю и родине и пошли по пути, который ведет сперва к измене, а затем к виселице. Там же, в статье «Приветствие бастующим в Баку», указаны, что по поручению и от имени петербургского пролетариата Бадаев шлет горячий привет героическому пролетариату в Баку, подающему пример единодушия и классовой стойкости, и сообщает, что петербургский пролетариат с чутким вниманием следит за их борьбой. Этот призыв к бунту подписал «депутат Бадаев». Таким образом, ясно, что депутат Бадаев является руководителем бунтов рабочих в столице, и что он, как глава всех рабочих, а в том числе и путиловцев, подстрекает к бунту рабочих в Баку. Он, этот изменник, нагло клевещет на путиловцев и сознательно подводит их и рабочих в Баку под обух расстрела. И это делается в то время, когда в Баку послан по высочайшему повелению генерал, чтобы умиротворить рабочих. После этого мы в праве крикнуть: «Бадаева на виселицу»... Итак, г. Бадаев, как глава петербургского пролетариата, грозит решительным и дружным бунтарским выступлением всех рабочих. Это значит, что по мановению руки Бадаева, когда ему будет угодно (пока он не [illegible]), например, в случае мобилизации или войны, он поднимет все рабочее глупое стадо; натравит его на мирных обывателей, и по всей России польется кровь во взаимной братоубийственной резне, он пред'явит счет реакции (понимай, самодержавию), и осветит Россию повсеместными иллюминациями. Видимо, г. Бадаеву мешают спать лавры Разина и Пугача. Полагаем, что правительству нечего ожидать жеста Бадаева, а следует расширить действие военного положения на все градоначальство и для успокоения взволновавшегося, благодаря подстрекательству Бадаева, петербургского пролетариата, приказать по законам военного времени отвести первым Бадаева на виселицу»...

Моя скромная персона неожиданно оказалась в центре внимания господ черносотенцев. Статья прямо и откровенно так и была озаглавлена: «Бадаева на виселицу»...

Черносотенцы, по обыкновению, полагали, что достаточно уничтожить пару «подстрекателей», как рабочие превратятся в послушных сынов «царя и отечества». Охранное отделение было все же несколько умнее черносотенных зубров, охранка вылавливала и арестовывала отдельных революционеров, но вместе с тем она понимала, что значительно важнее разгромить всю организацию и, прежде всего, лишить революционное движение его главного оружия—печати. Жандармерия и полиция решили раз навсегда покончить с «Правдой».

На этот раз набег на газету был задуман с таким расчетом, чтобы захватить не только полностью всю редакцию, но и основную группу посетителей «Правды». Полиция явилась в помещение «Правды» под вечер, в самый разгар работы. В это время после заводского гудка в редакцию обыкновенно двигались со всех заводов рабочие с корреспонденциями, сборами и по разным партийно-профессиональным делам.

Мне часов в 8 вечера сообщили о новой атаке на «Правду». Когда я приехал в редакцию, все помещение было окружено кольцом охранников и жандармов. Жандармские ротмистры, вместе со своими подручными, хозяйничали в редакционных столах и шкафах. Всюду был полный разгром. Все работники газеты вместе с посетителями были арестованы и загнаны в одну комнату. Среди арестованных, помню, были тт. Киселев, Гертик, Герб и ряд других правдистов.

С трудом я протолкался через стену жандармов. К арестованным товарищам меня не подпустили, и я с ними переговаривался через открытую дверь. Я начал протестовать против обыска и арестов, заявил, что подыму дело в Государственной Думе. Сперва жандармские офицеры как будто не знали, как поступить со мной, они обратились по телефону за инструкциями к своему высшему начальству, от которого, очевидно, получили распоряжение действовать решительно. Жандармы начали гнать меня из редакции, заявляя, что они никаких разговоров со мной не будут вести, так как я посторонний для газеты человек. Я настаивал. Сила была, однако, на стороне полиции, и мне пришлось уйти, но предварительно был составлен очередной протокол о моем вмешательстве в дела полиции.

Разгром «Правды» в июле 1914 года был сигналом к дальнейшей расправе с рабочими организациями. В те же дни, перед самым об'явлением войны, полиция громила все рабочие журналы, профессиональные и просветительные общества. По всему Петербургу прокатились массовые аресты. Целыми партиями арестованные высылались в северные губернии и в Сибирь. Война сопровождалась еще большим усилением полицейского режима. Партийная работа ослабела, снова ушла в глубокое подполье.

У себя во фракции мы несколько раз обсуждали вопрос о возобновлении под каким-либо предлогом издания рабочей газеты. Этот же вопрос, в числе других, стоял на совещании в Озерках 4 ноября 1914 г., когда была арестована вся думская фракция большевиков. После суда наша фракция вместе с арестованными с нами товарищами была выслана на поселение в Туруханский край.

В условиях военного времени вновь приступить к изданию «Правды» так и не удалось. Но то огромное революционное движение, которое было подготовлено газетой, не замерло, а только временно ушло вглубь, чтобы с бешеной силой вырваться в февральские дни 1917 года. Тогда, после трех лет молчания, заговорила и наша газета. Снова раздался ее призывный голос. «Правда» вновь повела рабочий класс по твердому революционному пути.

В предвоенные годы вокруг «Правды» сформировалась группа крепких большевистских работников. «Правда» не только агитировала и руководила революционным движением в тяжелые годы царизма, но и воспитала целый кадр большевиков-рабочих. Свой закал, свое революционное воспитание они применяют сейчас на передовых постах советской работы.

Пролетарская революция многим обязана празднующей сегодня свое пятнадцатилетие «Правде».

А. БАДАЕВ.

На пятнадцатилетнем юбилее „Правды“.

Памят-элегия.

* * *

Да, вспомнить есть о чем, и есть чем похвалиться,
В каких превратностях прошли пятнадцать лет!
Какие крепости успели развалиться!
Каких людей уж больше нет!

И сам я... Грустного сознанья,
Увы, ни от себя, ни от других не скрыть!
Не те года, не та уж прыть,—
И мне уж говорят:—«пиши... воспоминанья!»

Ах, «Правда» милая, тебе—пятнадцать лет!
Не радоваться как такому юбилею?
Но—запевала твой, присяжный твой поэт,
На юбилеях всех, обычно, я болею:

Воспоминания острей, и глубока
Печаль о выбывших героях славной были.
На свитках памяти моей—нет, нет!—пока
Не наросло еще, друзья, архивной пыли!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

Лицо „Правды“.

«Это было в середине апреля 1912 года, вечером, на квартире у тов. Полетаева, где двое депутатов Думы, Покровский и Полетаев, двое литераторов (Ольминский и Батурин) и я, член ЦК (как нелегальный сидел в «бесте» у «неприкосновенного» Полетаева), сговорились о платформе «Правды» и составили первый номер газеты». Так вспоминает тов. Сталин основание «Правды». Это были дни, когда придавленный и придушенный годами столыпинской реакции классовый пролетарский гнев всколыхнулся высокой волной, подняв в бурном движении стотысячные массы рабочих по всей стране. Это были дни, когда эхо расстрелов на Лене прокатилось по всей стране, подымая рабочих на борьбу, выдвигая вновь рабочий класс как вождя нарастающего революционного движения. С первых же дней своего появления «Правда» становится коллективным организатором прежде всего партии, а затем широких беспартийных масс. Не было такого проявления массового рабочего движения, куда бы «Правда» не вносила организующую струю. Организация профессиональных союзов, борьба за «легальные возможности», участие в профессиональных организациях, страховая кампания, подготовка к с'ездам, международный женский день, организация помощи стачечникам, организация революционных форм протеста и борьбы рабочего класса,—вот главные задачи «Правды»—центрального органа партии большевиков. Она организует, сплачивает, воспитывает массы, руководит их борьбой именно как орган самой революционной пролетарской партии. Она воспитывает на резко отчетливой постановке всех вопросов партийное сознание и большевистское понимание борьбы.

«Правда» не витает в облаках, «Правда» сосредоточила свое внимание на конкретных, реальных задачах борьбы рабочего класса. Уделяя внимание мелочам рабочей жизни, она умеет связать великую борьбу рабочего класса с этими повседневными мелочами рабочей жизни. Некоторые перешедшие к меньшевикам большевики, как покойный Богдан Радин-Кнунянц, говорили, что у большевиков, у «Правды» есть особый «нюх», чутье. На самом деле это чутье было глубоким пониманием классовых интересов, глубоким пониманием движущих сил и пружин революционного движения.

Чуткость «Правды» вытекала и вытекает из ее глубочайшей преданности пролетарскому делу, не позволяющей хотя бы на один момент отвлечься от насущнейших интересов этих масс. Разбросанные в глухой провинции, в ссылке, в эмиграции большевики, потерявшие-было связь с партийным центром, связываются через «Правду» со своей партией, живут одной с ней жизнью, выравнивают свои шаги, усиливают мощь организованного руководства все нараставшим движением.

В этот период «Правда» воспитывает на опыте борьбы с меньшевиками-ликвидаторами и с соглашателями типа Л. Троцкого целое поколение рабочих-правдистов. Это обстоятельство чрезвычайно важно для истории нашей партии. Совершенно новое поколение партийцев воспиталось в эти годы «Правдой», когда участники первой революции были в большинстве своем разбросаны по ссылкам и по тюрьмам. Многие из тех, кто вступил в нашу партию большевиков в эти годы, в годы реакционного подполья после первой революции, в годы революционного под'ема 1910—13 годов, составляют в значительной степени костяк нашего руководящего состава партии в настоящее время.

«В 1906—7 годах царизм разбил революцию, казалось, на голову. Большевистская партия сумела через немного лет продвинуться в другой форме, по-иному, к цитадели врага—ежедневно, «легально» начать работу взрыва проклятого царского и помещичьего самодержавия изнутри»... «В 1912—13 годах, когда возникла легальная большевистская «Правда», за ней стояли десятки и сотни тысяч рабочих, своими копеечными сборами победившие и гнет царизма и конкуренцию мелкобуржуазных предателей социализма—меньшевиков». Так писал Ленин 2-го мая 1922 г. об этом на страницах «Правды». Чтобы представить себе, какую бешеную борьбу против большевиков вели в то время меньшевики всех оттенков, стоит привести только выдержку из редакционной статьи издававшейся тов. Л. Троцким венской «Правды». (Статья от 6-го мая 1912 г. № 25 «Мы ждем ответа»). Газета тов. Троцкого обрушивается на «Правду»:

«В петербургской газете «Звезда» появилось об'явление о предстоящем выходе в свет ежедневной рабочей газеты «Правда». Читающие рабочие знают, что под этим именно названием—«Рабочей газеты Правда»—выходит наше издание вот уже 4 года. — Что же это значит? Спросила ли редакция новой газеты наше согласие? Нет, не спросила. В каком отношении стоит петербургская газета к нашей? Ни в каком. По какому же праву и кто именно пытается ввести свое предприятие в среду читателей-рабочих под флагом нашего издания? Такого права ни у кого нет и не может быть».

Газета тов. Троцкого считала, что во всем виноват ленинский кружок—«воплощение фракционной реакции и раскольнического своеволия». Тов. Троцкий требует к ответу нашу партию большевиков за то, что она осмелилась назвать свою газету «Рабочей газетой Правдой».

«По какому праву?—спрашивает он.— Без всякого права. Для чего? На это ответить нетрудно.—Для того, чтобы путем подделки достигнуть того, чего не удалось добиться путем неистовой травли, для того, чтобы раскольнические тенденции проводить контрабандой под флагом издания, нефракционный характер которого несомненен для широких рабочих кругов. Для того, чтобы смешать все карты, внести полный хаос и спутать все понятия, еще далеко не отличающиеся устойчивостью в широких кругах партии».

Эта статья от 6 мая 1912 г. т. Троцкого заслуживает того, чтобы ее перепечатать сегодня, в день 15-летнего юбилея «Правды»,—ей тоже исполнилось 15 лет. Порою и в наши дни слышится тон той самой музыки, которая звучала в этом письме, когда речь идет о каких-нибудь больших принципиальных вопросах в нашей партии.

«Правда» выдержала об'единенный натиск всех меньшевистских организаций и групп; она росла, как и вся партия, в борьбе со всеми мелкобуржуазными течениями, со всеми проявлениями буржуазного влияния на рабочий класс. Борьба с меньшевизмом, ликвидаторством и троцкизмом была и остается одной из больших заслуг «Правды» во весь период ее существования и особенно в период перед империалистической войной. «Правду» громят агенты правительства. Ее конфискуют, ее запрещают. Но «Правда» живет движением масс и в то же время она никогда не теряет своего принципиального лица, своего боевого характера. Это орган массового пролетарского движения, это орган стачечной борьбы, это орган восстания масс.

«Правда» была придушена незадолго до войны. После первых же дней февральско-мартовской революции «Правда» возникает вновь и с первых же дней она становится, несмотря на колебания в рядах партии, боевым органом пролетарской революции. «Правда» опять становится органом, строящим партию, собирающим разбросанные, распыленные силы большевиков. Первые дни и недели «Правда» делает ряд тактических ошибок, от которых она, однако, с приездом Ленина быстро отделывается и выпрямляет свою линию. Но даже и в эти первые дни «Правда» становится органом сплочения массовых пролетарских организаций. Борьба за профессиональные союзы, за восьмичасовой рабочий день, организация женщин-работниц, организация рабочей Красной гвардии, организация солдатских масс, борьба за революционную армию, за овладение рабочим классом, борьба за крестьянство,—все эти задачи «Правда» выполняет с упорством, с настойчивостью, заостряя все вопросы так, что еще некоторое время часть рабочей, солдатской и крестьянской массы шарахается от революционной линии большевиков. Однако чем настойчивее и последовательнее проводит «Правда» свою линию, чем больше обостряются социальные противоречия в борьбе классов и партий 1917 года, тем больше вокруг «Правды» собирается армия, готовая итти на штурм капиталистического общества. И в этот год «Правду» громят, конфискуют, но «Правда» живет и крепнет силою массового движения. Она воплощает в себе и боль, и гнев, и чаяния миллионных масс и их волю к победе.

В то время кое-кому кажется, что «большевики разбольшевичились» и поэтому они «не могут называться большевиками». Им кажется, что русский большевизм делает какой-то принципиальный поворот, что «русский большевизм интернационализируется». (См. Ленинский сборник 4, стр. 301—303. Ленин. «Конференция межрайонцев»). Однако «Правда» никогда не делала никаких поворотов, никаких уступок в интересах принципиального «соглашения» с той или иной группой социалистов. Принципиальное лицо «Правды» всегда было и останется ленинским, большевистским.

Но вот пролетарская революция победила в Октябре 1917 года. «Правда» — орган Центрального Комитета партии, который руководит борьбой первого в мире Советского государства. Гражданская война требует напряжения всех сил, и «Правда» дышит этой напряженной страстью борьбы, ее страницы, печатаемые на грубой, ломкой серой бумаге, являются отражением жесточайшей классовой войны. Борьба с внутренней контрреволюцией требует в то же время борьбы за самую суровую дисциплину рабочего класса. Страна переживает неслыханные лишения, разруху, голод. В этот момент всякая слабость, всякое малодушие—гибель. И «Правда» на славном боевом посту—суровая, непреклонная, проникнутая волей к борьбе и победе. Боевые лозунги проходят через страницы «Правды», проходят в массы, дают движение миллионам рук, направляют работу миллионов мозгов, как одно целое—победить классового врага. И враг разгромлен. Но некогда ликовать, некогда предаваться праздным восторгам. Надо засучить рукава и работать, кончать разруху, восстановить транспорт, восстановить фабрики и заводы, сельское хозяйство, собрать рабочий класс, распыленный во время гражданской войны и разрухи, победить голод, нищету. И вокруг этих задач «Правда» собирает внимание масс. Она связана с широчайшими массами, она становится во главе рабкоровского и селькоровского движения. Из недр рабочих и крестьянских масс передовые общественники тысячами становятся помощниками в нашей работе. Она организует их, сплачивает, воспитывает и помогает вскрыть все гнойники и язвы. Она оправдывает, как всегда, свое название. Порою со страниц «Правды» льются обидные, горькие строки. Читаешь и стыдно за нашу некультурность, отсталость, за нашу дикость, и хочется еще с большей силой, с большей энергией приняться за выкорчевывание этой дикости, этой отсталости, этой некультурности, которой радуются наши враги, перепечатывая целые страницы «Правды» в белой печати.

Новое время—новые песни. Когда читаешь «Правду» за последние годы, словно слышишь стук молотов, визг под'емных кранов и лебедок, скрежет железа, движение машин. «Правда» становится мощным толчком в деле возрождения хозяйственного строительства. Историк нашей революции, историк нашей партии найдет в «Правде» верное, живое отображение того, чем мы жили за эти годы, как боролись мы за социализм.

И в эти годы главной заслугой «Правды» было то, что она оставалась и остается последовательным проводником ленинизма, большевизма. Конечно, «разбольшевичился» не большевизм, а разбольшевичились отдельные большевики или те, кто никогда не был и «не может назвать себя» большевиком. Большевистская «Правда» попрежнему ведет борьбу со всеми уклонами в нашей партии. В те моменты, когда прорываются эти уклоны, она бывает суровой, бывает нетерпимой, резкой. И в этом ее достоинство, что она не смазывает вопросов, что она ставит их четко, не дает укрыться под крылышком партии каким бы то ни было чуждым партии настроениям.

«Правда» — орган Коммунистического Интернационала. Именно потому, что это орган партии, строящей пролетарское государство, орган, выходящий в стране диктатуры пролетариата, «Правда» наиболее полно воплощает в себе черты интернационалистской партии, какой является до самых своих глубин ВКП(б). Каждое проявление классовой пролетарской борьбы,—будь то стачка рабочих передовых капиталистических стран, будь то революционное движение в самых отсталых колониальных или полуколониальных странах,—находит в «Правде» яркое отражение, братскую защиту, всемерную поддержку. За эти годы «Правда» воспитала в интернационалистическом духе миллионы трудящихся.

«Правда» сильна тем, что связана с широчайшими рабочими массами и еще более широкими массами трудящихся. «Правда» сильна тем, что она была и остается выдержанным органом ленинской партии, органом большевиков, что она—насквозь большевистская газета. «Правда» сильна тем, что она учит ленинизму, что она—лучший пропагандист, агитатор и организатор партии. «Правда» сильна тем, что она служила и будет служить до конца интересам борьбы и победы рабочего класса, интересам пролетарской революции.

Да здравствует «Правда»!

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ.

[illegible]

4.IV.24

[illegible]

Из письма М. Горького.

„Правда“ в рабочем квартале.

1913 год. Весна. Я приезжаю из Парижа, где работал на автомобильном заводе. Возобновляю старый, нелегальный паспорт на имя Васильева. Делаю попытки устроиться в Питере. Не удается. Все явки оказались недействительными. Еду «обратно»—в Финляндию, снимаю комнату в Терноках и уже с этой базы поезжаю в Питер. Хожу исключительно от ворот к воротам по заводам. И у каждых ворот друзья—одни работают, другие ищут работы.

И тут же сразу крики с раннего утра, с 7 часов: «кому «Правду»». Другой газетчик, продающий меньшевистскую газету «Луч», кричит: «хотите—берите на две копейки правды, хотите—берите газету «Луч»». И тут же у ворот разгорается фракционная борьба, спор то веселый, то злобный до отказа. У других ворот нечто подобное же. Но в Лесном, ближе к Удельной, у только-что выстроенного прямо на болотной топи завода «Новый Айваз», что-то исключительное. Но исключительна и рабочая публика: тут бывшие депутаты государственной думы, бывшие выборщики, члены правления профсоюза, тут ярые подпольщики, люди «с пунктами» ¹), здесь будущие народные комиссары, будущие члены правительства, и среди них токарь М. И. Калинин.

Поступаю к «Айвазу». Он работает на три смены: по $7\frac{1}{2}$ час. каждая. И днем и ночью между работой и во время работы идет гул партийных споров. Тут уже насчет публики становится еще яснее. Оказывается, здесь в беспредельном море обычных питерских рабочих и новопришедших из деревни «скобарей» и «скопских» целая армия явно неблагонадежного элемента: высланные под надзор полиции из Питера (Удельная рядом с Питером, но формально это—уезд, в котором могут жить высланные из Питера), бежавшие из ссылки, есть бежавшие с поселения и каторги (среди них М. П. Владимиров). Только после революции, задним числом, стало ясно, что на 2.000 рабочих неблагонадежного элемента было около 300 чел. Многие упорно конспирируют (при провале — ссылка, тюрьма и каторга), но это не так просто. Даже на работе часто зовут друг друга по нелегальной кличке.

Завод Айваза сосредоточил не только лучшую, квалифицированную публику, но и самую боевую в политическом отношении.

Внешне понятно, что «Правда» здесь—не только газета, которую читают; в ней активно участвуют. Редакция —далеко, на Ивановской улице, но при посещении «Правды» то и дело встречаются несколько айвазовцев. Айваз был первым застрельщиком кампаний и боевых выступлений, он одновременно на учете и у «Правды», и у... охранки.

«Правда» стихийно росла, росла и за счет боевого настроения рабочих и за счет войны с меньшевиками. Позиция «Правды» была ярко боевой и одновременно на три фронта: против правительства, против капиталистов, против меньшевиков. Меньшевики не столько вызывали движение, сколько хотели его оформить, истолковать, направить и взнуздать. «Правда» сообщала движению одновременно и энтузиазм и логику. Меньшевики хотели давать только логику... «Луч» конфисковывался за умнейший спор с сановной бюрократией, «Правда» конфисковывалась за постоянный призыв к бою. Одно время казалось, что самый передовой квартал рабочего Ленинграда—Выборгский район,—стал «цитаделью» (выражение Мартова) «Луча», но «Правда» его завоевала фатально своим постоянным боевым призывом и революционным духом.

На завод Айваза я поступил после работы на примитивных русских заводах и после работы на заводах массового производства во Франции. Завод Айваза был исключительным по своей технике и организации. Он поражал своей производственной гармонией и поражал даже по сравнению с Европой. Я ушел по уши во внутреннюю организационную работу, в работу по союзу и, как никогда раньше, изучал самое производство. Именно здесь-то казалось, что судьба рабочего класса тесно связана не только с его задачами, как революционера в области распределения и потребления, но и как революционера в области производства. Работая в области построения теоретически-производственных вопросов, я считал нужным передать свои идеи в художественной форме. Первым в этом отношении произведением явились «Звоны». Оно начиналось: «Новое било, мятежное звало, шумное, бурное дерзко будило...». Я писал ее буквально на слесарном верстаке в отделении «припаютки». И послал в «Правду»—по почте. Очень быстро «Звоны» были напечатаны под псевдонимом Дозорова. Они читались всеми тут же на заводе моими соседями, которые не знали, что автором был сосед по верстаку... Я понял тут же, что угадал и настроение и среду.

Скоро в почтовом ящике появилась заметка, что меня вызывают в редакцию. Вспоминаю, что некий «дядя Михей», помещавший рекламные стихи о папиросах в отделе об'явлений «Правды», недурно использовал мои стихи и для рекламы папирос «Тары-Бары», популярных в рабочей среде.

В один из свободных вечеров я пришел в редакцию и там встретил своего приятеля по 1904 и 1905 годам—Роберта (Эммануила, Лугановского). Говорить надо было с тов. Сосновским. Для удобства и отчасти из конспиративных соображений мы пошли в трактир и здесь много говорили о дальнейшей работе. Потом уже я частенько давал свои вещи в «Правду». Одними из первых были помещены мои «Рельсы», написанные уже во время знаменитой айвазовской забастовки на железнодорожных путях во время массовок на окраинах «Удельной». Затем я давал не мало рассказов и миниатюр, сюжеты которых брал из Выборгского района с его исключительной рабочей публикой.

Во время частых визитов в «Правду» я убедился, что человеком, который сосредоточил свое внимание на рабочих [illegible], был тов. Еремеев, живший [illegible] в самом Выборгском районе. Он же, несомненно, был и настоящей душой редакции. Мои встречи с Мироном, являвшимся главным редактором, были редки. Я не подозревал, что он—провокатор, тем более, что еще в Париже меня с ним познакомила Вера Слуцкая—мой товарищ по шестому году,—а она была друг детства Мирона. Бросалась в глаза его необычная для нашей среды размагниченность. С Малиновским—одним из членов редакции,—я был «на ножах» по союзной работе; помню, что он пытался отстранить меня от «Правды», но при встречах был любезен до об'ятий и поцелуев.

Я писал в «Правде» не только художественные вещи, я гнал большие корреспонденции о заводе, особенно во время забастовки, и давал обзоры и статейки. Помню курьез, как одна из моих статей шла одновременно в трех газетах (как будто была одна эсеровская...),—статья с отчетом о забастовочном движении. За резкую фразу меньшевистская и эсеровская газеты были привлечены к ответственности, «Правда» же поместила без этой фразы и не была ни конфискована, ни привлечена к суду.

Популярность «Правды» в рабочих районах была совершенно исключительной. Это об'яснялось и боевой позицией и дешевизной газеты. Ее цена была 2 к. Она скоро стала вытеснять знаменитую «Копейку» с ее лизоблюдными статьями и фельетонами. В «Правде» была хорошо поставлена редакционная работа по обслуживанию рабочих районов. Едва ли есть другой пример в мировой рабочей печати, где было бы столько заметок из рабочей заводской жизни, как в «Правде».

Но «Правда» брала и прекрасной постановкой газетной техники. Ее коммерческая и техническая часть велась товарищами с таким же энтузиазмом, какой был в подпольных типографиях. Все товарищи, ведшие в свое время хозяйство «Правды»,—теперь крупнейшие хозяйственники. Из них вспоминаю Шведчикова и Лугановского, и тов. Попова.

Но нужно ли говорить о том, что главное, чем брала «Правда», это—энергией своего гениального редактора, Владимира Ильича, который был не только главным литератором газеты, но и постоянным консультантом.

А. ГАСТЕВ.

¹) Высланные из крупных городов.

Весна Октябрьской революции.

Да, это была самая настоящая весна... И продолжалась она без перерыва целых два с половиной года.

Трещат ли морозы, донимает ли осенняя, сырая питерская мгла,—все нипочем: на душе юношеская бодрость и отвага даже у людей, отнюдь не юношеского возраста. Пусть забирают в участки, в предварилку, в Кресты,—все это вздор, «мы еще повоюем, чорт возьми».

Началось такое настроение у широких кругов большевиков особенно бурно в 1912 году вместе с под'емом рабочего движения и выходом в свет маленькой, на вид невзрачной газетки «Правда». Она сразу обратила на себя общее внимание и стала любимой.

И не за статьи любили ее. Кроме Ленина, Ольминского, Зиновьева, в ней не было больше выдающихся сотрудников, да и не в каждом номере бывали их статьи. «Правда» влекла к себе общей жизнерадостностью, которая как бы брызгами слетала с ее страниц, и живостью своего большого отдела «Рабочая хроника», которая определенно говорила, что в недрах рабочего класса назревает период бури и натиска.

Как магнитом, тянула к себе «Правда» рабочих разного уровня развития, особенно в дни так называемых конфликтов и забастовок на фабрике или заводе. Чумазые, с несмытой копотью на лице, прямо от станка прибегали они в «Правду».

— Конфликт?—коротко спрашивала тов. Самойлова—секретарь редакции в 1913 году, глядя на возбужденные лица рабочих.

— Бастуем!—отвечали они с перебегающими огоньками в глазах.

Сейчас же составлялись требования, и минут через десять уже готова была заметка о новой забастовке, а на другое утро она уже красовалась на видном месте в «Правде». А в следующих номерах писались сообщения о ходе забастовки и пригвождались к позорному столбу штрейкбрехеры. И так изо дня в день. Ведь то было время так называемого «стачечного азарта» (выражение меньшевиков).

Вначале секретарь редакции мог сам справляться с этим живым потоком, потом понадобились помощники, и для этого приглашали на помощь товарищей, близких к «Правде». Наконец, пришлось устроить особый «конфликтный» отдел, с особым заведующим.

Волна мелких и крупных забастовок толкала рабочих к усилению профсоюзов той отрасли труда, где таковые уже были, и к организации новых. Отсюда—эти многочисленные призывы в «Правде»: «Товарищи сапожники, кожевники, чемоданщики, седельщики, записывайтесь в свой союз!» Или: «Товарищи золотосеребренники, деревообделочники» и пр., и пр. Все это текло в «Правду», и «Правда» печатала воззвания, раз'ясняла, как организовать союз и куда следует обратиться.

Использовались так называемые «легальные возможности» и в другом направлении. Из них первое место принадлежало рабочим культурно-просветительным обществам—по тогдашним временам нечто вроде рабочих клубов. В 1912 и особенно в 1913 году очень часто вели ожесточенные споры ликвидаторы и революционные марксисты—сторонники «Правды». Происходили эти дискуссии полулегально, под видом лекций и докладов. Как только рабочий-большевик узнавал, что в том или ином месте состоится доклад какого-либо ликвидатора, он считал своим долгом сейчас же лететь в «Правду»:

— Дайте, пожалуйста, хорошего правдиста. Сегодня вечером сражаемся с ликвидаторами.

И какая бывала радость, если подходящий правдист был налицо и соглашался принять бой с противником.

Слово «правдист» очень скоро вошло в обиход. Оно означало не только сторонника «Правды», но и особый тип революционера, созданный «Правдой». Правдист отличался прежде всего революционностью; он защищал «неурезанные» (т.-е. революционные) лозунги социал-демократии, он верил в близкую революцию, признавал подполье. Правдиста можно было сразу узнать даже по внешнему виду. Открытый, бодрый, смелый взгляд, прямота, горячность и нетерпимость к инакомыслящим, «узость мысли», как называли последнюю черту разных оттенков либералы и их прихвостни в лице ликвидаторов.

Совсем другой вид был у рабочего-ликвидатора: солидность, вкрадчивость в манерах, смешок над подпольем и «стачечным азартом», якобы создаваемым большевиками,—точь в точь как в настоящее время английские и другие буржуа считают исключительно делом рук большевиков и китайскую революцию, и забастовки горняков, и волнения рабочих где бы то ни было.

Но вернемся к дискуссии. Само собой разумеется, что каждый раз она заканчивалась чуть ли не дракой. Предусмотрительные члены клубного правления торопились тушить электричество, чтобы избегнуть скандала и прихода полиции. Кроме того, «Правда» под благовидным предлогом устраивала и легальные собрания в широких размерах.

В 1913 году в марте ею было отмечено 30-летие со дня смерти Карла Маркса не только в печати, но и особым научным утром. Правда, на афишах не значилось, что оно посвящено Карлу Марксу, иначе градоначальник его не разрешил бы, но все приглашенные очень хорошо знали об этом.

В том же году «Правда» организовала «Научное утро по женскому вопросу», под которым скрывался на самом деле первый женский день в России.

Что касается женского пролетарского движения, то здесь роль «Правды» очень велика. Просмотрите «Правду» за 1913 г., и вы в этом убедитесь воочию. Начиная с января, все чаще и чаще в газете стали печататься статейки о работе женщин в разных производствах. Была даже напечатана примерная анкета, и работницы приглашались отвечать на нее. Работницы стали тоже тянуться в «Правду», и на ее страницах впервые появились работницы, хотя и не в особенно большом числе. Многие пролетарские поэты и беллетристы впервые стали печататься в «Правде»: Я. Бердников, Маширов, Поморский, не говоря уже о Демьяне Бедном.

И тянула нас к себе «Правда» без остатка.

Здесь можно было узнать, что пишет Ильич из Поронина, какую прислал статью, что делается в заграничном ЦК. В «Правду» же приезжали лица, специально посланные Ильичем в Петербург. Они являлись прежде всего в «Правду», и можно сказать, что она была своеобразным партийным центром в легальной оболочке и главным опорным пунктом большевистской фракции Государственной Думы.

«Правда» за два слишком года своего существования под разными наименованиями успела проделать большую работу: революционизировала рабочие массы, закрепляя их пробудившееся сознание организацией, и создала тот блестящий рабочий партийный большевистский актив, который с головой ринулся в Февральскую и Октябрьскую революцию и который и в настоящее время работает на ответственных постах в разных концах Союзной Республики.

* * *

В 1917 г. «Правда» воскресла 17 марта и сразу стала организующим центром, но еще в большем масштабе. Не могли этому помешать никакие клеветы буржуазной и всякой другой печати, ни разгромы.

В помещении ее редакции опять большая толчея. Преобладали фронтовики. Их тянуло к «Правде» неудержимо. Они являлись с приветствиями, приносили свои стихотворения против войны, сложенные в окопах, свои корреспонденции. Многое из этого материала обрабатывалось и печаталось в «Правде». Мы нагружали авторов кипами газеты, которая по почте не доходила до фронта благодаря мерам, принятым временным правительством.

Кроме того, у нас всегда наготове бывали листовки на немецком языке для немецких солдат. Их охотно брали наши для подбрасывания своим невольным врагам, для завязывания с ними связи, для общего протеста против войны.

Идейно-политическое влияние «Правды» переливалось по всей России и на дальние фронты империалистической войны.

Из маленькой газеты она стала теперь большой газетой, с тиражом свыше полумиллиона, и к ее голосу прислушивались наши враги и наши друзья в лице всех секций Коммунистического Интернационала.

П. КУДЕЛЛИ.

Нарицание имен „Звезды“ и „Правды“.

(Из воспоминаний).

Помнится, В. Г. Короленко в своих воспоминаниях говорит приблизительно следующее:

— Родился я тогда-то. В этот день православная церковь праздновала св. Владимира. И на семейном совете постановили наречь меня Владимиром... Но представьте, что православный календарь в день моего рождения почему-либо прославлял бы св. Пуда: быть бы мне тогда Пудом Короленко. И заметьте, что протестовать я был бы бессилен. И так на всю жизнь был бы я —Пуд, Пудик, Пудище.

Этот тонкий юмор, присущий талантливому беллетристу, довольно точно отмечает всю случайность и нелепость нарицания имен человеков, состоявших в царской России из души и православного паспорта.

Но вот когда большевики решили, в 1910 году, не покидая своей подпольной революционной работы, в то же время выйти из подполья и издавать в царской России свою легальную газету, то «случайность» сыграла еще более оригинальную роль, нежели с нарицанием имени Владимира Галактионовича Короленко.

Газета в те времена тоже состояла, так сказать, «из души и паспорта», а именно из разрешения на право издания и содержания. Содержания издания,—как, впрочем, души у человека,—не требовалось, и гербовый сбор на этот предмет установлен не был, так что казна терпела явный убыток, иногда лишь возмещаемый наложением штрафов. Но на счет «паспорта» было строго. Издавать что-либо без разрешения главного управления по делам печати можно было лишь тайно, в чем мы уже имели практику. А для явного издания нужен был газетный паспорт, т.-е. бумага на право издания.

Для решения вопроса о наименовании собралась первая редколлегия будущей «Звезды» —депутат Думы Н. П. Покровский, В. Д. Бонч-Бруевич, Н. Н. Норд[illegible] и я, долженствовавший быть первым официальным редактором-издателем. Помнится, мы довольно долго сидели над листочками бумаги и изобретали название, что было не совсем просто.

В названии газеты в те времена «знамя» требовалось. То-есть не начальство его требовало, а читатели. Если уж не целиком знамя, то хоть его краешек, а уж по этому краешку читатели и до сути добирались. Конечно, были газеты в то время, которые смело писали на своем знамени: «Чего изволите», но успех их зиждился, главным образом, на содействии околоточных и казенных субсидиях. Были газеты и либеральные — кадетская пресса,—которые полностью не писали своего знамени, а высовывали большой его кусок, на коем можно было прочесть: «Медленно поспешай»,—а куда—предоставлялось догадываться: или вперед (с разрешения начальства) или назад (тоже с разрешения начальства).

Ясно, что большевикам ворваться в легальную прессу со своим знаменем,—на коем в первых же строках читалось: «Долой самодержавие», затем программа-минимум, а затем и социализм,—никак бы не удалось.

Да, так вот было не так просто под'искать такой заголовок газеты, чтобы наш будущий читатель почувствовал к нему инстинктивную симпатию. Все же в результате долгих обсуждений и даже маленьких споров был выработан список имен, в котором были: «Искра», «Заря», «Вперед», «Пламя», «Труд», «Движение», и т. п.,—с дюжину названий. Впоследствии к ним я добавил еще с десяток, придумав их на досуге. Резких имен избегали, чтобы не вызвать осложнений и совсем на первых порах не провалиться с точки зрения департамента полиции. Конечно, о названии «Звезда», напоминающем какие-то небесные сферы, никому из нас и в голову не приходило.

Положив список названий и его рублей в карман, я отправился по мытарствам —добывать паспорт для нашей газеты.

—

Прежде всего, согласно советам опытных людей, я до высшей степени блеска начистил ботинки, купил бумажные «крахмалы», галстук, навел парикмахерскую «цивилизацию» и таким образом превратился по внешности во «внушающее доверие» лицо, могущее затратить собственный капитал хотя бы на издание газеты, ежели я этого пожелаю. Шляпа у меня была еще сносная, привезенная из-за границы, а пальто одолжил мне товарищ «только сходить» к властям предержащим, на что мы наивно полагали два—три дня. Однако, я прощеголял в этом почти новом пальто почти месяц.

По справкам оказалось, что нужно взять в полицейском участке удостоверение личности. Это был камень преткновения: мне казалось, что это и есть «свидетельство о благонадежности», и значит тут и будет конец моим попыткам. Конечно, недавнему еще тюремному сидельцу «благонадежности» не дадут, придется искать нового редактора-издателя. Взяв у дворника выписку из домовой книги, где я был записан: «живет капиталом», я явился в «свой» участок на Сампсоньевском проспекте, Выборгской стороны,—ныне проспект Карла Маркса.

Чиновник, к которому мне надо было подойти, был точь-в-точь такой, как рисовали полицейских паспортистов в юмористических журналах: бледный, испитой, с угреватым, прыщеватым и фурункулезным лицом, с подвязанной платком щекой, так что на голове «зайчиком» торчали концы платка, с красноватым носом картошкой. Он работал великолепно, движения его были быстры, отчеканны, и одним махом он умудрялся подавать просителям какие-то листки и в то же время той же рукой бросать в ящик стола даваемые ему мелкие монетки.

Он показался мне таким хитрым, такой выжигой, что я подумал: «Пропало мое дело. Не выгорит».

Когда я, двигаясь за очередью, подошел к барьеру и вынул из кармана сложенный домовый листок, я случайно вытащил вместе с листком и бумажный рубль. Паспортист протянул руку и, как фокусник, мгновенно вз'ял у меня листок вместе с рублем. Узнав, что мне требуется, он без замедления сунул мне бланк заявления, где надо было только подписаться, выхватил какую-то книгу, в которой заполнил корешок и купон, быстро помчался в соседнюю комнату и принес мне бланк удостоверения, подписанный приставом.

— Вот здесь распишитесь... С вас 20 копеек,—скороговоркой произнес он.

Раздумывать было некогда,—я машинально последовал его предложению. По правде говоря, я так и остался в недоумении: следовал ли с меня тот рубль по праву или он пошел «на усиление средств» проворного чиновника?

Во всяком случае, нужная бумага в какие-нибудь 5—7 минут оказалась у меня в руках без всяких околичностей. Я вышел на улицу и внимательно ее прочитал: справка такой-то части. Такой-то. Жительствует там-то. Отмечен: капиталом. Под судом не состоит. Выдана на предмет получения свидетельства на право периодического издания. Видом на жительство служить не может. Выдана на основании статей...

— Ах... чорт!—воскликнул я и опрометью вскочил в вагон проходившего как раз парового трамвая.

Пока я ехал, меня все время разбирал смех,—как это ловко вышло. Но, думаю, что в это же самое время паспортист смеялся еще веселее, вспоминая, как какой-то дурак сунул ему целковый, за который ему пришлось бы удовлетворить не меньше десятка просителей. Однако, уже сойдя с трамвая и идя пешком по Невскому, я как-то оробел:

— А что, если эта бумажка не та, и потребуется еще другая?..

В раздумье пришел я в главное управление по делам печати.

— Будь, что будет,—думал я.

—

В под'езде главного управления были наложены целые штабеля каких-то дел. Стояли какие-то ящики с бумагами. Швейцар взял у меня пальто и шляпу и попросил подняться, извиняясь за беспорядок,—не то по случаю в'езда, не то выезда.

За следующей дверью я попал в прихожую, где в сторонке за столом сидел старший вахтер, который поднялся при моем появлении и, почтительно кланяясь, осведомился, к кому мне нужно. Услыхав, что к начальнику управления, он еще раз поклонился и еще почтительнее предложил пройти в приемную подождать, так как «их превосходительство еще не изволили пожаловать».

— Тут и покурить можно, если занимаетесь,—разрешается.

В темноватой приемной, окнами на двор, ждало несколько человек. Был в шелковой рясе, видимо провинциальный, батюшка, пожилая почтенная дама в необычайно большой шляпке с большим ридикюлем в руках, некий мужчина, который выпирался из потертого, лоснящегося сюртука и был столь внушительного сложения, что невольно думалось:

— Вот грохнет голосищем-то...

К удивлению, он заговорил совсем писклявым, сдавленным от уважения к присутственному месту голосом, обращаясь к сидевшему в сторонке хорошо одетому молодому человеку, который внимательно разглядывал свои ногти:

— Разрешите еще одну... Не беспокою?

Тот молча, с небрежным видом, вынул портсигар и, раскрыв, протянул, не глядя, руку, затем стал закуривать сам, цедя сквозь зубы слова:

— Э-э... Как ваша цензура?

Потертый сюртук придвинул ближе к вопрошающему свой стул и как-то униженно склонился к собеседнику.

— Есть надежда-с. Теперь вот имею собственноручное письмецо-с от господина доктора Дубровина. Полагаю, что на сей раз будет согласовано.

— Э-э.. на кой, собственно, чорт вы хотите в цензуру?

— Служба-с, все-таки... А там, может, заслужу... и опять в исправники... Вот если-б вы-с пожелали взять к себе?.. Я надеюсь...

— Нет вакансий,—коротко сказал молодой человек.

— Помилуйте-с!.. В «Новом Времени» да чтобы не нашлось...

— Нет вакансий,—строго оборвал тот и, отвернувшись, вновь занялся своими ногтями.

В это время с шумом раскрылась дверь и шумно вошел рыжий человек в черкеске, с громадным серебряным кинжалом на поясе и револьвером на боку. В руке был толстенный стек. Громадную папаху он размашисто кинул на стол, за которым сидела почтенная дама, так, что она испуганно отшатнулась. На лице у него багровел шрам, что вместе с большими рыжими усами придавало ему довольно-таки зверский вид.

— Когда же генерал приедет?—громко, хриплым басом спросил он сопровождавшего его вахтера.

— Не могу вам доложить. Обещали к 2 часам, если ничто не задержит... но могут и запоздать.

— «Могут запоздать»!..—передразнил человек с кинжалом.—А чорта ли мне, что «могут запоздать»!.. У меня времени нет. Понимаешь?

— Так точно-с.

— «Так точно-с»... А Васька здесь?

— Василий Нилыч —точно, здесь.

— Пойду к Ваське,—заявил этот тип, подошел к столу и схватил папаху так, что дама опять вздрогнула.

— Пар...дон, сударыня,—громогласно извинился он.—А!.. Борис Александрович! Друг!.. А я и не вижу,—обратился он к молодому человеку, подошел и стал трясти ему руку. Тот поморщился от пожатия. Крупный мужчина в сюртуке встал и отвесил низкий поклон.

— Э-э! Живая душа на костылях! Каково приживаешь? Что тебя из исправников-то в куропаты еще не сместили? Ха-ха-ха!.. Ну, ничего, сместят!—И не обращая никакого внимания на то, что мужчина пытался ему ответить, он зацепил молодого человека под руку:

— Пойдем к Ваське, Борис Александрович. Чего тут сидеть!

Они шумно вышли, и в темноватой душной комнате стало как-то глуше и унылее. Мужчина в потертом сюртуке стоял, как бы не решаясь сесть.

Провинциальный поп тоже глядел оторопело. Дама пыхала пузырем.

Мужчина в сюртуке подсел к попу и, приставив ладонь ребром ко рту, как бы по секрету сообщил ему с явным восхищением:

— Вот это... человек!!!

— Кто... они?—робко спросил батюшка, утирая пот с лица большим цветным платком.

— Это?!.. это!? Это, знаете, «союз русского народа» будет журнал издавать... так это ихний редактор!.. «Двуглавый Орел» будет журнал. Или «Белый Царь». Как разрешат. Сто тысяч на журнал отпущено. А есть слух: полмиллиона!

— А как будет... их фамилия?

Дальше я не слышал, потому что ко мне подошел вахтер. Он, очевидно, все присматривался ко мне как к новому посетителю и не мог меня определить, что я за птица, по какому делу.

— Быть может, генерал сегодня запоздают или совсем не будут,—почтительно доложил он мне.—Если у вас дельце спешное, то можно доложить Петру Павловичу, или Петру Петровичу, или Василию Ниловичу... ¹) Смотря у кого в отделении будет ваше дельце. Они вас примут. А может, и решение дадут по силе возможности.

— Да мне вот нужно разрешение на право издания.

— Так это у Петра Петровича... Жаль—вы раньше не сказали, экой час просидели! (Этот «час» уже тянулся часа три). То-то я гляжу: сидят они, а может, дело-то у них спешное. Думаю, дай спрошу... Так я сейчас и доложу... Вы сами и издатель будете?

— Да, я сам.

— Сей секундой.

Он исчез за одной из дверей и быстро вернулся.

— Пожалуйте-с! Тут сначала ихний столоначальник будет, вы ему все обскажете, а он и доложит о вас Петру Петровичу. Пожалуйте!

И он распахнул мне дверь.

В комнате за столом сидел пожилой чиновник в вицмундире с золотыми пуговками, усердно занятый бумагами. Он поднялся и предложил мне сесть.

— Вы желаете издавать журнал?

— Нет, газету.

— Ежедневное издание?

¹) Имена чиновников не настоящие.

— Пока еженедельно... а там, если пойдет...

— Понимаю-с. Это дело простое. Вы знакомы с правилами о печати? Вот, не угодно ли просмотреть.

И он протянул мне обложку, в которой были подшиты номера «Сборника узаконений и распоряжений правительства» с подчеркнутыми красным наиболее существенными местами.

— Вы подадите прошение; нужно удостоверение от полиции. Гербовые марки... если не захватили, можно получить у нашего вахтера.

— Вот прошение, я заготовил. И справку. А марки я, действительно... я сейчас...

— Не извольте беспокоиться!—он нажал кнопку.—Вот им нужны марки на прошение,—у тебя найдется?—спросил он вошедшего вахтера.—Хорошо, вот принеси, а когда мы кончим, они с тобой расплатятся.

Марки принесены. Прошение оказалось в порядке.

— Сейчас доложу о вас.

Захватив мое прошение, он вышел в соседнюю дверь. Минут через пять он вернулся.

— Пожалуйте, вас просят войти.

Признаться, я ожидал увидеть в Петре Петровиче этакого сухого формалиста, чиновника, наглухо застегнутого в мундир, который окатит меня бюрократическим величием. Оказалось, что за высокой конторкой, на высоком табурете сидел худощавый, подвижной, в пенсне, белокурый и приветливый господин, одетый в штатский светлого тона костюм. Он быстро соскочил из-за конторки, потряс мне руку, усадил в кресло у письменного стола, на котором лежало мое прошение, и сам сел напротив.

— Видел ваше прошение,—все в порядке. Вот справочки наведем и на доклад. Недельки через две наведайтесь, надеюсь, будет готово.

— Но... какие же справки?—спросил я, а у самого в голове мелькнуло: «из департамента полиции, или из охранки».

—Может быть, свидетельство об оспопрививании или от врача—о [illegible] и

Из записок старого правдиста.

(Отрывки из воспоминаний).

...На «рождестве» 1910 года моя мать явилась ко мне в тюрьму (Кресты) на свиданье с каким-то таинственным выражением лица. И вижу сквозь двойные мелкие решетки клетушки свиданий, как она из-за пазухи вытаскивает № 1 «Звезды» и шепчет:

— Теперь будет светлее. Звездочка взошла, большевистская...

Радостно забилось мое сердце, и судьба моя в тот миг была решена: выйду на волю—в газету! Сам не свой вернулся я в камеру и почти весь остаток дня проходил взад и вперед по камере.

* * *

Когда уже работал в редакции «Звезды» и «Невской Звезды», хотелось большего: чтоб не один раз в неделю выходила газета. Материала из рабочих районов скапливались кучи—все рабочие рукописи. Но их забивали сводки стачек, которые вел я.

Разговоры и толки о ежедневной газете росли, потом стали претворяться в денежные сборы у станков, и наконец дядя Костя (К. С. Еремеев) в середине апреля (1912 г.) сказал мне, что на-днях выйдет первый номер «Правды».

* * *

И кто только ни писал в «Правде», кто только ни ходил в маленькую секретарскую и в комнату «Рабочей хроники». Бывали дни, когда у моего стола—стол профессиональной жизни и стачек—устанавливался черед делегатов от стачечников с сообщениями о стачках и просьбами об'явить места бастующих под бойкотом. Каждая заметка о стачке кончалась этой фразой, и товарищи по редакции присвоили ее мне как товарищескую кличку.

Много приходило и штрейкбрехеров с покаянными письмами, униженно просивших поскорей напечатать. Говоришь: «в очередь, не ты один», и пальцем на стену влево. А у стола в стену вбит длиннейший гвоздь, какой только нашелся у сторожа редакции; на него нанизывались штрейкбрехерские письма по мере поступления.

Дядя Костя—мое хроникерское начальство—посмеивался:

— Георгий, гвоздь не выдержит.

А Мосеич (А. М. Гертик) ворчит, что штрейкбрехеры отнимают место у его «простой» хроники.

* * *

Под особой опекой жандармов были железнодорожники, но и они урывали время и, переодевшись, приходили и приносили нам рукописи, зачастую коллективные.

На Сортировочной-Николаевской стрелочником работал старый партиец Иван Авксентьевич Воинов[1]), он писал в «Звезде», потом в «Правде». 8 апреля 1912 г. 12 железнодорожников этой станции подписали «бумагу» о своем тяжелом положении и прислали через Воинова в «Правду». Но 28 апреля ее вместе с другими материалами захватила охранка во время налета на редакцию. Началось «дело». Воинова, как автора, арестовали и выслали.

После Февральской революции он снова вернулся в «Правду». Но 6(19) июля 1917 г. был убит озверелой толпой белогвардейцев на Шпалерной ул. при распространении «Листка Правды», вышедшего вместо разгромленной юнкерами «Правды».

* * *

Много полицейских погромов было и в «Звезде» и в «Правде». Со счету собьешся. Но 18 апреля 1913 г. охранка прямо войну об'явила газете. Всех нас, работников редакции, обыскала на дому (кого и зацапала), даже и к живущим за городом с ночными визитами явилась. У нас на дому поживы не было, а в редакции все забрали, в том числе все рукописи рабочих. 19-го утром мы сели работать за пустые столы. Но рабкоры наши были целы. Через полдня опять гора заметок: стачки, в союзах, на фабриках, несчастные случаи, стихи—на выбор.

Так и жила редакция, пока перед началом войны не разгромили ее. Эту новость принесла мне в тюрьму («предварилку») мать на свиданье в середине июля 1914 года. Я едва разобрал через двойные решетки клетушки и в шуме разговоров соседей, что она говорила:

— 8-го «Трудовую» разгромили, многих взяли...

* * *

... 1917 год. № 1 «Правды». Бесплатно. Я увез 500 экземпляров в Поповку и Саблино. Нарасхват брали «Правду» железнодорожники. Брали и обыватели и шипели: «большевики пишут», а позже: *«шпионы»*, *хотя и знали нас по многу лет.*

5(18) июля—разгром редакции на Мойке юнкерами. Рукописи забраны. Мебель разбита. Работники редакции арестованы.

* * *

Весна 1918 года. Две маленьких комнатки у наборных, наверху, где «День» и «Русская Воля» когда-то верстались. В одной — секретарь К. Н. Самойлова, Дм. Антошкин и мой стол. В другой—В. Быстрянский и Н. Кузьмин. А ночью—верстка в дыму линотипов, в горячке событий.

Рядом верстался «Петроградский Листок». Сквозь шум линотипов перекрикиваемся и спорим. И гоним, кто скорей...

ГЕОРГИЙ ШИДЛОВСКИЙ.

[1]) Не смешивать с Ив. Ив. Воиновым, провокатором (список 1917 г.), работавшим в 1914 г. в экспедиции «Трудовой Правды».

„Правда" — организатор союза нарпит.

Еще в 1911 г. я писал в большевистскую «Звезду» заметки и статьи, под псевдонимом В. Косицын, из жизни рабочих, занятых в ресторанах, кафэ, пивных, столовых и проч. Этот материал «Звезда» очень охотно печатала. Писать было о чем. Рабочие предприятий ресторанно-трактирного промысла работали по 16—18 часов в сутки. Официанты жалованья не получали,—жили исключительно на чаевые деньги, львиную долю которых удерживали в свою пользу предприниматели. Официант, как и любой другой работник этих предприятий, в любую минуту, по самому пустому капризу посетителей или хозяев, мог быть выброшен на улицу. Рабочие, особенно официанты, были на положении рабов, подвергались самой бессовестной эксплоатации и, на ряду с этим, всяческим оскорблениям и надругательствам.

Буржуазные газеты отказывались печатать что-либо о положении и условиях труда рабочих трактирных предприятий. Исключение составляли только черносотенные газеты, которые время от времени помещали «слезницы» официантов на их невыносимо-тяжелое положение. Это было чистейшей демагогией: они ничем не помогали, но надеялись таким путем навербовать из наиболее отсталого отряда трудящихся сторонников и защитников «веры, царя и отечества».

Почему же, однако, буржуазные газеты не помещали материал об официантах и других работниках ресторанов? По очень простой причине: тогдашняя газетная братия была завсегдатаями этих заведений и пользовалась кое-какими «благами» владельцев ресторанов. Газетчикам не хотелось ссориться со своими приятелями. Кроме того—и это самое главное — буржуазные газеты получали от предпринимателей дорогие об'явления. Как-то я послал в газету «Итоги Недели» заметку о жизни официантов ресторана «Сад Аквариум» в Москве. Я заходил несколько раз справляться о судьбе этой заметки. Через пару недель в газете появилось огромное об'явление «Сада Аквариум»,—моя же заметка так и не была помещена.

Нарпитовцы очень редко читали «Звезду» до печатания в ней заметок об их положении. Они были настолько задавлены, угнетены условиями своей работы, что не имели возможности следить за печатью. Пришлось взять на себя инициативу—распространять среди них «Звезду». Заметки о их быте, которые они читали в «Звезде», производили на них колоссальнейшее впечатление, имели огромное воспитательное значение.

Через «Звезду» я связался и с другими нарпитовцами, печатавшими в газете свои заметки. Здесь впервые я познакомился с В. М. Ануфриевым (поваром), который писал под псевдонимом «Старый повар», и с т. Шашкиным (официантом), писавшим под псевдонимом «Кирилыч». Мы сошлись, стали вырабатывать план организации союза нарпитовцев, через «Звезду» начали вести агитацию в этом направлении. Но только с выходом «Правды» нам удалось шире поставить вопрос об организации союза. Я связался с т.т. М. Сусловым, А. С. Шитаревским, писавшим под псевдонимом «Сергеич». Через «Правду» мы продолжали агитировать за создание профсоюза. Редакция шла нам навстречу. Для рабочих, занятых в трактирном промысле, «Правда» явилась не только воспитателем и агитатором, но также и организатором в полном смысле этого слова. Благодаря «Правде» нам в конце концов удалось организовать наше профессиональное об'единение.

«Правда» все более и более привлекала нарпитовские массы. В редакцию стало поступать довольно значительное число заметок, заметки передавались нам для выяснения,—насколько они соответствуют действительности и т. д. Мне лично приходилось принимать участие в этом своего рода «бюро расследований». Нашими литературными учителями были К. С. Еремеев и Н. Н. Смирнов, которые выправляли наши заметки.

Помимо чисто литературной работы в «Правде», я принимал участие в распространении ее среди нарпитовцев. Обычно я заходил в ночную редакцию «Правды» после работы, часов в 5—6 утра, и захватывал пачку газет для распространения. Когда мне приходилось ехать в другие города, я не только посылал оттуда корреспонденции, но также принимал все меры к распространению газеты.

В Ростове-на-Дону, например, нарпитовцы мало знали о «Правде». Заехав туда по дороге на Кавказ, я собрал материал для корреспонденции и через одного официанта организовал распространение «Правды» в количестве, приблизительно, 500 экземпляров. То же самое мне удалось проделать и в Армавире.

На ряду с этим я принимал участие в сборах в «железный фонд» «Правды». Нам удавалось собирать довольно крупные суммы среди нарпитовцев. Нарпитовская масса очень охотно откликалась на призыв жертвовать в пользу «Правды», так как она одна служила прояснению их классового сознания, одна из всех газет печатала материал из их жизни.

«Правда» была воспитательницей и организатором профессионального и революционного движения среди нарпитовцев. Она сплотила вокруг себя передовых и активных рабочих из этого отряда, наиболее задавленного непосильным гнетом, сорганизовала их для борьбы за освобождение.

В. ПОПОВ (В. КОСИЦЫН).

Как работала экспедиция „Правды".

Летом 1913 года, отбыв административную высылку, я приехал в Петербург и поступил в качестве чернорабочего в ночную экспедицию «Правды». Условия существования нашей газеты тогда были в высшей степени тяжелые. Из каждых пяти номеров «Правды» четыре обязательно подвергались штрафу или аресту.

Ночной экспедиции почти каждый день приходилось иметь дело с полицией. Работаешь и ожидаешь, что вот-вот явится околоточный. Торопишься скорее отпустить газету газетчикам, в артели, на ранние поезда.

Как только покажется околоточный в воротах типографии, моментально останавливается машина, а отпечатанные номера прячутся в машинном отделении, в экспедиции газеты «День», которая никогда обыскам не подвергалась, и даже в своей экспедиции, под макулатурой. Иногда стопки свежей «Правды» просто оставались в экспедиции, прикрытые лишь сверху номерами старых газет. Придет околоточный, а у нас чисто, только на верстаке несколько номеров, специально оставленных ему для конфискации,—надо же человеку доставить в участок вещественные доказательства. Когда на верстаке номеров для ареста не лежало, то околоточный обычно просил пустить машину и напечатать хотя бы пять экземпляров специально для ареста, что мы и делали. Надо сказать, что некоторые околоточные особенного рвения не проявляли и удовлетворялись «добычей» в пяток экземпляров.

Были, однако, и рьяные служаки, старавшиеся во что бы то ни стало разыскать схороненные запасы или как-нибудь иначе нанести нам ущерб, но из всех таких попыток ровно ничего не выходило.

Один околоточный вздумал над нами поиздеваться. Придет в экспедицию, сидит час—полтора и ничего не говорит, какая из газет арестована—наша, меньшевистская или эсеровская (все эти газеты печатались в одной типографии, на Ивановской, 14). Стоит машина, стоят рабочие.

Я в то время был уже экспедитором. Раз—два поглядел,—не понравились мне такие полицейские шутки. Ну, думаю, отважу я тебя от них. И действительно, отвадил. Сделал я это очень просто. Припас специально полсотни экземпляров, и, как только околоточный пришел и уселся на табурет, я вынул пачку газет и сказал рабочему тов. Шилову:

— Ну-ка, Вася, неси газету на Загородный.

Шилов пошел. Околоточный его не задержал. Значит, наша газета не арестована, в противном случае околоточный не имел права выпустить ни одного экземпляра из типографии.

— Виноградов!—обратился я тогда к старшему рабочему,—пойди скажи, чтобы пускали машину.

Околоточный понял мой маневр, промолчал, через 5 минут ушел и с тех пор прекратил свои шутки.

Всякий раз после ухода полиции у нас в экспедиции снова кипела работа.

Собирали газеты из-под машин, с «Дня», из-под макулатуры. Город газетой обеспечен, но нужно послать и в провинцию. Часть газеты зашивается в посылки и потом сдается по различным почтовым отделениям по 4—5 посылок в отделение. Другая часть газеты запаковывается в ящики и под видом посуды или другого товара сдается на поезда.

В такие дни наша работа длилась 12 и более часов.

Рабочие экспедиции, за исключением меня, ребята все беспартийные, не покладая рук, работали для «Правды» без всяких сверхурочных. Дружно и весело шла наша, по существу уже нелегальная, работа. Особенно нужно отметить двух братьев Виноградовых и Васю Шилова.

Чем выше поднимались волны рабочего движения, тем сильнее делался правительственный нажим на «Правду». Весьма тяжелое время пришлось переживать зимой 1913—14 гг., когда репрессии достигли такой силы, что газета не только с большим трудом проникала в провинцию, но и в Петербурге распространять ее было очень трудно. Только большевистская изворотливость, уменье приспособляться ко всяким условиям и желание рабочих иметь у себя во что бы то ни стало «Правду» спасали нас. Много помогали газетчики рабочих районов, которым приходилось приспособляться к требованиям рабочих, грозивших бойкотом, если не будут продавать «Правды».

Были и другие способы доставки газеты рабочим. Некоторые мастерские посылали от себя представителей в экспедицию за газетой. Кроме того, у нас при экспедиции была организована группа товарищей, которая доставляла ранним утром «Правду» на квартиры рабочих—уполномоченных от мастерских и цехов. Мне лично приходилось принимать участие в последнем способе доставки «Правды» в Выборгский район. Вечером я работал в экспедиции по подготовке адресов на иногороднюю почту, а с 4 часов принимался за работу по разноске.

Так мы справлялись со всеми трудностями.

А. БАШУРОВ.

Песенка.

Глухой подвал охранны
Темней, чем каземат,
Гектографами тайно
Печатаем каскад
Листовок неслучайных,—
В дверь стучат.
Хватает нас полиция,
Выводит вон,
Мы стали небылицею,—
Суров царя закон:
Тюрьма угрюмолицая,
Кандальный звон.
Набатом среди ночи
В рабочий май
Кандальный звон грохочет:
Вставай, вставай!
Крестьянину—рабочий:
Слу-у-ша-ай!
В мешках немых расправа,
В мешках—молчанья быт;
А вспыхнувшая «Правда»
Огнем палит:
«И сколько у нас прав-то,—
Один стыд».
Вот прокламаций снегом
Россию замело,
И в горностае пегом
С *престола долой*
Царь падает с разбега
Со скипетром-колом.
За ним не гордой осанью,
А стаей воронья
В глухую ночь без просини
И звонкого вытья—
Ушли глухою осенью
Буржуи, в грудь бия.
Рукой эпоха пишет
И бьет не наугад.
Страницы «Правды» пышут
Огнями баррикад.
Мир угнетенных вышит
Строками «Правды», брат.

ИВАН ФИЛИПЧЕНКО.

„Правда" у трамвайщиков.

До «Правды» я писал еще в «Звезду», в одном из первых номеров которой была напечатана моя корреспонденция о порядках в московском трамвайном парке, где я работал кондуктором. Эта заметка произвела среди рабочих-трамвайщиков большое впечатление. Вести подпольную работу в трамвайном парке было очень тяжело, так как трамвайщики по роду своей работы распылены.

Квитанция, выданная редакцией «Северной Правды», кондукторам и вагоновожатым петербургского трамвайного парка. Деньги были внесены в «Железный фонд» «Правды».

Большинство рабочих боялись даже в руки взять «Звезду». Раздали мы тогда несколько номеров газеты наиболее выдержанным членам небольшого кружка, который к тому времени уже сформировался у нас в парке. С этими номерами они приходили на сборный пункт кондукторов и вожатых, ожидавших отправки. Каждая смена кондукторов и вожатых собиралась в трамваях, которые их развозили для работы по городу. До отправки трамвая проходило довольно много времени, в течение которого ребята резались в карты. Наш кружок поставил себе задачу—отвлечь их от этого и втянуть в революционную работу. Задача была нелегкая. Вначале приходилось скрывать название газеты и заголовки и, словно невзначай, про себя читать корреспонденции о нашем парке. Таким приемом удалось постепенно заинтересовать и приучить трамвайщиков к чтению «Звезды». Вскоре они с интересом слушали не только чтение заметок о своем житье-бытье, но и статьи и даже передовые.

Вызвав сочувствие наших рабочих к «Звезде», мы с большим успехом начали проводить денежные сборы для ее поддержки. Таким образом, ко времени выхода «Правды» почва для нее была уже достаточно подготовлена.

В дни получек я расставлял у дверей своих ребят, которые тут же собирали с кого по гривеннику, с кого по пятнадцати и двадцати копеек.

Любопытно, что жертвовали даже рабочие с «правым» уклоном, не сочувствовавшие партии, но «Правду» считавшие своей, рабочей газетой. Можно сказать без преувеличения, что около 50—60 проц. рабочих трампарка (а их у нас насчитывалось до 1.000 человек) сочувствовало «Правде». При сборе пожертвований в «железный фонд» «Правды» (кажется, это был 4-й или 5-й сбор) мне удалось собрать у нас в парке 96—98 рублей. Помню, какой фурор я произвел в редакции, когда принес эти деньги. Сообщение в «Правде» о сборе среди трамвайщиков московского парка вызвало такие же отклики и в других парках Ленинграда.

«Правду» в парк приносил обычно я или кто-либо из нашего кружка. Кроме того, нам систематически носил «Правду» один газетчик, торговавший за Московской заставой. Насколько «Правда» завоевала симпатии среди наших рабочих, видно из того, что когда у газетчика полиции удавалось отобрать часть номеров, то за остальные рабочие охотно платили в 3 и 4 раза дороже, чтобы покрыть его убытки.

«Лучисты» в нашем парке успеха не имели, так же как и их попытки производить денежные сборы.

Трудно себе представить подпольную работу того времени без «Правды». «Правда» была осью и центром всей нашей работы. Горячие диспуты между «правдистами» и «лучистами» устраивались в обществе «Самообразование», помещавшемся тогда за Московскими воротами, кажется, в доме № 118. Первое время во главе общества стояли меньшевики. Председателем его был меньшевик, Володя Абросимов, пользовавшийся огромным влиянием среди рабочих нашего района. Он оказался впоследствии провокатором. Он обычно был застрельщиком этих диспутов со стороны меньшевиков. С нашей стороны выступали «правдисты». Как сейчас помню один из таких диспутов, на котором выступал тов. Л. С. Сосновский, писавший тогда в «Правде» под псевдонимом «Алексеев». С укреплением «Правды» меньшевики стали терять свое влияние среди рабочих. При перевыборах правления общества «Самообразование» большинство получили большевики, и председателем был уже избран я.

С редакцией «Правды» у нас была непрерывная живая связь. За всеми приходившими в «Правду» была установлена тщательная слежка. На улице перед редакцией постоянно болтались шпики.

Однажды в летний вечер, когда под нашими окнами кишело особенно много шпиков, мы решили над ними подшутить. Помнится, в этой шутке участвовали Еремеев, Шидловский, Гертик, я и еще несколько товарищей. Взяв большой лист бумаги и свернув его в трубку, мы его зажгли и, быстро высунув из окна, осветили улицу. В тот же миг от окна с испугом отскочило несколько шпиков, подслушивавших редакционные разговоры. Этот инцидент произошел еще тогда, когда «Правда» издавалась на Ямской улице (или Коломенской), и редакция находилась в первом этаже, не считая полуподвального помещения.

Начав свою работу в «Правде» с небольших заметок о нравах в трампарке, я постепенно перешел к большим корреспонденциям и очеркам из быта рабочих-трамвайщиков. Одновременно росло число рабочих корреспондентов в нашем парке. В 1914 году у нас образовался своего рода газетный кружок, нечто в роде редколлегии. Мне, как руководителю кружка, мои товарищи давали на просмотр свои заметки для правки перед тем, как отнести их в «Правду». В последний год среди наших трамвайщиков расходилось уже около 70 экземпляров «Правды».

В. АЛЕКСИН.

Памяти ушедших.

„Суровая Наташа".

В 1921 году, 2 июля, на Волге, на агит-пароходе «Красная Звезда», в 25 верстах от Астрахани, умерла от холеры Конкордия Николаевна Самойлова-Громова.

«Конкордию Николаевну» знали после Февральской революции. Знали как борца за раскрепощение женщины, партработника, журналиста, агитатора.

До революции знали «Наташу», «Суровую Наташу», тоже как стойкого борца, партработника, журналиста, агитатора.

В маленькой секретарской комнате на Ямской, в Питере, в доме, где когда-то жил Достоевский и где в дореволюционные годы помещалась редакция «Правды», —работала «Суровая Наташа»—К. Н. Самойлова.

В те дни эта комната напоминала какой-то кипящий котел. Сюда шли корреспонденты-рабочие, иногда не умеющие написать заметку. Они ее диктовали Наташе. Сюда шли сборщики с заводов, сдававшие собранные на поддержку «Правды» рабочие пятаки. Сюда шли жаловаться на мастера, на хозяина, на нужду, на семейные нелады. Приходили штрейкбрехеры—то обозленные помещенными в «Правде» заметками, то раскаявшиеся. Приходили всевозможные «опровергатели». Приходили наконец, чтобы связаться с партией, так как редакция в большой степени была и явочным пунктом.

«Наташа» записывала, принимала, об'ясняла...

Позже при ее участии был создан журнал «Работница».

Затем работа в подполье. Революция. И после революции—новая, еще более кипучая работа.

Шесть лет назад смерть оборвала жизнь этого прекраснейшего, преданнейшего делу рабочего класса товарища.

О нашем „дедушке".

Я вспоминаю Николая Николаевича Лебедева, или «дедушку», или «петит», как его звали за то, что все его корреспонденции из рабочей и провинциальной жизни печатались в газете петитом.

Неизменно спокойный, всегда над кем-нибудь подшучивавший, он с папироской в зубах носился от единственного редакционного и конторского телефона, находившегося в коридоре, к своему столу, где он, окруженный толпой посетителей, углублялся в тщательную, прямо-таки ювелирную отделку каждой строки и каждой буквы рабочей корреспонденции. Окончив работу в редакции, он обычно переходил в типографию, где неизменно оставался до конца выпуска газеты и часто даже ночевал на редакционном столе.

В первые месяцы организации «Правды» тов. Лебедев был также ночным экспедитором, выносил на своей спине всю тяжесть борьбы с полицией за спасение конфисковывавшихся номеров газеты.

Помимо работы в «Правде», «дедушка» принимал активнейшее участие в партийной работе среди студенчества. Он был одним из организаторов на ряду с тов. Молотовым, Раскольниковым и др. товарищами большевистской фракции студентов петербургского политехникума в 1911 г. В его сырой, полутемной комнате на Муринском проспекте Лесного (пригорода Питера) состоялось первое организационное собрание фракции. Немалую работу провел он и во время перевыборов в 1912 г. депутатов в тогдашнюю государственную думу, куда большевики проводили своего кандидата. Он сам и его маленькая комнатка под лестницей (он в то время жил на Выборгской стороне) были тогда центром перевыборной «техники»—связи с рабочими, организации доставки большевистского кандидатского списка избирателям и т. д.

Мы все помним Николая Николаевича как товарища, всего себя, без остатков отдавшего революционной партийной работе.

Его длинные волосы и красная фланелевая рубаха под курткой, в которой он всегда ходил, являлись предвестником обязательно какого-либо выступления там, где он появлялся, и пугалом для полиции. Он был неизменным арестантом, всегда заблаговременно забиравшимся полицией в тюрьму в связи с каким бы то ни было ожидавшимся революционным выступлением рабочих или студенчества,—будь то 1-е мая или празднование трехсотлетнего юбилея дома Романовых.

Частые аресты были для него настолько обычным явлением, что в углу его комнаты всегда лежал небольшой мешочек с необходимыми принадлежностями тюремного быта: кружкой, чайником, парой белья и т. п. Смотря на этот мешочек, он часто говорил с улыбкой: «всегда готов»... в тюрьму, пока его в 1914 г. не засадили «всерьез и надолго».

После Октябрьского переворота он продолжал с той же энергией и увлечением революционную большевистскую работу. Но недолго. В 1919 г. погиб в Харькове от сыпного тифа.

Н. СМИРНОВ.

М. А. Сейфер.

(«Старый приказчик»).

В последнее время перед войной тов. Сейфер работал приказчиком в одном из магазинов фирмы Мандль, на Невском. Петербургские приказчики хорошо помнят его энергичную деятельность по об'единению и защите интересов пролетариев прилавка.

Одним из крупнейших результатов его работы было создание общего для всех приказчиков профессионального органа «Вестник Приказчика», который имел читателей не только среди приказчиков, но и в широкой пролетарской среде.

Крупной заслугой «Старого приказчика» было то, что «Вестник Приказчика» сразу стал на верную, принципиальную позицию и никогда не сбивался в сторону оппортунизма.

«Старый приказчик» известен был и широкому кругу читателей рабочих газет марксистского направления.

Сотрудник «Звезды», «Невской Звезды» в 1910—12 гг. и деятельный сотрудник «Правды» в 1912—14 гг.

Свой богатый опыт в области движения пролетариев прилавка он суммировал в статьях, помещавшихся и в журнале «Просвещение», подготовляя более обширную работу. Он хотел написать книгу—«Положение пролетариев прилавка и история движения приказчиков», но смерть скосила этого активного, талантливого пролетария (10 апреля 1915 г.). Многих не досчитываемся мы после войны в своих рядах. Но гибель «Старого приказчика» есть одна из тех утрат, которые трудно заменимы.

исповеди?—пытался я пошутить, хотя на душе сделалось как-то кисло.

Он весело засмеялся.

— Что вы!.. что вы!.. Мы ни духовных, ни... полицейских справок не наводим. Это нас не интересует... Но справки внутренние, для доклада: издавали ли вы раньше и что, нет ли уже такого издания за кем-нибудь... Ведь вы хотите назвать вашу газету «Искра»,—так вот нет ли уже такого названия.

— Насколько я знаю,—нет.

— Это трудно знать. Издание может не выходить, но если оно выпустило три номера, то право за ним сохраняется. И таких изданий сотни... И я вам посоветую,—дайте на всякий случай моему столоначальнику еще одно название: если это занято, мы вам проставим другое—и дело в шляпе.

Он любезно попрощался и даже проводил до дверей, приговаривая:

— Заходите. Заходите... Постараемся ускорить.

Вахтер счел нужным поздравить меня «с началом дела» и обещал мне и впредь «служить»: «если что понадобится — с нашим удовольствием». Конечно, я заплатил ему за марки (не помню, сколько они стоили, что-то несколько рублей) и, кроме того, оставил ему лишний двугривенный, на что он возразил:

— Напрасно изволите беспокоиться. Мы и так... Бывает, знаете, кому занадобится, а взять негде—я и услужу.

И он показал мне большую папку, в которой лежали листы гербовой бумаги, разные марки, почтовые конверты и марки, открытки и т. п. Мой двугривенный лежал на столе, как бы для того, чтобы я мог его и обратно взять, если не понимаю вежливого обхождения, но я не взял, а, благодаря его за услугу, протянул ему руку и сказал:

— До свидания.

Это, очевидно, было для него чем-то таким непривычным, что он как бы не понял и сразу даже не поднял руки. Потом, с осторожностью пожав мне руку и забежав вперед, открыл дверь в швейцарскую, а затем проводил до швейцара. Швейцар, получив гривенник, по-военному брякнул, распахивая дверь:

— Покорнейше благодарим!

Выходя, я еще успел услышать:

— Хороший барин. Они еще к нам будут...

Это было в роде пророчества.

Я не выждал двух недель и зашел на десятый день. С таким же успехом я мог притти, впрочем, и на следующий день. На моем прошении уже была справка, что издание с таким названием значится в списках. Относительно запасных названий, которые я оставил столоначальнику, у меня вышел разговор.

Нужно сказать, что вахтер встретил меня радостно как хорошего знакомого, который долго не бывал. Столоначальник же обошелся уже суховато.

— На это название не можем дать разрешения. Вам выдать официальную справку?

— Но ведь вы были любезны и взяли у меня запасные названия... И Петр Петрович обещал...

— Петр Петрович обещать все могут, а работать-то приходится мне. Сколько перерыть надо,—ответил он явно недовольным тоном. Вам придется подать новое прошение. А на это, если хотите, я заготовлю справку, зайдите дня через два.

«Вот-те клюква»,—подумал я.—«Или дать ему «за труды» надо? Да как дать такому благообразному и почтенному в мундире человеку. Чорт знает что такое!»

С другой стороны—я мог подавать десятки прошений, оплачивать их гербовыми марками и каждый раз иметь подобный же результат. Была бы долгая волынка. А нужно сказать, что меня да и моих товарищей уже разжигало внутри желание поскорее увидеть нашу, настоящую газету. Дело партийное, да еще какое дело-то!

«Нет, я вас, чорт побери, одолею! Добьюсь!»—думал я с какой-то злобой, хотя не имел никакого понятия, как «их» одолеть.

— Видите ли,—сказал я,—ведь ноябрь идет. Подписка запоздает, об'явления надо собрать—ведь убытки. Надо обязательно выйти в свет теперь, чтобы до нового года публика нас заметила. Вот оно дело-то какое... Я прошу, нельзя ли ускорить справочки. Я со своей стороны... если какие расходы...

— Да нет, какие там расходы! Просто пустяки,—сказал он уже мягче.—Дела столько, что дохнуть некогда... Я вот вашу записочку тогда в стол положил и забыл за делами. Вот сейчас,—он говорил, открыв ящик стола и делая вид, будто ищет, хотя я сразу заметил, что моя записка синим карандашом лежала в уголке.—А, да вот она!.. Вот мы сейчас и поищем, пока моего-то начальника нет.

Он вышел и принес печатный список периодических изданий за первую половину года. Помнится, мы быстро нашли издания с моими названиями, кроме, кажется, одного. Я обрадовался-было, но чиновник заметил:

— Конечно, может быть, и нет... Но, может быть, во второй половине года и найдется—сейчас в типографии часть набирается. Да еще из архивного отделения справочка нужна. Ведь иные-то выпустят несколько номеров, соберут подписку и об'явления, а там и забастуют... А в будущем году—опять. А право так у них и остается.

— Так как же мне быть, научите!—взмолился я.

— А так бы я вам посоветовал: опять напишите прошение и принесите... или хоть бы теперь у вахтера можете написать. Дадите мне и еще записочку с названиями. Что-нибудь же да сыщется!

Пошел я к вахтеру, взял у него бумаги, написал прошение, марки наклеил, снес столоначальнику.

— Ну, вот и отлично. Сейчас мы его в регистратуру—и в ход пустим,—сказал он, не глядя на меня и перебирая свои бумаги.

Я зашел через два дня, потом через день, потом стал ходить каждый день.

Швейцар и вахтер неизменно были вежливы и любезны и сразу сообщали:

— Петра Петровича нет. Петр Петрович на докладе. Все начальники у генерала Бутовского, совещание у них.

И тому подобное. И всегда неизменно вахтер предлагал посидеть в приемной, покурить, если я «этим занимаюсь». В приемной всегда были посетители, которые терпеливо чего-то ждали, а из прежних я раза два видел даму с ридикюлем, как оказалось, вдову какого-то издателя. Я тоже садился в угол, набивал трубку «гольд лайфом» и закуривал. Ароматный английский табак (дома-то я курил махру, а тут надо было фасон держать) вызывал у некоторых вопросы, и затевался разговор. Так я узнал кое-что занятное и для меня новое.

Петра Петровича я не видел больше ни разу. Мой столоначальник был весьма занят, коротко отвечал, что справок еще нет. Дело шло измором, и я чувствовал, что надо как-то этот узел разрубить.

Однажды через приемную пробегал Петр Петрович, но уже не в светлом костюме, а в новеньком мундире, такой чопорный и официальный. Однако, увидя меня, он остановился, здороваясь:

— Ну, как ваши дела?

Он спросил с таким искренним видом, что я недоумевал—действительно он забыл или притворяется.

— Да вот все что-то не выходит. Хочу с генералом Бутовским посоветоваться,—ответил я, помянув про генерала просто так, на всякий случай.

— Да?—вопросительно удивился он.—Да, ну что-ж, поговорите с генералом... Только сегодня у него приема не будет—совещание кончилось, и он уехал... Да что-ж, зайдите ко мне—я кстати справлюсь, в чем дело.

Он провел меня в свой кабинет с другой стороны, не через своего столоначальника, усадил в кресло и, расхаживая, стал разглагольствовать:

— Доложу вам: службочка!.. Великий этих—куда ветер подует: сегодня так, а завтра эдак. Я, изволите видеть, обзоры литературные составляю: вот видите корректуры... Так вы взгляните, вот чернилом моя правка, а вот зеленым карандашом—одно начальство, видите? вот красным—другое, синим—третье. И все правят! Одному кажется недостаточно общо, другому—слишком детально, третьему—слишком либерально... Вот и вывертывайся!.. А с другой стороны, подспорье к жалованью, полистно получаю.

Корректуры были действительно зверски исчерчены, главным образом, замечаниями и сентенциями, и приводить их в удобный для типографии вид, несомненно, было «каторгой». «Н-да,—подумал я,—еще Гоголь писал: трудно служить по ученой части!»

— Вот изволите видеть: требую чистые оттиски и на них переношу стилистически всю эту абракадабру. Потом сам своей статьи не узнаешь.

— Однако... работка-то у вас...

— Да! Это не то, что вы, чистые литераторы. Никто не стесняет ваш полет. Наоборот, чем полет мысли выше, тем больше вас ценят. Вообще я высоко ставлю литературу. Когда я еще служил в Варшаве, я посылал статьи в «Новое Время».

И он заговорил «о литературе». Похвалил «Маленькие письма» Суворина, восхитился стилем Буренина и, наоборот, не одобрил Меньшикова, пожалел Амфитеатрова, «из которого мог бы выйти первоклассный фельетонист», подивился легкомыслию фельетонов Дорошевича, «в котором я не вижу истинного таланта». Наконец, сказал, что его мечта—уйти с государственной службы в журналистику, на постоянное место, ибо «вот эта шкура»—он потряс себя за пуговку—«засушивает».

Видя, что я вытряхиваю пепел из трубки в пепельницу, он воскликнул:

— Курите! Пожалуйста, курите!.. У вас табак заграничный?

— Изволили побывать за границей?.. Я тоже был после университета в Берлине. Там жизнь—вот это жизнь!

Но не успели мы углубиться в заграничную жизнь, как вошел столоначальник, который, увидя меня, был, видимо, поражен, как это я умудрился попасть сюда помимо его. Следом за ним впорхнула изящная, молодая дама с длинным меховым боа, которая быстро заговорила, нешая русские слова с французскими.

— Мон шер, Петр Петрович!.. я к вам на минутку, по делу...

Он галантно поцеловал ей руку.

— Сию минуту—к вашим услугам.

И обращаясь ко мне:

— Итак, заходите, буду очень рад... Да кстати, Иван Максимович, вы, пожалуйста, займитесь с ними,—справочки там...

Мы вышли.

— Так как же насчет справочек?—спросил я.

— Им легко приказывать,—ворчливо ответил столоначальник.—А каково выполнить! Сами извольте рассудить. Справки нужны, по крайней мере, за три года... да по подлинникам, а то в печатных списках пропуски... Да дополнения есть... Книги-то какая где: у генерала в кабинете, в отделениях, в архиве... Вот ваше-то название я смотрел: есть такое издание. Опять новое надо, и опять искать...

— Да все-таки, Иван Максимович, надо же как-нибудь... Если там что... я с удовольствием...

— И извольте заметить: ошибиться нельзя! Выдадим вторично по ошибке, а какой-нибудь издатель гражданский иск вчинит. А меня со службы выгонят, с семьей по-миру пойдешь!

— Но как бы все-таки ускорить?

— Да вот извольте поглядеть: ваше прошение у меня в столе лежит, чистенькое, и в регистратуру не давал. А то марки погасят, и опять вам расход... Вот я и подождал. А теперь я уж и не знаю. Петр Петрович приказывают, а я и не знаю, как быть...

— Лишь бы ускорить, Иван Максимович. А я уж... если там расходы по архивным справкам...

— Расходы—пустяк... я не об этом. Но вот времячко надо выбрать, чтобы книги-то были свободны. Ведь я не могу же письмоводителям такое дело доверять... За ними присмотреть надо.

Он призадумался.

— Разве вот что я бы вам посоветовал... Марочки-то чистые. Вам их вахтер аккуратненько отклеит. А вы уж перепишите еще раз прошение, сделайте милость, —да названия то не вписывайте, а местечко оставьте, побольше, чтоб в случае чего можно было и два слова написать... А потом придете, и будем мы вместе с вами книги смотреть,—чтоб вы не сомневались.

Опять я у вахтера переписываю прошение, а он колдует над приклеенными марками, чтобы их снять невредимо. А вместе с тем и разговариваем.

— Должно быть, выгодное это дело—издавать,—говорит вахтер.—Многие нынче к этому добиваются... И то сказать,—вон господин Суворин миллионы имеет!

— Да вот трудно с разрешением-то.

— А это, я вам доложу, оттого трудно, что слов уже нет. На все слова уже издают, вот слов-то и нехватает. А разрешение, это—дело второе.

— По-моему,—главное.

— Да оно главное, а только суть-то в словах. Вот и у вас слова нехватает в заголовок поставить, из-за того и затяжка... А найдете вы слово,—и пожалуйте, получайте свидетельство... Конечно, есть слова, да запрещены. Это вот в 1905 году—каких только слов не было! Тогда без правил печатали. А теперь без правил нельзя. Да и слова не все можно: иное и разрешили бы, да от высшего начальства неудовольствие может выйти... Ну, наши то, конечно, и опасаются. Тоже ведь у многого семья—дети мал-мала меньше. Вот хоть бы взять у Ивана Максимовича..

— Большая семья?

— У Ивана Максимовича-то?.. У него, доложу вам, семерочко! Как грибки—один другого мельче. Да жена из благородных, да свояченица. Теща—своим чередом. Очень они перебиваются... Изготовили?—спросил он, видя, что я подписываюсь под прошением.—Вот и хорошо-с! Вот я марочки-то гуммиарабиком—да и на место. Вот так-с! Подавайте с богом... Только я бы вам так сказал—как вижу всю вашу доброту,—если бы вы Ивану Максимовичу что-нибудь, по силе возможности... они бы большое старание приложили...

— Я бы рад, да думал,—неловко както. Да и не знаю, сколько...

— Ну, конечно, я вижу, что вы малоопытны. Да ведь тут и невесть что: просто за старание, по силе возможности. хоть синенькую... А ежели красную бумажку... ну, это уж очень жирно для них будет,—прервал он сам себя. Это иногда, если Петр Петрович взаймы спросит... бывает, проиграются в клубе... ну, Иван Максимович и выручают. А где-ж им взять!

Я раскурил трубку и направился к столоначальнику с твердым намерением покончить с волокитой хотя бы посредством красненькой. Отдав прошение, я покрепче затянулся дымом и, вынув бумажник, просто спросил («А, чорт! на войне, как на войне!»):

— Будьте любезны,—сколько может понадобиться на расходы?

Иван Максимович как бы прикидывал в уме.

— Ну, три... много—пять рубликов... Что если останется, я вам возвращу, будьте спокойны.

Чтобы отрезать всякое отступление, я вынул новенькую десятирублевую и положил на стол.

— Так я уж на вас надеюсь, Иван Максимович!

— Будьте благонадежны. Когда изволите зайти?

— Завтра, пораньше.

— И я хотел вас просить—часикам к десяти. На свободе, знаете, лучше. А я уж закажу, чтобы книги были собраны.

Конечно, на другой день я явился аккуратно к 10 часам утра, но Иван Максимович был уже там.

— Иван Максимович сегодня с половины девятого пришли, занимаются,—сказал мне вахтер.

Он действительно сидел за столом, обложенный толстенными фолиантами и разными печатными списками. Большие толстые книги были подлинные рукописные списки разрешенных изданий со всеми о них сведениями за целый ряд годов.

— Вот по вашему делу сколько материалов натащил! И вся ваша записочка не годится. Что ни название, то уже занято,—или выходит где в провинции или право сохраняет. Да вот полюбопытствуйте сами, удостоверьтесь.

Да, пришлось поверить. С недоверием взялся я за фолианты и видел воочию, что некоторые названия переходят из года в год, с самого 1905 года: многие из них вышли в числе только 2—3 номеров и с тех пор не выходят в свет. По содержанию они были чрезвычайно разнообразны,—политические, общественные, литературные, научные, технические, земледельческие, кустарно-промышленные, финансовые, профессиональные, религиозные,

Первые и последние дни старой „Правды".

Многим теперешним читателям нашей газеты «Правда» неизвестны те трудности, какие приходилось преодолевать для того, чтобы отвоевывать у самодержавного правительства право на существование рабочей газеты.

«Основной капитал» начинающей свое существование газеты «Правда» был в высшей степени невелик. Главными организаторами газеты были думские депутаты-большевики: Бадаев, Петровский, Шагов и Самойлов (Малиновского, оказавшегося провокатором, я не считаю). Еще человек пять технических работников: К. С. Еремеев, [illegible], Гертик, П. Батурин и др. Было 1—3 тысячи [illegible], собранных самими рабочими в «железный фонд» «Правды».

Вот с этими скромными средствами и начала свое существование наша «Правда».

Потянулись со всех рабочих окраин одиночки и группы рабочих к коллективной подписке на свою газету. Потекли пожертвования на «Правду». В субботние дни у нашей «Правды» тоже была своего рода получка. [illegible], прямо с работы, рабочие несли свои собранные по заводам и фабрикам копейки в «железный фонд» «Правды». Работникам редакции приходилось работать во-всю для того, чтобы принять скорее и отпустить образовавшуюся очередь рабочих, принесших деньги. А люди все шли и шли, иногда до поздней ночи. Дом № 2 по Ямской улице (помещение редакции) стал навестен рабочей окраине. Приходили, уходили, временами тесно было в маленьком помещении редакции. Масса корреспонденций о жизни заводов, дай справку, почему не поместили заметку в газете, а их были тысячи. Торопилась, суетилась незабвенная, всегда аккуратная в работе секретарь редакции Конкордия Самойлова. Работала во-всю «хроника»—Дядя Костя (Еремеев). Шидловский и Сосновский корпели и потели над плохо написанными корреспонденциями. Одним словом, «машина» работала во-всю. Посмотришь, какой гордостью веяло от рабочего, принесшего собранный на заводе десяток рублей в «железный фонд» «Правды», и радостно станет.

Перед окончательным закрытием газеты, накануне империалистической войны, когда редакция переехала на Ивановскую ул., д. № 14, был такой наплыв приносящих пожертвования, что, несмотря на все старания принимающих деньги, очередь тянулась по парадной лестнице с четвертого этажа, где помещалась редакция, до самой улицы.

Полиция подстерегала каждый выходящий номер газеты. «Правда» торопилась выйти до рассвета, чтобы успеть проскользнуть в рабочий район. Пока несет типографский старичок в цензуру газетку, охранные ребята-газетчики и добровольцы-распространители бегут со спрятанной под полой вожатым «Правдой» в свой район. Заглядывает ее в «Копейку», в «Новое Время», чтобы «выжать» полицейских, и таким путем «Правда» добиралась до рабочего района.

На выпуске газеты напечатаны—тысяч 30. Узнаешь, что конфискована (ухитрились узнать, лишь только печать отдал распоряжение «задержать»). Экспедиция [illegible], что под носом городового отправит последние газеты, куда надо. А затем уж ждут появления наряда полиции. Вот бегут,—впереди околоточный, городовой. «Где газета?» Дашь одни—два номера. Полицейский злится. Видно, как лоснится его рожа—опоздал!

Другие средствами душили самодержавие «Правду». Первое—конфискации, штрафы, аресты редакторов газеты. Второе, это—излюбленный способ царского правительства: разгромы редакции, аресты сотрудников при помощи провокаторов.

Помню, в 1914 году после одного обыска в редакции (я жил при редакции с семьей) меня вызвали в жандармское отделение, где мне жандармский полковник в «нежной форме» задавал вопросы: «Кто у вас бывает, что я делаю в «Правде», не могу ли я назвать руководителей газеты «Правда». А в дополнение он показал мне рукопись статьи под заголовком «На рассвете», подписанную Раскольниковым.

— Не знаете ли вы,—говорит он,—этого автора?

Я ответил, что не знаю, хотя хорошо знал тов. Раскольникова. На этом и оборвался быстро наш разговор. Я вылетел без оглядки из этого проклятого учреждения. Потом я догадался, что меня позвали для того, чтобы пощупать, не пройдет ли тут что-либо по части провокации.

Хорошо остался в памяти последний день жизни «Правды». Ввалилось в редакцию человек 20 фараонов—околоточные, пристава и т. п. сволочь. Заняли все ходы и выходы, приказали не двигаться с места.

А друзья газеты все идут и идут, не зная, что в редакции сидят злые коршуны. Всех приходящих тут же арестовывали, собирали пачками и отправляли в московскую часть. И никак нельзя было дать знать, что полиция в редакции, потому что фараоны зорко следили за каждым нашим движением.

Помню, как сейчас, по двору идут Попов, Анна Никифоровна, Левенсон и другие. Так бы и крикнул, если бы было можно. Жалко, что идут прямо в засаду. А они прутся доверчиво, не посмотрев на окна, а то хоть махнуть рукой было бы можно.

Вспоминая хорошее прошлое старой «Правды» в день ее пятнадцатой годовщины, хочется послать сердечный привет всем старым правдистам—писателям и читателям ее, которые остались живы.

А. ЛЕОНТЬЕВ.

Настоящие документы найдены в архивах департамента полиции и относятся к периоду разгрома «Трудовой Правды», в июльские дни 1914 г. Документ слева отмечает начало возбуждения дела об арестованных работниках «Трудовой Правды». Документ справа отмечен 26 августа, когда охранка, расправившись с работниками «Правды», «заключила под-стражу» 33 тов., прикосновенных к «Правде». Впоследствии многие из них были высланы, многие отбывали тюремное заключение по приговору суда.

Были, есть и будем с „Правдой".

1912 год. Душная спальня фабрики [illegible] (в Москве, на Благуше). Воскресное утро. Откричи-рабочие ушли в чайную «общество трезвости»—слушать душеспасительные речи проповедника Варжанского. Ни спальни осталось только молодежь.

Я был новичком на этой спальне, так как меня только-что перевели сюда из ткацкой спальни. Как новичок старался меньше говорить, а больше слушать, присматриваться к окружающим.

Дом на Ивановской ул., в Ленинграде, где одно время помещалась редакция «Правды».

Один из обитателей нашего верха невольно привлек мое внимание. Это—Ленька Терентьев. Я никак не мог думать, что человек, получающий 14 руб. в месяц, мог быть таким «образованным», так смело и умно рассуждать. Поражало в Терентьеве и то обстоятельство, что он мог играть на благородном инструменте—скрипке. Побаивался даже я его, но в то же время страшно хотелось с ним поговорить о тех вопросах, которые меня мучили и которые я один никак не мог разрешить. То обстоятельство, что старики ушли к Варжанскому, дало мне возможность сблизиться с этим диковинным человеком. Первый он подошел ко мне, и первый мой разговор с ним был о «Правде». Я давно читал газеты, знал все московские газеты по названиям и по их направлению (в своем понятии). Но «Правда», которую я до тех пор не знал, вызвала у меня большое удивление. До этих пор я не думал, что рабочие могут писать в газету о своем житье-бытье, что есть люди, которые издают рабочую газету и заботятся о рабочем. Я знал уже, что есть Государственная Дума и в ней есть социал-демократы, речи которых лишь в коротеньких выдержках помещали в «Русском Слове» и в «Раннем Утре». Я всегда их речи читал с благоговением, по несколько раз, стараясь вычитать в них то, что не напечатано. Я не знал, что есть газета, которая целиком помещает речи думских социал-демократов. Одно мне не нравилось в «Правде»,—это то, что ее передовицы были уж очень хитро написаны и почти всегда полемизировали с ликвидаторами. Но такое впечатление было только в начале знакомства с «Правдой». В это же время я находил в «Правде» слова, которые мне были непонятны и которые Терентьев всячески старался об'яснить мне. Помню,—слово «сентиментальность» я пережевывал всю дорогу с Благуши до Даниловки, где помещалось правление нашего профсоюза мануфактуристов, и все-таки на другой день я не мог его правильно об'яснить. От рабочей хроники я был в восторге.

Под влиянием «Правды» я и ряд моих товарищей вступили в профессиональный союз.

Помимо «Правды» я читал и «Луч». Полемика, которая велась между этими газетами, на первых порах была для меня и для ряда моих товарищей просто непонятной, мы смотрели на нее только с сожалением. Но развернувшаяся кампания по выборам в больничную кассу показала мне, что мое суждение о полемическом задоре «Правды» было неверно. Это была не простая полемика, а настоящая и нужная война; а раз война, так надо и рубить с плеча.

Членов союза на нашей фабрике было немного, но читающих «Правду» было порядочно. Главным образом, это была молодежь. Мы, обычно, собирались в чайной, но «правдистами», стараясь распространить «Правду» и на другие фабрики, но в виду плохого знакомства с рабочими других фабрик нам это плохо удавалось.

Замечательным распространителем «Правды» был т. Котов, секретарь правления нашего союза. Он ухитрялся продавать «Правду» даже в трамвае. Свой опыт по распространению газеты он старался передать и нам. Хороший способ распространения «Правды» через газетные киоски являлся «способ бойкота» (опять придуманный тов. Котовым). [illegible] в том, что, приходя к газетчику, спрашиваешь «Правду». Если «Правды» нет, то от имени рабочих крупной фабрики данного района заявляешь владельцу газетного киоска: «Не будешь держать «Правду», то мы, фабричные, не будем брать у тебя ни одной газеты». Добавляешь, что, мол, наши рабочие читают все газеты и берут исключительно в этом киоске. Владелец киоска, боясь потерять заработок, начинает держать «Правду», а иногда и прячет ее подальше. Особенно этот способ пригодился, когда в Москве стал выпускаться «Наш Путь»—брат «Правды».

Летом 1913 г. мне пришлось жить в деревне (с. Ельцово, Волоколамского уезда). Расставаться с «Правдой» мне было тяжело, и я с'агитировал свою сестру, которая являлась хозяйкой нашего сельского дома, подписаться на «Правду».

В умах передовой деревенской молодежи «Правда» сделала целый переворот. В деревне на платформе «Правды» стали образовываться «группы». Чайная деревни с появлением «Правды» стала превращаться в «дискуссионный политический клуб».

Интересно отметить,—газета выписывалась на почтовое отделение, которое находится от нашей деревни в 9 верстах, и обычно почту захватывали наши крестьяне, которые заезжали «по-дороге» в почтовое отделение. Мы никогда не могли получить газеты во-время.—«Правда» доходила до нас с запозданием на неделю, изрядно помятой, но целехонькой. Номер «Правды» обходил с десяток селений, читался и перечитывался десятками лиц.

Сообщение петербургского охранного отделения директору департамента полиции об обыске, произведенном в помещении редакции «Правды».

На почтовое отделение, которое обслуживало нашу волость, получался и ликвидаторский «Луч», но он всегда приходил к подписчику во-время, никто, кроме подписчика, им не интересовался. «Правда» и в деревне была массовой газетой,—«Луч» имел очень узкий круг читателей.

Многие из нас, рабочих и крестьян, воспитывавшиеся на «Правде» 1912—1913 гг., были, есть и будут дальнейшими ее последователями. Идеи и традиции «Правды» дороги для нас.

В 15-ю годовщину от всего сердца шлю горячий привет дорогой именинице!

КУЗЬМА МАСЛОВ.

Воспоминания бывшего метранпажа.

В 1911 году, когда в Петербурге вышла «Звезда», мне было предложено ее верстать. В дальнейшем я перешел на работу в «Правду», которую и верстал все время, вплоть до ее закрытия.

Помню неутомимого работника Константина Степановича Еремеева, которого у нас все звали «дядей Костей». В работе мне постоянно приходилось с ним встречаться и о многом говорить. Вспоминаю еще нашего первого редактора Шелгунова и Бонч-Бруевича, который в своей статье о газетных работниках дал образец рабочей корреспонденции.

Вспоминаю, как все стремились улучшить свою газету не только в литературном, но и в техническом отношении.

Тов. В. А. Приходько.

В «Правде» работало несколько студентов-политехников, из них помню Вячеслава Михайловича Молотова, Николая Ивановича Смирнова, Николая Николаевича Лебедева. Помню также Федора Федоровича Ильина, он же Раскольников, который много работал в «Правде». Вспоминаю, как первое время он возмущался, когда «дядя Костя» сильно сокращал его статьи.

Лев Семенович Сосновский помещал в «Правде» много бичующих статей. Часто уговаривал я его полечиться (он в то время болел малярией), но Л. С. всегда с улыбочкой говорил: «Вот подожди,—поработаем немного, а там и на курорт отправят». И впоследствии, после разгрома редакции и закрытия газеты, он получил «курорт».

Дружно и хорошо шла работа, несмотря на заминки с деньгами. В критические моменты выручали наши «хозяйственники», Артем Моисеевич и Дина Абрамовна Гертик всегда что-нибудь придумают,—либо устроят литературный вечер, либо еще как-нибудь добудут средства на издание газеты. Их умение выходить из затруднительных положений и улаживать денежные дела еще более укрепляло бодрое настроение работников. В особенно трудных случаях приходил на помощь официальный издатель—член государственной думы Алексей Егорович Бадаев.

Из рабочих поэтов помню Демьяна Бедного, который своими баснями и ядовитыми стихами бичевал прихвостней буржуазии и эксплоататоров. Нередко он читал нам, работникам редакции и типографии, басни, которые по цензурным условиям нельзя было печатать в газете. В них он еще беспощаднее разделывал всех и вся.

Нет в живых первой руководительницы и организаторши женского рабочего движения и первого секретаря «Правды»—Конкордии Николаевны Самойловой. Вечная память неутомимой труженице, которая своей энергией вливала бодрость во всех нас.

Хорошее воспоминание осталось и о Льве Борисовиче Каменеве, который всегда приходил мне на помощь, когда наборщики ворчали, набирая неразборчивую заграничную рукопись. Приходилось часто уговаривать наборщиков, чтобы не требовали лишней оплаты за такую рукопись, так как газета создалась из наших грошей, и раз мы жертвуем в «Железный фонд», то зачем же брать пожертвованное обратно. Но такие недоразумения были лишь в начале. Постепенно из наборщиков выработались сознательные ребята,—когда с переменой названия газеты нужно было изменить формат и все рубрики отделов, то это делалось без всякого уговаривания, по собственному почину. Что бы ни случилось среди ночи,—работа ни на минуту не останавливалась. Корректора также работали, не покладая рук, не считаясь с работой,—лишь бы только выпустить газету во что бы ни стало.

Первое время было трудно найти фиктивного редактора. Их можно было вербовать только из сознательных рабочих. Одним из таких редакторов был наборщик «Правды» Михаил Егоров. После 30 дней редакторства ему пришлось идти на отсидку.

Бывало, что редакторов не видали в типографии недели две, и мне приходилось подделывать их подпись на подлежащих к отправке в цензуру оттисках. Сначала шло гладко и хорошо, но в 1914 году меня стали таскать к следователю Александрову и пред'являть обвинения в подписании листов «к печати». Однажды даже вызвали в окружный суд и там опять допрашивали меня, но я категорически отвергнул все обвинения, и меня оставили в покое. Но не надолго. Еще до начала войны редакцию разгромили, всех повысылали и арестовали. Меня, не дав даже 24 часов, заставили убраться из Петербурга.

Старый метранпаж газеты «Правда»
Василий Антонович ПРИХОДЬКО.

Карточка.

В 1913 г. я работал на фабрике шведско-американской конторской мебели в Петрограде. Все рабочие фабрики любили и уважали газету «Путь Правды», доставляемую нам подростком по заказу. Получив газету в отсутствии мастеров, мы группами читали ее по закутам. 18 февраля нам газетчик принес нам газету. «Путь Правды» в тот день вышел с большими пробелами. Газетчик заявил, что больше он газету приносить не будет, так как ее закрывает полиция. Все рабочие фабрики долгое время в этот день советовались по углам. Некоторые говорили, что теперь наверное сорвут всю работу среди рабочих. Мне тоже думалось, что раз закрывают типографию и арестовали редактора, то и вся работа по улучшению быта рабочих пропала и что больше некому будет защищать интересы рабочих и указывать на несправедливость хозяев и мастеров.

Спрятав свой номер газеты за пазуху, я шагал по Большому проспекту и думал о своей газете. На углу мне бросилась в глаза фотография. Мелькнула мысль сняться со своей газетой. Я поспешил домой, переоделся и явился в фотографию. Фотограф меня спросил, почему я вздумал сняться с газетой? На это я ему ответил, что эта газета для меня очень дорога и вообще она дорога для всех рабочих.

Через несколько дней я получил свои карточки. Когда я вернулся вечером домой, хозяйка квартиры сказала, что после обеда приходили два стражника и дворник, переписали всех жильцов на квартире, где кто работает, и забрали из стола газеты вместе с моими фотографиями.

На следующий день я рассказал своим товарищам о происшедшем, и они мне посоветовали переменить место работы и квартиру.

Тов. Сергей Кресняков.

Через неделю я уехал из Петрограда в Москву, где поступил на работу на Александровскую железную дорогу; все время сохраняю эту карточку при себе.

С. КРЕСНЯКОВ.

Зицредакторы „Правды".

Как я „редактировал" „Правду".

Работая с 1907 г. в союзе деревообделочников, я еще в 1909 г. был ответственным редактором-издателем журнала «Эхо Деревообделочников».

Желая чем-нибудь помочь «Правде», я в 1914 г. сообщил через свой союз, что готов быть ответственным редактором «Правды». Долгое время я был кандидатом. Но в конце апреля, придя на квартиру, узнал, что меня вызывают в «Правду». Зашел я туда на следующий день около 11 часов ночи. Там мне дали 50 листов чистой бумаги, на которых внизу в уголке я расписался. Уже на следующий день «Правда» вышла с моей подписью.

Однако, редакторствовать мне пришлось недолго. 27 апреля утром, идя по Лиговке на работу, заметил я около Нового Каменного моста на Обводном канале околоточного, который, стоя на пролетке, направлялся к месту моей работы. Я сразу решил, что это за мной.

Дождавшись от'езда околоточного, я пробрался на чердак напротив моей мастерской и там в мусоре спрятал первомайские прокламации, которыми меня снабдили в клубе «Просвещение» (или «Самообразование»).

Бывш. редактор «Правды» тов. Карцев.

Затем, как ни в чем не бывало, с песнями принялся работать. Вскоре пришел старший дворник и сообщил, что меня спрашивал околоточный.

Догадываясь, в чем дело, я пошел в чайную, купил по дороге «Правду» [1]) и на первой странице прочел, что «редактор Карцев по статье 127 оштрафован на 500 рублей с заменой тремя месяцами ареста». Как сейчас помню, на той же странице стихотворение Демьяна Бедного. Одна фраза из этого стихотворения особенно врезалась мне в память:

«И слышу глас с высот:
— Еще пятьсот»...

Вижу, дело плохо. Пошел я в редакцию выяснить свое положение. Но было еще только 6 часов, и кроме сторожа там никого не было. Пришедшие сотрудники посоветовали мне подождать Малиновского. Тот вскоре пришел и предложил мне скрываться от полиции, так как не были еще найдены другие редакторы. От его предложения подыскать мне нелегальную квартиру я отказался.

В тот же день у меня на квартире был пристав, предлагая хозяину устроить засаду, обещая ему по два рубля в день, и ждал меня там два дня.

Месяца два скрывался я у товарищей по разным квартирам, нигде не работая. Через Сергея Иванова, тоже члена союза деревообделочников, получил я из редакции «Правды» свое «жалованье». Тогда был такой порядок, что ответственный редактор «Правды» получал вперед 30 рублей и в течение всей своей отсидки по 30 рублей ежемесячно.

Таким путем я нелегально прожил в Ленинграде три года, вплоть до Февральской революции. В течение этого времени я скрывался в Волковой деревне у одного хозяина-кустаря, Майорова, который мне давал работу и ночлег.

«Путь Правды» выходил за моей подписью около 10 дней. Последний номер, мной подписанный, вышел, кажется, 5 мая. За первомайский номер я был вторично присужден к отсидке. Следующие номера «Правды» вышли уже за другой подписью. Вероятно, нашелся мне заместитель, или же полиция запретила выпускать от моего имени.

Н. Е. КАРЦЕВ.

[1]) «Путь Правды».

Как царское правительство расправлялось с редакторами „Звезды" и „Правды".

Правительство кровавого Николая, видя опасного врага в лице рабочей печати, всячески старалось придушить ее штрафами, конфискациями отдельных номеров газет, отдачей под суд редакторов и арестами сотрудников газет. Пишущему эти строки лично пришлось испытать на себе все те гонения, которые падали на лиц, причастных к рабочей печати. В мае 1912 г. на мою долю выпал жребий быть очередным ответственным редактором газеты «Невская Звезда» (после ареста первого редактора Гриталева и второго—Барашкова очередь была за мной).

В ночь на 16 июля ко мне на квартиру явились николаевские держиморды—околоточный надзиратель, два городовых и некто в штатском. Произведя тщательный обыск, они нашли у меня несколько экземпляров конфискованных номеров «Звезды». Их, и меня захватили в охранное отделение.

Оттуда было получено распоряжение направить меня в 3-ю Московскую часть, что на углу Гороховой и Загородного проспекта. Затем началась процедура записывания в черную книгу, и в результате я был водворен в арестантскую камеру, переполненную арестованными, валявшимися на нарах, под нарами и в проходе. В этой камере я пробыл без малого три месяца. Потом перевели в одиночку дома предварительного заключения. Оттуда меня несколько раз приводили к судебному следователю по особо важным делам Зайцеву, который и чинил свой допрос. В скором времени я получил на руки обвинительный акт, гласящий, что за призыв к ниспровержению существующего государственного строя и бунтовщическое деяние меня предают суду особого присутствия СПБ судебной палаты. 2 ноября два жандарма повели меня на суд. В результате я был приговорен к лишению всех прав и преимуществ и к заключению в крепости сроком на два года, с запрещением жительства в Петербурге после отбытия наказания.

Бывший редактор газ. «Невская Звезда»
И. ПРОХОРОВ.

СТАТЬИ, ВОСПОМИНАНИЯ ТТ. ДАНСКОГО, ПОЛЕТАЕВА, АВЕРЬЯНОВА, ГОПНЕРА, КОЛЬЦОВА, ДАНИЛОВА, ФЕДОРОВИЧА, СЫРОМОЛОТОВА, ОДИНЦОВА, ГЕРТИКА И ДР., НЕ ВОШЕДШИЕ ПО ТЕХНИЧЕСКИМ ПРИЧИНАМ В НАСТОЯЩИЙ НОМЕР, БУДУТ ПОМЕЩЕНЫ В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ «ПРАВДЫ».

ТОВАРИЩАМ ГЕОРГИЮ ИВАНОВУ, М. РУДНОВУ (ТИХИЙ), В. ВЕНСАНУ, С. СИМОНОВУ, АЛЕКСЕЮ БОРИСОВУ, ГОРОДНЕНКО, ЛОМСКОМУ, ГИВУ: ОТРЫВКИ ИЗ ВАШИХ ВОСПОМИНАНИЙ ПОМЕЩЕНЫ В № 8 ЖУРНАЛА «РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ КОРРЕСПОНДЕН[Т]».

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ.

На бирже труда.

СПРОС НА РАБОЧУЮ СИЛУ.

Московская биржа труда извещает всех безработных, состоящих на ее учете, что сегодня требуются: по секции совторгслужащих —2 бухгалтера экономист-аналитик, знающ. иностранные языки, 5 счетоводов, 12 машинисток, из них одна корреспондентка и одна делопроизводитель, 1 табельщица, 1 кассирша, 1 фининспектор на должность заведывающего городским отделением трудсберкассы, 10 упаковщиков газет, 1 упаковщик наглядных пособий, 1 продавец дамских и мужских головных уборов, 5—мороженщиков(?), 1 буфетчик, 1 экспедитор почтовый, 25 работниц для лотереи на проценты.

Радиогазета.

О-во «Радиопередача» (ст. им. Коминтерна). 4 ч.—«Радиопионер». 5 ч. 20 м.—Крестьянская радиогазета. 6 ч. 45 м.—Рабочая радиогазета. 8 ч.—Доклад, посвященный дню печати. 8 ч. 30 м.—Концерт из студии «Радиопередачи». 11 ч. 55 м.—Бой часов с Кремлевской башни. Ст. МГСПС и по проволочной сети в рабочие клубы. 10 ч. и 1 ч.—Информация губотдела медсантруд. 12 ч. 15 м.—Радиогазета: «Рабочий полдень». 6 ч.—Доклад: «Крестьянство и печать». 6 ч. 30 м.—Доклад агитпропа МК ВКП(б) «День печати». 7 ч.—Лекция по физкультуре. 7 ч. 30 м.—Лекция Шин: «Москва как просветительный центр». 8 ч. 30 м.—Концерт из Дома Союзов.

Ст. профсоюза совторгслужащих. 9 ч. 30 м. и 3 ч.—Информация для месткомов.

Разные.

— Научное общество «Ленинизм и медицина». 5 мая, в 8 час. веч., в Доме Врача (Мясницкая, 48) состоятся доклады профессоров: Г. И. Россолимо—«К вопросу о взаимоотношении среды и человеческой природы» и Е. М. Курдиновского—«Женский организм и физкультура».

СЕГОДНЯ В ТЕАТРАХ И КИНО:

Большой „ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН" с участ. Собинова.
Экспериментальный—„БОГЕМА".
Художественн. театр—„ДНИ ТУРБИНЫХ"
„ II— „РАСТОЧИТЕЛЬ"
Студия им. Станиславского—„ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН".
Еврейский Гос. театр—„ПУТЕШЕСТВИЕ ВЕНИАМИНА III".
Пролеткульт—„ПО ТУ СТОРОНУ ЩЕЛИ"
1-й Госкино в Арс—„СОЛИСТКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА".
Горн—„КОТОРЫЙ ИЗ ДВУХ".
Колизей—„БЕЛЛА ДОННА".
М. Дмитровка—„БЕЛЛА ДОННА".
Унион—„ДЕВУШКА С КОРОБКОЙ".
Межрабпом—„ПРОЦЕСС О 3-х МИЛЛИОНАХ".
Колосс—„КОТОРЫЙ ИЗ ДВУХ".

ИЗВЕЩЕНИЯ.

Об'единенное бюро ячейки, кассячейка организационно-хозяйственного отделения, исполбюро профсекции, студенты и преподаватели орг.-хоз. отделения Института Народного Хозяйства им. Плеханова с глубоким прискорбием сообщают о безвременной кончине студента, члена ВКП(б), дорогого товарища и друга

Ефима РИШИНА,

последовавшей 3 сего мая.

Вынос тела из Колонного зала Инст. Нар. Хозяйства им. Плеханова (Серпуховская ул., Стремянный пер.) 5 мая, в 3 ч. дня.

Убитые горем мать, жена, брат, сестры и родные с глубокой скорбью сообщают друзьям и знакомым о кончине горячо любимого сына, мужа и брата

Ефима Григорьевича РИШИНА,

последовавшей 3 сего мая.

Отдел работниц МК ВКП(б). Общее собрание работниц, посвященное дню печати, состоится 6 мая, в 6 ч. веч., в Кр. зале МК ВКП(б) (Б. Дмитровка, 15а). Билеты—в отделе работниц райкомов.

Истпарт ЦК ВКП(б). 8 мая, в 12 час. дня, в помещ. Мельэтрон (Мясницк. пр., 1, у Красн. ворот), собираются партийцы, работавшие в Киеве в 1917—18 гг. Повестка: доклад т. Смирнова—«Киевская Красная гвардия в борьбе за советскую власть».

МК ВКП(б). В пятницу, 6 мая, в 4 часа дня, в МК (зал пленумов, 4 этаж) состоится совещание секретарей советских ячеек, выделенных райкомами для обследования практического проведения борьбы с бюрократизмом, и выделенных райкомами обследователей для обследования советских ячеек.

ЦКК ВКП(б) срочно вызывает члена ВКП(б) т. Гиршфельда, Владимира Семеновича, п. б. прежнего образца № 184197 (член о-ва старых большевиков), к следователю т. Крылову: Ильинка, 21, 3 этаж, комн. 814, от 9 до 3 час. ежедневно.

ПАРТИЙНЫЕ.

Кр.-Пресн. р. 5 мая, в 6 ч. в., в райк. комн. 1, сост. пленум райк.; 6 мая, в 6½ ч. в., в Голубом зале райсовета общее районное собр. ячейков. организат. по работе среди женщин, совм. с членами женсекций(?).

Замрайк. 5 мая, в 6 ч. 45 м., сост. очередн. засед. антирелигиозн. курсов в пом. клуба НКФ (Ильинка, 9).

Бауман. р. 6 мая в 5½ ч. в., в райк. комн. [illegible] сост. собран. слушателей кружков [illegible] ... районн. совещ. рабкоров, селькоров, юнкоров. Норма представит. 1 от 10. Мандаты выдаются по выписке из протоколов собран. рабкор. в агитпропе райк. у т. Бурова.

Замрайк. МОПР. 5 мая, в 5½ ч. в., в районном ВКП (3-й эт., 19 ком.) сост. засед. организац. с общественн. орг.

Бауман. р. МОПР 6 мая, в 7 ч. в., в большом зале райк. сост. расшир. пленум с обязательн. представит. от всех ячеек МОПР.

Красн.-Пресн. р. МОПР. 5 мая, в 7 ч. в., сост. засед. агитсекции совм. с агитпр. ... МК МОПР [illegible]

духовно-нравственные, учебные, ученические, детские, военные, художественные, театральные, морские, горные и т. д., и т. д. без конца. Если не ошибаюсь, в этих книгах года за три—четыре было зарегистрировано до 3.000 изданий, еще сохранивших свои права.

К моему большому удивлению, все выработанные нами заголовки не годились,—весь список был исчерпан уже имеющимися в разрешении изданиями.

Через полтора часа меня прошиб пот, и стало мутиться в голове. Но тут стали присылать за этими книгами отделы, и пришлось эту работу бросить до завтра.

Прямо из главного управления я направился к Н. Н. Иорданскому, вызвали В. Д. Бонч-Бруевича и стали совещаться. Думали прибавить новых названий, но ничего больше не выдумывалось, кроме более резких или революционных. Был еще исход,—если из нашего списка не выйдет ни одно название (этому прямо не верилось), то взять любое, какое будет свободно в списках.

— В конце концов узнают сокола по когтям, а ворону по перьям.

— Все-таки не очень бы паршивое заглавие, хоть бы мало-мальски на что-нибудь похоже было,—говорил Н. Н. Иорданский.

— Да поскорей бы!—добавил В. Д. Бонч-Бруевич.—Ох, как время-то идет!

— Дайте, там, кому четвертной в зубы, чтобы не тормозили сукины дети!

— Ладно, все сделаю, что смогу. Будет у нас газета!

А пока о красненькой и всех моих мучениях умолчал.

На следующее утро я аккуратненько был в управлении около [illegible] часов, а Иван Максимович там уже старался.

С остервенением листал я фолианты—год за годом, перебирая по моему списку название за названием. Жаль, что эти листочки с нашими названиями пропали, и я лишь приблизительно помню, как я перебирал слова: Искра, Заря, Вперед, Движение, Труд, Набат, Мысль, Гудок, Работник, Дело, Солидарность, Звено, Пламя, Прибой, Наше Дело, Новая Мысль, Стачка(?), Молот, Не говорите(?), Трудовая Жизнь, Вопросы Жизни, Жизнь и Труд, Момент, Новое Дело, Дело Жизни, Мысль Труда, Вопросы Труда, Новый Мир, Будущее, Союз, Трудовой Союз, Союз Труда...

И такие издания уже существовали—и «Будущее» и «Союз Труда»! А никого о них и не подозревал! Не помню какое-то из наших названий было зарегистрировано только в прошлом месяце.

Когда мы исчерпали, наконец, список, Иван Максимович устало откинулся на спинку стула и со вздохом молвил:

— Все. Может быть, вы еще со своими компаньонами полумаете до завтра и еще списочек составите?

— Вы почем знаете, есть ли у меня компаньоны? Я сам по себе.

— Ну, да какие-нибудь компаньоны да есть,—примирительно заметил он.

— Никаких компаньонов. Давайте какое-нибудь название из мертвых, которые уж не выходят. Не уйду отсюда без газеты!

— Это дело другое. Это мы скоро.

И действительно, вскоре он мне предложил: «Ростки», «Зеленый Шум», «Вечер», «Мирные Поля», «Зерцало Кротости» и еще что-то.

Но тут уж я стал торговаться: мол, не нравится, нет ли чего получше. Действительно, хороши бы мы были с Лениным в «Мирных Полях» или еще чище: в «Зерцале Кротости». Конечно, в этой «Зерцале» было бы большевистское отражение, но... Одним словом, я не мог решиться ни на одно из свободных названий. Наконец, как-то случайно попалось нам в глаза название «Звезда». Это было еженедельное издание,—газета каких-то духовных христиан или старообрядцев под заголовком: «Духовно-нравственное обозрение» и еще что-то в этом роде. Против него не было в последней графе пометки: «Окончилось тогда-то», но по начальной графе было ясно, что его уже нет, кажется, несколько лет,—оно возникло в 1903 году, а скончалось в 1905 г., когда выступили на сцену «Пулеметы».

— Ну, вот,—говорил Иван Максимович,—поздравляю. Чем плохо! «Звезда»! Очень хорошо. Помолитесь с богом, а мы будем почитывать.

Я взял свое прошение и жестоко написал: «Звезда».

«Хоть и не мудрящее название, да все же и не паршивое.

И варьировать можно: «Северная Звезда», «Полярная Звезда»...

У Герцена был такой журнал... А если будут меня очень ругать, подадим на новое, а это пусть в запасе».

Так думал я, что называется, оправдывая себя, ибо и сам был недоволен этим названием. Но дело было кончено.

— Так, нельзя ли мне завтра обхлопотать свидетельство, Иван Максимович?

— Завтра? Что вы, что вы! Сегодня Петра Петровича не будет,—болен, инфлуэнция. Неизвестно, когда поправится, а без него кто же доложит.

— Да ведь бумаги же докладываются?

— Так-то, неважные. Петр Петрович резолюцию напишет, по ней мы исполнение сделаем, пошлем ему на подпись, а потом уж Василий Нилыч вместе со своими делами на доклад и захватит. А докладывать Василий Нилыч не могут, не в курсе наших дел... Придется подождать Петра Петровича.

— А нельзя ли все-таки послать ему мое прошение с вашей коротенькой запиской. Быть может, он соблаговолит ускорить. Я бы вас очень просил.

— Да, пожалуйста!... Если вам так угодно,—я пошлю. Вот в регистратуру, справку напишем—и пошлю. Только советовал бы денек подождать, они поправятся. Поговорили бы с Петром Петровичем...

Однако, я настоял на своем.

На следующий день меня ждало разочарование: ни Петра Петровича, ни моего прошения И никакого известия. Пришлось уйти ни с чем. На завтра прошение вернулось в папке с другими неисполненными бумагами и с вестью о том, что Петр Петрович «будут» завтра.

Завтра Петр Петрович явился, но я прождал часа три, пока он меня принял.

— Ваше издание? Помню, помню. Теперь все в порядке, и название мы отыскали. Вот после завтра [illegible]

— Сегодня я еще нездоров. Завтра войду в курс дел, позапустил немного. А после завтра буду докладывать... Ведь не могу же я докладывать одно прошение, правда?—наглo спросил он.

— Да мне время-то дороже денег.

— Но что же я могу? Согласитесь, что мы сделали все, что могли. Теперь—как генерал. Утвердит, и ваше дело в шляпе.

— А разве может не утвердить? Ведь, кажется, все в порядке.

— Может не утвердить. Там, в верхах, знаете, высшая политика, мы даже и не знаем. Что-нибудь градоначальник у товарища министра на совещании высказал, или еще кто, ну и...

— Неужели это туда попадет?

— Нет, зачем. Туда срочно посылаются списки разрешенных изданий, так что завтра же там известно. А свидетельство выдается на руки через день, без замедления. Прозевают, это—не наше дело.

— Нельзя ли как-нибудь ускорить, Петр Петрович?

— Уж не обещаю. Но сделаю все, что могу... Скажите там столоначальнику, чтоб подал мне ваше прошение, вынул из папки... До свидания, после завтра!

Сказал я Ивану Максимовичу, чтобы дал прошение и свое его Петру Петровичу. Посмотрел я на прошение, сложил его и по какому-то наитию вынул, не торопясь, десятку, положил в сложенную бумагу и бросил ее на стол.

— До свидания, Иван Максимович. Я завтра зайду наведаться.

Мне показалось, что, неся мое прошение в кабинет начальника, Иван Максимович будто приостановился, как бы обернулся или положил что-то в карман.

На другой день я зашел почему-то поздно, часа в 2 дня.

— Готово ваше свидетельство,—поспешил меня обрадовать Иван Максимович.—Сейчас можете получить. Я все раньше поджидал. Петр Петрович уехал в министерство, просил передать, чтоб заходили иногда к нему потолковать.

Меня проводили очень вежливо.

Так была зачата газета «Звезда», вышедшая в свет 16 декабря 1910 года, открывшая собою [illegible] эпоху в [illegible] России, справедливо названную «эпохой» «Звезды» и «Правды».

В нашем дальнейшем многострадальном газетном бытии мы много раз меняли название газеты, т.-е. брали разрешение на выход как бы новой газеты.

Так, была «Невская Звезда» и, кажется, лежала в запасе «Северная Звезда». Потом «Правда»—уже ежедневная газета—сменялась восемью названиями: «Рабочая Правда», «Северная Правда», «Путь Правды», «За Правду», «Пролетарская Правда», «Правда Труда», «Рабочий», «Трудовая Правда». С названиями тут уже было легче, а «подмазка» оказывала свое влияние на скорость получения свидетельств. Даже упрочилась как бы «такса», как говорил Д. И. Бравуль(?), который не раз ходил в управление по делам печати с нашими официальными издателями, когда они были не депутаты.

Но вот с «Правдой» вышла история, аналогичная со «Звездой».

Помню, что мы вместе и в отдельности каждый в новой редакционной коллегии придумывали соответствующее и звучное заглавие. И было выработано больше двух десятков названий.

И, однако, когда наш издатель пошел выхлопатывать свидетельство, то оказалось, что на эти названия уже имеются заявки. Сначала думали-было перекупить право издания у какого-либо неудачливого издателя и делали в этом отношении разведки. Наконец, решили искать, по примеру «Звезды», среди «мертвых» изданий. И вот оказалось ежедневное издание «Правда», тоже не то духовно-нравственное, не то халтурное, которое [illegible] право выхода в свет. Чуть ли не было это издание какого-то издательского авантюриста Поплигайлова,—мне что-то вспоминается эта фамилия в связи с нашими хлопотами.

Ну, что ж, пришлось скорее захватывать это название, лишь бы никто о нем не узнал и не перебил его у нас, вырвав почти из рук. Захватить удалось. Так мы получили «Правду», название, по моему мнению, да, я думаю, и по мнению [illegible], лучшее,—как говорится, «Правда светлее солнца».

Однако, из-за названия «Правда» у нас вышло неожиданное осложнение, и даже чуть не в международном масштабе.

Дело в том, что тов. Троцкий, тогда глава не весьма многочисленной партии троцкистов, издавал в Вене газетку под этим названием. У нас, в России, она была известна разве очень немногим партийцам. Так вот, когда вышла наша «Правда», тов. Троцкий усмотрел в этом узурпацию его литературного влияния в России, послал протест в Центральный Комитет большевиков, опубликовал и, кажется, подал жалобу на наш ЦК во II Интернационал. Мы отсюда пытались об'яснить ему, заграничнику, что это дело случая и российских условий. Не знаю, насколько тов. Троцкий был удовлетворен этим раз'яснением, но «Правду» прекратить уже было никак нельзя.

Я-то убежден, что тов. Троцкий ни в каком случае не был прав. Если бы даже мы и перехватили название его газеты, так ведь мы были в России, а он в Австрии. А ведь и там может быть своя «Правда». Тут могло быть только лестно, что она служит делу рабочей революции в царской России. Но, кроме того, никто тов. Троцкому не давал исключительного права на это название, и не он первый его употребил для революционного издания. Напомню, что еще в 1905 или 1906 году в Лемберге (Львове), в той же Австрии, издавалась на русском языке газетка «Правда», издавала ее организация так называемая «Украинска Спилка» (кажется, параллельно и на украинском языке было издание), а редактировал ее тов. П. Тучанский. Я сам посылал иногда туда статейки. Так что тов. Троцкий явно перенял название у этого спилковского издания.

Но, в общем, губительного международного конфликта не произошло. «Правда» сыграла беспримерную пока в истории революций роль коллективного организатора. А припомнил я и об этом случае, связанном с наименованием газеты «Правда», потому что, как говорится,—из истории слова не выкинешь.

Н. ЕРЕМЕЕВ.

Главлит. 21.135. Москва.

Центральная газетная типография «Изд-ва „Правда“», Москва, Тверская, 48.